

2025

Volume 19

No 1 (71)

**VESTNIK YAROSLAVSKOGO GOSUDARSTVENNOGO
UNIVERSITETA IM. P. G. DEMIDOVA.
SERIYA GUMANITARNYE NAUKI**

ACADEMIC JOURNAL

Start date of publication – January 2007

Published four times a year

FOUNDER

P. G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

2025

Том 19

№ 1 (71)

**ВЕСТНИК ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Г. ДЕМИДОВА.
СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 2007 года

Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu>

E-mail: vestnik@uniyar.ac.ru

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС77-69692 от «05» мая 2017 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Формат 240×170. Объем 176 с. Тираж 28 экз. Дата выхода в свет 31.03.2025. Цена свободная. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ИД «Канцлер»; Полужкина роща, д. 16, стр. 66-а, Ярославль, 150064, Российская Федерация.

16+

EDITOR-IN-CHEF

Anatoliy V. Karpov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHEF

Tatiana M. Gavristova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

THE EDITORIAL BOARD

- Maksim V. Bavsun (St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia)
Anatoly L. Zhuravlev (Institute of Psychology, Moscow, Russia)
Yuriy P. Zinchenko (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)
Artem V. Ivanchin (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Olga Y. Ilyina (Tver State University, Tver, Russia)
Vladimir N. Kartashov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Mergalias M. Kashapov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Vladimir P. Konyakhin (Kuban State University, Krasnodar, Russia)
Natalia L. Krylova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia)
Alexander M. Kurennoj (Moscow State University, Moscow, Russia)
Andrey M. Lushnikov (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Marina V. Lushnikova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Sergei P. Mavrin (Constitutional Court of the Russian Federation, Moscow, Russia)
Sergey B. Malykh (Psychological Institute of RAO, Moscow, Russia)
Viktoria M. Marasanova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Andrey A. Spiridonov (Russian Federation government, Moscow, Russia)
Nadegda N. Tarusina (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)
Lidia V. Tumanova (Tver State University, Tver, Russia)
Pyotr P. Cherkasov (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia)
Vladimir D. Shadrikov (Higher School of Economics, Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Anastasia A. Volchenkova (Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А. В. Карпов – (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Т. М. Гавристова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

- М. В. Бавсун (СПбУ МВД РФ, Санкт-Петербург, Россия)
А. Л. Журавлев (ИПРАН, Москва, Россия)
Ю. П. Зинченко (МГУ, Москва, Россия)
А. В. Иванчин (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
О. Ю. Ильина (ТвГУ, Тверь, Россия)
В. Н. Карташов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. М. Кашапов (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
В. П. Коняхин (КубГУ, Краснодар, Россия)
Н. Л. Крылова (Институт Африки РАН, Москва, Россия)
А. М. Куренной (МГУ, Москва, Россия)
А. М. Лушников (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
М. В. Лушникова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
С. П. Маврин (Конституционный суд РФ, Москва, Россия)
С. Б. Малых (ПИ РАО, Москва, Россия)
В. М. Марасанова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
А. А. Спиридонов (Правительство РФ, Москва, Россия)
Н. Н. Тарусина (ЯрГУ, Ярославль, Россия)
Л. В. Туманова (ТвГУ, Тверь, Россия)
П. П. Черкасов (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия)
В. Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. А. Волченкова (ЯрГУ, Ярославль, Россия)

HISTORY

Gavristova T. M., Khokholkova N. E.

History in Stories: On the Anniversary of Academician

Apollon B. Davidson..... 8

Denisova T. S., Kostelyanets S. V.

The colonial division of Africa and the reaction of imperial Russia 18

Popova K. I.

The system of African studies in the GDR..... 32

Ushakov A. V.

Documents of the second half of the 15th century on the staffing
of merchant ships with mercenaries and weapons from the archives
of the "Novgorod guests" of Lübeck..... 46

Punevsky Y. V.

Members of the Yaroslavl City Duma in 1870–1914:

social and personal composition 56

Assonov A. V.

Youth organizations of the Yaroslavl province and cultural
and educational work in the 1920s..... 62

LAW

Tarusina N. N.

Entrepreneurship and Charity: studies on the Socio-legal Portrait
of a Russian Woman (19th-early 20th centuries)..... 70

Chirkov F. V.

Theoretical and methodological features of the study of the history
of criminal-legal protection of spiritual and moral values..... 84

Asafina I. A.

The concept of applicable law in contracts complicated by a foreign
element (on the example of an international electric energy transit
agreement)..... 92

Kharlamova N. A.

Controversial issues of defining the subject of legal technology100

Kilipchenko I. O.

Nationality clauses in sports as an exhibition of the public
differentiation of the labor rights of athletes108

PSYCHOLOGY

Karpov A. A., Kalacheva A. I.

General Management Styles as a Determinant of the Functional
Organization of the Metacognitive Sphere of Personality116

Akopov G. V., Akopyan L. S., Biryulin V. A., Chernyshova E. L.

Relation of teachers of elementary and high school to education
digitalization.....124

Fedorishin M. I.

The value differences of the commander depending on the chosen
role model in the process of performing service and combat tasks.....134

Filatova O. V., Pogorelaya S. V.

Features of the intellectual sphere and social adaptation of migrant
workers144

Vasyuta Y., Kiselev V. V.

A study of the homogeneity of perception and assessment
of organizational culture by employees at an online trading enterprise.....152

Nazarov V. I., Kornev S. A., Pantyushina S. V., Kiselev I. Y.

Thirty years in the service of social psychology in the law
enforcement system166

ИСТОРИЯ

Гавристова Т. М., Хохолькова Н. Е.

История в историях: к юбилею академика Аполлона Борисовича Давидсона 8

Денисова Т. С., Костелянец С. В.

Колониальный раздел Африки и реакция на него имперской России 18

Попова К. И.

Система африканских исследований в ГДР 32

Ушаков А. В.

Документы второй половины XV века об укомплектовании купеческих судов наемниками и вооружением из архива «новгородских гостей» Любека 46

Пуневский Я. В.

Гласные ярославской городской думы в 1870–1914 гг.: социальный и персональный состав 56

Ассонов А. В.

Молодежные организации Ярославской губернии и культурно-просветительная работа в 1920-е гг. 62

ПРАВО

Тарусина Н. Н.

Предпринимательство и благотворительность: этюды к социально-юридическому портрету российской женщины (XIX – начало XX века) 70

Чирков Ф. В.

Теоретико-методологические особенности исследования истории уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей 84

Асафина И. А.

Понятие «применимое право» в договорных отношениях, осложненных иностранным элементом (на примере договора международного транзита электрической энергии) 92

Харламова Н. А.

Дискуссионные вопросы определения субъекта юридической техники ..100

Килипченко И. О.

Лимит на легионеров в спорте как проявление публичной дифференциации трудовых прав спортсменов108

ПСИХОЛОГИЯ

Карпов А. А., Калачева А. И.

Общеуправленческие стили как детерминанта функциональной организации метакогнитивной сферы личности.....116

Акопов Г. В., Акопян Л. С., Бирюлин В. А., Чернышова Е. Л.

Отношение педагогов начальной и средней школы к цифровизации образования.....124

Федоришин М. И.

Ценностные различия командира в зависимости от выбранной ролевой модели в процессе выполнения служебно-боевых задач.....134

Филатова О. В., Погорелая С. В.

Особенности интеллектуальной сферы и социальной адаптации трудовых мигрантов144

Васюта Ю., Киселёв В. В.

Исследование однородности восприятия и оценки организационной культуры работниками на предприятии сферы онлайн-торговли.....152

Назаров В. И., Корнев С. А., Пантюшина С. В., Киселёв И. Ю.

Тридцать лет на службе социальной психологии в системе правоохранения166

History in Stories: On the Anniversary of Academician Apollon B. Davidson

T. M. Gavristova¹, N. E. Khokholkova²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

²Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-8-17

Research article
Full text in Russian

Apollon B. Davidson is one of the outstanding Russian and Soviet researchers of Africa, academician of the Russian Academy of Sciences, founder of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, prominent scholar, intellectual, Anglophile, and an idol of many generations of students. His research interests are diverse. His works combine many facets of humanitarian knowledge and arts: history, historiography, source studies of Africa and Great Britain, personal and intellectual history, and literature of the Silver Age. The article was written for the 95th anniversary of A. B. Davidson. It is based on a report presented at the anniversary international conference "A Man of Good Hope" held at the Higher School of Economics on September 18, 2024 (Moscow).

Keywords: Apollon B. Davidson; Africa; African studies; historiography; source studies; world history

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Gavristova, Tatiana M. | E-mail: tagavristova@gmail.com
D. Sc. (History), Professor

Khokholkova, Nadezhda E. | E-mail: khokholkova@gmail.com
Cand. Sc. (History)

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-018).

История в историях: к юбилею академика Аполлона Борисовича Давидсона

Т. М. Гавристова¹, Н. Е. Хохолькова²

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

²Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-8-17

Научная статья

УДК 94/92:930.1

Полный текст на русском языке

Аполлон Борисович Давидсон – один из крупнейших российских и советских исследователей Африки, академик РАН, создатель центра африканских исследований ИВИ РАН, выдающийся ученый, интеллектуал, англоман, кумир многих поколений студентов. Его научные интересы разнообразны. Его труды соединили в себе множество граней гуманитарного знания – история, историография, источниковедение Африки и Великобритании, персональная и интеллектуальная история, литература Серебряного века. Статья написана к 95-летию А. Б. Давидсона. Ее основой является доклад, презентация которого прошла на юбилейной конференции «Человек Доброй Надежды: история и культура народов Африки и России в творчестве академика А. Б. Давидсона и его современников», которая состоялась в стенах Высшей школы экономики, 18 сентября 2024 г. (Москва).

Ключевые слова: Аполлон Борисович Давидсон; Африка; африканистика; историография; источниковедение; всеобщая история

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гавристова, Татьяна Михайловна | E-mail: tagavristova@gmail.com
Доктор исторических наук, профессор

Хохолькова, Надежда Евгеньевна | E-mail: khokholkova@gmail.com
Кандидат исторических наук

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-018).

*Vivat Academia!
Vivant professores!
Vivat membrum quodlibet!
Vivant membra quaelibet! Semper sint in flore!
(Gaudeamus. IV. 1-5)*

Имя академика РАН Аполлона Борисовича Давидсона (род. в 1929 г.) хорошо известно всем, кто интересуется Африкой и не только. Те, кто занимается африканскими исследованиями, в большей или меньшей степе-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ни ощущают себя его учениками и, восхищаясь его знаниями и эрудицией, через себя ретранслируют их молодому поколению. Студенты довольно часто приходят к увлечению историей Африки через труды А. Б. Давидсона, а потом, как ни удивительно, через Африку постигают обаяние поэзии Серебряного века, приобщаясь к творчеству Николая Гумилева, Анны Ахматовой и других выдающихся мастеров XX века.

Сам А. Б. Давидсон, как представляется, испытывает невероятный интерес к людям и их судьбам – к персональной истории, истории успеха. Читая его книги, мы сталкиваемся с мириадами имен исторических персонажей и современников. Одни, например Лобенгула¹, Сесиль Родс², Нельсон Мандела³ или Николай Гумилев⁴, являются объектами его исследовательского интереса; другие – формируют особую профессиональную общность, которую сам академик А. Б. Давидсон определяет как «цех». Преимущественно это люди, которые стояли у истоков африканских исследований в России и Советском Союзе, пионеры африканистики. Они, а вслед за ними и сам А. Б. Давидсон аккумулировали и развивали науку об Африке, одолевая множество препон и преград.

Среди персонажей книг А. Б. Давидсона ученые и путешественники, политические деятели и авантюристы, герои и обычные люди, чьи истории интересны ему самому, – его ближний круг. Благодаря посредничеству А. Б. Давидсона, они являются нашими современниками, формируя удивительный феномен, который определен им самим как «Наше неушедшее время». Именно так названа книга воспоминаний, выпущенная в 2021 г. Издательским домом Высшей школы экономики [1].

Именной указатель в ней занимает 8 страниц [1, с. 281–288.]. В нем, по сути, вся история жизни, интересов и увлечений автора – стенограмма памяти; на ее основе можно получить представление о круге общения А. Б. Давидсона – от «А» до «Я». С одними он состоял в родстве (например, В. А. Макрушин⁵), с другими – дружил (И. Кон⁶), встречался (И. Одоевцева⁷), сотрудничал (И. И. Филатова⁸) или просто был знаком. В трудах А. Б. Давидсона обращает на себя невероятная деликатность упоминаний.

¹ Лобенгула (ок. 1836–1894) – второй и последний верховный правитель народа матабеле (1870–1894), лидер вооруженного восстания.

² Сесиль Родс (1853–1902) – британский и южноафриканский политический деятель, финансист и предприниматель, один из стратегов британской колониальной экспансии, «виновник англо-бурской войны», «архитектор апартеида».

³ Нельсон Мандела (1918–2013) – государственный и политический деятель, первый чернокожий президент ЮАР (1994–1999 гг.), лауреат Нобелевской премии мира (1993 г.).

⁴ Николай Гумилев (1886–1921) – русский поэт, прозаик, переводчик, путешественник, совершил, по крайней мере, две поездки в Африку.

⁵ Валентин Александрович Макрушин (1902–1987); брат матери А. Б. Давидсона, автор повести «Первый день на Марсе» [2].

⁶ Игорь Семенович Кон (1928–2011) – российский, советский ученый, антрополог, сексолог, доктор философских наук, профессор, популяризатор науки.

⁷ Ирина Владимировна Одоевцева (1895–1990) – русская поэтесса, прозаик, состояла в «Литературной студии» Н. Гумилева.

⁸ Ирина Ивановна Филатова – российский и советский историк, африканист, профессор, доктор исторических наук, много лет работала в ЮАР.

В тот же пространственный именной список уходят корнями все написанные и рассказанные им истории. Из них, как из пазлов, складывается история взаимосвязей России и Африки, Африки и Коминтерна, англо-бурской войны и апартеида, Африканского национального конгресса и русского зарубежья. Так, через пространство и время все мы, включая молодое поколение «миллениалов», объект живого исследовательского интереса академика А. Б. Давидсона [3], посвятившего им одну из своих статей, обретаем связь с выдающимися учеными и исследователями: Дмитрием Алексеевичем Ольдерогге⁹ и Николаем Александровичем Ерофеевым¹⁰, Александром Захаровичем Зусмановичем¹¹ и Эндре Шиком¹². Для А. Б. Давидсона и вслед за ним для всех нас их статус сакрален: Учитель (с заглавной буквы)!

Ретрансляция их академического и человеческого опыта особенно важна; их имена не должны быть забыты. И одну из выдающихся заслуг академика А. Б. Давидсона мы видим в «очеловечивании» истории, в том, что вслед за французским историком Марком Блок он содействует «встрече людей в веках»[4].

В исследованиях А. Б. Давидсона мы «встречаемся», например, с самыми неожиданными «открывателями» Африки и России, в числе которых родившийся в Ярославле музыкант, путешественник и по совместительству первый российский индолог Герасим Лебедев¹³ и южно-африканская писательница, испытывающая интерес к русской культуре и феминизму, Оливия Шрейнер¹⁴ [5].

Масштабы научных исследований, какими бы грандиозными они ни были, всегда имеют свои границы. Многогранность профессиональных интересов А. Б. Давидсона визуально – для удобства – может быть представлена в виде кругов (диаграмм) Эйлера (рис. 1–2).

⁹ Дмитрий Алексеевич Ольдерогге (1903–1987) – советский ученый-африканист, этнограф, историк, лингвист; один из основателей африканистики в СССР; организатор музейного дела; член-корреспондент АН СССР; автор ряда трудов по египтологии, истории, этнографии, культуре.

¹⁰ Николай Александрович Ерофеев (1907–1996) – советский и российский историк-англовед, специалист по новой истории Великобритании, научный руководитель и друг А. Б. Давидсона.

¹¹ Александр Захарович Зусманович (1902–1965) – один из основоположников советской и российской африканистики.

¹² Эндре Шик [Шийк Андрей Александрович] (1891–1978) – венгерский политэмигрант, выпускник Института Красной профессуры (Москва); один из первых африканистов-марксистов, автор первой марксистской «Истории Чёрной Африки», министр иностранных дел Венгерской народной республики (1958–1961 гг.).

¹³ Герасим Лебедев (1749–1817) – переводчик, музыкант, театральный деятель; 12 лет жил в Индии и около года в Кейптауне, выступал как музыкант-исполнитель, преподавал музыку; первый русский индолог, автор книги «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии брагменов, священных обрядов их и народных обычаев» (1805 г.).

¹⁴ Оливия Шрейнер (1855–1920) – южноафриканская писательница и правозащитница; писала на английском языке, увлекалась идеями социализма, пацифизма, вегетарианства, одна из почитательниц Сесилия Родса.

Рис. 1. Сферы академических интересов академика А. Б. Давидсона

Рис. 2. Области исторических изысканий академика А. Б. Давидсона

Большой круг – история – вмещает в себя политическую, социальную, культурную, персональную, повседневную, интеллектуальную историю России, Великобритании, Южной Африки, российского и африканского зарубежья. Круги пересекаются. Точки их пересечения образуют исторические перекрестки: «оттепель» и «перестройка», крушение колониальной системы и демонтаж апартеида. Изучать их особенно интересно: они определяют вехи не только в истории страны и мира, но и в биографии юбиляра [6–9].

В своих книгах и статьях А. Б. Давидсон пишет о событиях, свидетелем которых он был. И это вовсе не свидетельство очевидца и не аналитическая записка! В изложении А. Б. Давидсона любая история обретает множество коннотаций. Например, история (story!) его студенческой группы во время учебы на историческом факультете Ленинградского университета, по сути, может рассматриваться как фрагмент истории науки (history), как просография и одновременно эпистемология гуманитарного знания.

«Борис Ананьич¹⁵ стал академиком, крупнейшим знатоком истории России нового времени. Юра Соловьев¹⁶ написал трехтомник “Самодержавие и дворянство в России начала XX в.” [10–12]. Виктор Корчной¹⁷ стал одним из крупнейших шахматистов мира» [13, с. 93]. А из числа старшекурсников «Раня Ганелин (он потом стал членом-корреспондентом)¹⁸», автор воспоминаний «О чем историки говорили между собой» [14]; «Саша Фурсенко <...> – третьекурсником он уже был председателем Студенческого научного общества университета <...> – академик, академик-секретарь Отделения истории Академии наук» [13, с. 94]. «Курсом моложе» учились поэтесса Римма Казакова¹⁹, известный журналист Том Колесниченко²⁰.

Мотивации студентов рубежа 1940–1950-х гг. молодое поколение может позавидовать. В настоящее время начинающие историки не ставят перед собой трудновыполнимых задач. Послевоенное поколение студентов, прошедшее войну или, как А. Б. Давидсон, пережившее блокаду, изначально было настроено на реализацию своих далеко идущих планов и намерений, рождению которых во многом способствовало чтение и фантазирование.

На страницах воспоминаний А. Б. Давидсон упоминает о своей «первой профессии» переплетчика, освоенной в школьные годы и ставшей частью его повседневной жизни: следовало помогать маме – «за учебу в школе, на-

¹⁵ Борис Васильевич Ананьич (1931–2015) – историк, специалист по истории Российской империи и международных отношений.

¹⁶ Юрий Борисович Соловьев (1929–1995) – историк, доктор исторических наук.

¹⁷ Виктор Львович Корчной (1931–2016) – советский и швейцарский шахматист, четырехкратный чемпион СССР, трехкратный чемпион Ленинграда; победитель более 10 международных турниров; выпускник исторического факультета Ленинградского государственного университета.

¹⁸ Рафаил Шоломович Ганелин (1926–2014) – историк, член-корреспондент РАН (1991 г.)

¹⁹ Римма Федоровна Казакова (1932–2008) – советская и российская поэтесса, переводчица, автор текстов песен; выпускница исторического факультета Ленинградского государственного университета.

²⁰ Томас Анатольевич Колесниченко (1930–2003) – советский и российский журналист-международник, автор книги «Вторая жизнь Патриса Лумумбы» [15] и др.

чиная с восьмого класса, надо было платить» [13, с. 56]. «Я читал то, что переплетал» [13, с. 57], – отмечает Аполлон Борисович. «Романы Джека Лондона, Голсуорси, Вудхауза, Гамсуна, Уэллса, Эптона Синклера, “На Западном фронте без перемен” Ремарка <...> тоненькие книжечки библиотеки журнала “Бегемот” и “Библиотека сатиры и юмора” издательства “Земля и фабрика” <...> рассказы Аркадия Аверченко <...> “Русские цари в эпиграммах»» [13, с. 59], А. Дюма [13, с. 61–66].

Небольшая книжечка «Папалаги. Речи тихоокеанского вождя Туавийи из Тиавеи» [16] – представления тихоокеанских аборигенов о белом человеке – так заинтересовала юного переплетчика, что была подарена ему владельцем [13, с. 59–60]. Через много лет, став африканистом, Аполлон Борисович, по его словам, не раз вспоминал ее. «Папалаги» – так туземцы называют белого человека. Интерес строился на том, чтобы понять, как они нас видят, как они видят Другого, и порождал мечты о дальних странствиях. Образ Африки базировался и на стихах любимого с детства «поэта, путешественника, воина!» [17] – Николая Гумилева.

Свой интерес к истории А. Б. Давидсон, как многое в свое судьбе, объясняет просто в книге «...Иже именуется Африка»: «В конце 1940-х годов Ленинград, где я жил, еще не отошел от страшных блокадных лет. А вокруг буйствуют кампании “борьбы” против космополитизма <...> Что было делать мне? <...> И я зарылся в старинные книги, документы, разглядывал стародавние лубочные карты <...> – тогда интернета не было. Но если бы и был – может ли он передать ощущение, запах, аромат древних рукописей, карт, книг!» [5, с. 9].

Южная Африка, далекая и ставшая близкой на рубеже XIX–XX века, благодаря использованию кино- и фотосъемки, современем стала главной темой исследования. Ее история и история англо-бурской войны (history!) оказались неразрывно связанными с массой историй (stories), например, о том, «как на Руси искали пути в Южную половину Шара Земного» [5, оборот титула], к мысу Доброй Надежды, насколько популярна была песня на стихи Галины Галиной «Трансвааль, страна моя...» [18], каков был строитель империи и монополист Сесил Родс [19, 20], какие уроки преподавал миру Нельсон Мандела [9, 21].

Виртуозное построение связей между сюжетами и личностями на страницах работ А. Б. Давидсона комплементарно его умению наводить мосты в отношениях между людьми, сообществами и даже целыми странами, в первую очередь между Россией и ЮАР. Одна из книг А. Б. Давидсона и И. И. Филатовой, посвященная истории двустороннего взаимодействия, буквально воспроизводит суть миссии – «Россия и Южная Африка: наведение мостов» [22].

А. Б. Давидсон выступил одним из инициаторов развития гуманитарного сотрудничества между двумя переживавшими в 1990-е гг. масштабные трансформации государствами: Россией и ЮАР. Задолго до своей первой поездки на юг континента А. Б. Давидсон начал популяризировать

африканскую литературу. Благодаря его усилиям советский читатель получил возможность познакомиться с произведениями Питера Абрахамса²¹, Надин Гордимер²², Эрнеста Риттера²³ и многих других.

Во время пребывания в ЮАР просветительская деятельность набирала все более высокие обороты. В 1994 г. был открыт Центр российских исследований в Кейптаунском университете.

Через создание библиотеки (для нее по крупницам собирались переводы Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова на африкаанс и т. д.), чтение лекций и организацию встреч с интересными людьми А. Б. Давидсон способствовал формированию у жителей России и ЮАР актуальных и адекватных представлений друг о друге, став своего рода проводником истории и культуры Африки и Великобритании в России и культуры России в Южной Африке. Для соотечественников и иностранцев А. Б. Давидсон выступил ретранслятором поэзии Серебряного века, одним из тех, кто заново открывал незаслуженно забытые имена.

Успешно справляться с функциями проводника можно лишь с любовью, хорошо «ориентируясь на местности», обладая множеством профессиональных навыков и тем, что в настоящее время именуется развитым эмоциональным интеллектом, а прежде – с легкой руки Василия Кандинского – «душевыми вибрациями» [24, с. 31]. В книге «Письма с мыса Доброй Надежды» А. Б. Давидсон отмечал, чему он «был свидетелем», как «старался понять, проанализировать происходящее» [25, с. 9]. Стремление к постижению, деликатное «вживание» в среду, в область интереса и подлинное сопереживание объектам и субъектам исследования привело к настоящим открытиям.

Авторский аналитический метод А. Б. Давидсона, сочетающий в себе традиции и эксперименты, развивался на стыке истории, антропологии, литературы и географии. Стремление к постижению, заложенное литературой путешествий, раскрывалось и реализовывалось в рамках «модных», как о них писал сам А. Б. Давидсон, психогеографии и геопэзии [25, с. 11]. Исторические источники – материалы архивов, беседы и интервью – дополнялись образами художественной литературы, рассматривались в контексте, «пропускались через себя». Шел процесс вживания, «вчувствования» в историю.

История Африки многогранна. Исследовательский и человеческий опыт А. Б. Давидсона показывает, в каком направлении можно и нужно действовать, чтобы приблизиться к пониманию прошлого и настоящего континента. Чтобы узнать, понять и принять не только Африку, но и мир, раскрывающийся в сложном многообразии, необходимо сверяться с довольно простыми, но универсальными истинами, двигаясь «вперед и ввысь» [24, с. 21–36],

²¹ Питер Генри Абрахамс (1919–2017) – южноафриканский писатель, сочувствующий марксизму; противник апартеида; с 1950-х гг. жил на Ямайке; писал на английском языке.

²² Надин Гордимер (1923–2014) – южноафриканская писательница, борец против режима апартеида; писала на английском языке; лауреат Букеровской (1974 г.) и Нобелевской премий в области литературы (1991 г.).

²³ Эрнст Августус Риттер (1890–1969) – южноафриканский писатель, автор биографического романа «Зулус Чака», впервые опубликованного в 1955 г. [23].

о чем А. Б. Давидсон напомнил в «Письмах с мыса Доброй Надежды», где привел строки из стихотворения «География» Доллара Брэнда²⁴:

*Там много вокруг теорий
О Западе и Востоке
В их многоголосом хоре
Претензии и упреки.
Одно лишь, во всяком случае,
Известно давно и без карт –
На фоне всего, что накручено: Земля наша –
Круглый шар [25, с. 77–78].*

Мы знаем А. Б. Давидсона как мэтра российской африканистики, как блестящего лектора, оратора, лицедея, как мудрого Учителя, мужественного и деликатного человека. Мы признаем, что он привнес в советские и российские исследования живое слово и обновленные сюжеты. Благодаря открытию и осмыслению новых источников и новых знаний, ему удалось сделать историю Африки увлекательной.

Ссылки

1. Давидсон А. Б. Наше неушедшее время / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 288 с.
2. Макрушин В. Первый день на Марсе // Молодая гвардия. 1961. № 5. С. 174–190.
3. Давидсон А. Б. Кто такие миллениалы, чем они отличаются от предыдущих поколений // Российская история. 2020. № 3. С. 229–233. DOI 10.31857/S086956870010163-0.
4. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: Наука, 1973. 232 с. URL: <https://www.litres.ru/book/mark-blok/apologiya-istorii-3744755/chitat-onlayn/>
5. Давидсон А. ...Иже именуется Африка: вести из русской старины. М.: Принципиум, 2017. 560 с.
6. Давидсон А. Б. Перелом в судьбе Африки. К 60-летию «года Африки» // Новая и новейшая история. 2020. № 3. С. 130–137.
7. Давидсон А. Б. Тяжкий путь к оттепели, глазами ленинградского студента // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 139–149. DOI 10.31857/S013038640004255-8.
8. Давидсон А. Б. Историк, социолог, философ, этнолог. К 90-летию И. С. Кона // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 159–164.
9. Давидсон А. Б. Нельсон Мандела: добрый урок современному миру // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 192–204.
10. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 383 с.

²⁴ Доллар Брэнд (Адольф Йоханнес Брэнд, род. 9 октября 1934 г.) – южноафриканский композитор, пианист и поэт, автор джазовой композиции «Манненберг», считающейся гимном борьбы против апартеида. В 1968 г. музыкант принял ислам и изменил имя, став Абдуллой Ибрагимом.

11. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л.: Наука, 1981. 256 с.
12. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л.: Наука, 1990. 267 с.
13. Давидсон А. Б. Я Вас люблю. Страницы жизни. М.: МИК, 2008. 336 с.
14. Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х—1970-х годах. Изд. 2-е. исправленное и дополненное. СПб.: Нестор-История, 2006. 408 с.
15. Колесниченко Т. Вторая жизнь Патриса Лумумбы: записки журналиста. М.: Изд-во восточной литры, 1963. 67 с.
16. Папалаги. Речи тихоокеанского вождя Туавийи из Тиавеи / Изд. Эрих Шерман; пер. с нем. Б. Л. Петербург; Москва: Государственное издательство, 1923. 85 с.
17. Давидсон А. Б. Мир Николая Гумилева, поэта, путешественника, воина. М.: ТИД Русское слово – РС, 2008. 320 с.
18. Давидсон А. Б. Эта старая-старая песня // Азия и Африка сегодня. 1990. № 10. URL: <http://a-pesni.org/popular20/a-transval.php>
19. Давидсон А. Б. Сесил Родс и его время. М.: Мысль, 1984. 367 с.
20. Давидсон А. Б. Сесил Родс – строитель империи. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. 448 с.
21. Африка: «период радуги» и несбывшиеся надежды: Интервью с Аполлоном Борисовичем Давидсоном, академиком РАН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 1. С. 218–225. DOI 10.22363/2313-0660-2020-20-1-218-225.
22. Давидсон А. Б., Филатова И. И. Россия и Южная Африка: наведение мостов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 491 с.
23. Риттер Э. А. Зулус Чака / пер. с англ. В. Я. Голанта. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989. 376 с.
24. Кандинский В. О духовном в искусстве // Кандинский В. Точка и линия на плоскости / пер. с нем. А. Лисовского, В. Козиной. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. С. 7–125.
25. Давидсон А. Б. Письма с мыса Доброй Надежды. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 348 с.

The colonial division of Africa and the reaction of imperial Russia

T. S. Denisova¹, S. V. Kostelyanets¹

¹Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-18-31

Research article
Full text in Russian

The history of the African continent, perhaps more than of any other, is full of cataclysms and turning points that radically changed the lives of indigenous peoples and predetermined the course of their further development. In the 15th–18th centuries, these were the large-scale penetration of Europeans into Africa and the slave trade, which brought untold disasters to the inhabitants of the continent. In the 19th century, Africa began to become a market for industrial goods, a sphere of capital investment, and a source of raw materials for Europe. Russia did not participate in colonial conquests, but as a powerful player in the political arena of that time, it closely followed the events on the continent.

The authors of the paper focus on the reaction of imperial Russia to the colonial division of Africa and the results of the Berlin Conference of 1884–1885, which has not been sufficiently explored to date.

Keywords: Russia; Africa; colonial division; Berlin Conference of 1884–1885; Russian 19th century press

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Denisova, Tatyana S. | E-mail: tsden@hotmail.com
Cand. Sc. (History)

Kostelyanets, Sergey V. | E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com
Cand. Sc. (Politics)

Колониальный раздел Африки и реакция на него имперской России

Т. С. Денисова¹, С. В. Костелянец¹

¹Институт Африки Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-18-31
УДК 94(100)

Научная статья
Полный текст на русском языке

История Африканского континента насыщена катаклизмами и переломами, радикально изменившими жизнь коренных народов и предопределявшими ход их дальнейшего развития. В XV–XVIII вв. таковыми были масштабное проникновение европейцев в Африку и работорговля, принесшая жителям материка неисчислимые бедствия. В XIX в. Африка стала для Европы рынком сбыта промышленных товаров, сферой приложения капиталов и источником сырья. Россия не участвовала в колониальных захватах, но в качестве могущественного игрока на политической арене того времени внимательно следила за событиями на Черном континенте. В фокусе внимания авторов статьи – недостаточно исследованная к настоящему времени реакция имперской России на колониальный раздел Африки и на итоги Берлинской конференции 1884–1885 гг.

Ключевые слова: Россия; Африка; колониальный раздел; Берлинская конференция 1884–1885 гг.; российская пресса XIX в.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова, Татьяна Сергеевна	E-mail: tsden@hotmail.com Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН.
--------------------------------	--

Костелянец, Сергей Валерьянович	E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социально-политических исследований, Институт Африки РАН.
------------------------------------	---

Колониальным завоеваниям Африки в XIX в. и ее разделу, оформившемуся в ходе Берлинской конференции (15 ноября 1884 – 26 февраля 1885 г.), посвящен ряд работ отечественных историков-африканистов. Большая их часть увидела свет в 1960–1970-е гг. [1–3]. Позднее тематика «колонизации» начала вытесняться более «актуальными» проблемами на-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ционально-освободительной борьбы и политического и социально-экономического развития африканских стран в условиях неокOLONиализма [4]. Интерес к истории колонизации Африки вновь возрос в последние годы в связи с набирающими обороты дискуссиями по поводу основных характеристик колониализма и неокOLONиализма, отличий второго от первого и степени влияния пережитков колониализма на современную жизнь континента [5]. И если в трудах 1960–1970-х гг. по истории Африки материалы, опубликованные в российских журналах и газетах XIX в., хотя и нечасто, но все-таки использовались, в более поздних работах этот источник информации почти полностью игнорировался.

Интерес россиян к Африке возник еще в XIV–XV вв. в связи с паломничеством в Святую Землю и на Синай, где русские встречались с африканцами, и, благодаря рассказам путешественников, заметно оживился после открытия в 1869 г. Суэцкого канала и обострившегося соперничества между «великими державами» за контроль над стратегически важными районами побережья Красного моря, Баб-эль-Мандебским проливом, Аденским заливом и др. К обладанию ими Россия не стремилась, но как «морская» держава была заинтересована в сохранении мира в регионе.

В ходе Берлинской конференции (ее также называли «Конференцией по Конго» или «Западноафриканской конференцией») участники, представители 13 государств (Австро-Венгрия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Османская империя, Португалия, Россия, США, Франция, Швеция–Норвегия) и Международной ассоциации Конго, созданной в 1879 г. королем Бельгии Леопольдом II, после ожесточенных дискуссий утвердили ряд общих принципов африканской политики. Было решено, что любая держава сможет обладать теми или иными территориями, если она их «эффективно оккупирует» и своевременно отправит прочим участникам «колониального проекта» соответствующие извещения. Захват неподеленных земель выдавался за своего рода норму международного права.

Россия не принимала участия в колониальном разделе, но имела на конференции своих представителей, в т. ч. дипломата Петра Алексеевича Капниста и ученого-правоведа, специалиста по международному праву, представителя Министерства иностранных дел Фёдора Фёдоровича Мårtенса, поэтому получала сведения о ходе конференции из первых рук – отчасти благодаря публикациям последнего в российской печати. В ноябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1885 г. в статье, посвященной Берлинской конференции, он отмечал, что к концу XIX в., «когда уже можно было говорить о заметном прогрессе во всех жизненно важных аспектах человеческого развития, и культурные стремления народов обусловили принятие множества международных соглашений, предполагающих установление общих порядков и принятие общих мер по борьбе с различными опасностями, например с эпидемиями, угрожаю-

щими всем народам, по охране всемирного духовного наследия, когда народы осознали необходимость объединить силы для удовлетворения своих потребностей, наряду с такими отрадными тенденциями в международной жизни мы вдруг увидели, что все это происходит на фоне грозowych туч, которые могут разразиться опустошительными войнами и ужасным кровопролитием, нарушением законных прав других народов и столкновением с другими государствами» [6, с. 187].

Таким образом, журнал ставил вопрос о разумности колониальной политики. Действительно, с одной стороны, приобретение колоний вроде бы было необходимым – и Россия признавала это – для развития европейской торговли и промышленности, так как колонизация предполагала появление новых рынков сбыта. С другой, как указывалось далее в статье, колонизация могла ослабить европейские государства, требуя от них материальных и человеческих жертв, которые не могли окупиться торговыми выгодами. Ф. Мартенс, точку зрения которого мы можем воспринимать как официальную, вполне правильно прогнозировал дальнейшие события: «как только колонии дойдут до такого состояния, при котором смогут позаботиться о себе, они изгонят колонизаторов» [6, с. 191].

Действительно, через 70 лет после публикации его статьи Африка начала освобождаться от колониальной зависимости. Впрочем, как подлинно имперский чиновник Мартенс больше переживал за колонизаторов-европейцев, нежели за африканцев, отмечая, что колониальные захваты всегда вызывали ожесточенные войны между европейскими державами, а потому лучше было бы от колоний отказаться. Тем более что если бы метрополия пожелала получить большие выгоды от обладания колониями, она должна была бы их нещадно эксплуатировать, и тогда жители колоний стали бы рассматривать европейцев как своих врагов и стремиться всеми способами от них избавиться. А если бы, наоборот, эксплуатация не происходила, то не было бы необходимости для метрополии приносить жертвы ради учреждения и сохранения колонии: последняя и так стала бы торговать со странами, которые дали бы большую цену за ее продукцию [7].

Вместе с тем в российских журналах и газетах: «Ниве», «Русском вестнике», «Московских ведомостях» и др. – с сочувствием и иронией отмечалось, что ни один европеец не поселяется в колонии навсегда, так как стремится лишь нажить по возможности скорее состояние и возвратиться на родину, чем объясняется дерзкое и высокомерное отношение к традиционным правителям, которых заставляют силой оружия или обманом признавать за иностранцами всевозможные привилегии и права. Так европейцы распространяют «блага» европейской цивилизации на африканские народы.

Ф. Ф. Мартенс в «Вестнике Европы» отметил ряд позитивных решений Берлинской конференции: намерение запретить работоторговлю, содействовать всестороннему развитию местного населения, заняться про-

свещением и распространением научных знаний среди африканцев и т. д., хотя отмечал, что, несмотря на «старания» европейцев, уже начавших осваивать континент, рабство и работорговля повсеместно сохранялись, что противоречило всем законам «справедливой» колониальной политики [7, с. 525].

Созыв конференции был вызван столкновением интересов европейских государств в бассейне р. Конго. Излагая причины ее созыва, российские журналы отмечали, что еще в сентябре 1876 г. бельгийский король Леопольд II пригласил в Брюссель наиболее известных путешественников по Африке, географов и других лиц, чтобы вместе с ними определить меры, которые наилучшим образом могли бы содействовать «исследованию» континента. В ноябре 1876 г. был учрежден Комитет изучения Верхнего Конго, в 1879 г. в регион был отправлен известный британско-американский путешественник Генри Мортон Стэнли, а к лету 1884 г. Леопольд уже установил контроль над большей частью бассейна. Озабоченный этим обстоятельством, германский канцлер Отто фон Бисмарк в циркулярной ноте от 24 сентября 1884 г. предложил провести в Берлине конференцию и обсудить вопросы установления свободы судоходства по р. Конго, распространения на реках Конго и Нигер правил свободной торговли и формирования принципов занятия «свободных» африканских земель. В духе той эпохи – эпохи великих географических открытий – российская пресса приписывала Леопольду II заслуги в «открытии» р. Конго и в исследовании прилегающих к ней земель. Стэнли обладал «замечательной предприимчивостью и энергией». Благодаря им он со своими помощниками основал на берегах Конго несколько торговых станций и поселений, что описывалось самыми радужными красками. Якобы назначение станций заключалось не в том, чтобы служить укреплениями для защиты от враждебных набегов со стороны окружающих «диких племен» или быть аванпостами для завоевания новых земель, а в том, чтобы служить «местами отдыха для путешественников всех стран без всякого различия национальностей» [6, с. 216].

Такую восторженность можно объяснить отсутствием информации о реальном положении дел: о том, что происходило в бассейне р. Конго, российское правительство и печать могли отслеживать лишь по европейским источникам, где рассказывалось о «цивилизаторской» миссии бельгийцев в регионе. На самом деле захват бельгийцами территории нынешней ДРК стал апофеозом колонизаторской политики в ее наихудших проявлениях. Это относится к способам создания и функционирования Свободного государства Конго – «личной вотчины» Леопольда II. Стэнли и его белые помощники присоединяли территории в основном путем обмана традиционных правителей и в буквальном смысле слова «огнем и мечом» [8]. В результате к середине 1880-х гг. вдоль р. Конго выстроился ряд бельгийских военных баз, защищавших колонизаторов от «туземцев» и осуществ-

влявших сбор слоновой кости. Если конголезцы сопротивлялись, их дома сжигались, женщины подвергались изнасилованию. Население колонии должно было содержать своих убийц [9, р. 90], что не помешало, как сообщается в № 18 журнала «Нива» за 1885 г., Леопольду II принять титул короля Конго. Специальный закон в начале 1885 г. был одобрен парламентом Бельгии [10, с. 435]. В мае того же года во время вручения Леопольду II благодарственного адреса от его сограждан бельгийский король пообещал «уничтожить невольничество и послужить делу цивилизации и торговли в Африке» [11, с. 459].

Однако беспокойство у Ф. Ф. Мартенса вызывало другое – то, что эти «мирные завоевания», осуществленные «без пролития крови», повлекли за собой серьезные разногласия между некоторыми европейскими правительствами, также признававшими за собой право на некоторые части р. Конго и на открытые от их имени области [6, с. 217]. Имеются в виду, прежде всего, Португалия и Франция.

Российские представители на конференции приветствовали ряд ее позитивных решений: запрет работорговли, проявление толерантности в отношении всех религий, содействие повышению уровня материального положения местного населения. Естественно, они не предполагали, что все так и останется на бумаге.

В российских корреспонденциях, касавшихся раздела Африки, отчетливо – в связи со сближением в отношениях между Санкт-Петербургом и Берлином и с расхождением по ряду вопросов европейской политики между тогдашним российским правительством и Лондоном – проявляются симпатия к Германии и ее «маститому» канцлеру Бисмарку и, напротив, осуждение британских экспансионистских настроений.

Например, в «Московских ведомостях» от 17 августа 1898 г. отмечается, что Германия, возглавляемая ее мудрым правителем, располагает «изобилующей минеральными богатствами Землей Людерица» в южной Африке, а по итогам конференции «приобрела» Камерун, бывший одним из важнейших торговых пунктов на западноафриканском побережье, на который Англия «давно точила зубы», но из-за своей нерасторопности уступила эту часть прибрежной полосы немецким негодьям. «Между тем торговые обороты господ Вермана и Янсона из Гамбурга за короткое время приняли в Камеруне такие размеры, что Англии оставалось или сделать решительный шаг, или отказаться от своих притязаний. Англия уже готова была присоединить эту полосу к своим Гвинейским владениям, как вдруг, совершенно неожиданно, германский военный корвет *Möwe* поднял в Камеруне германский имперский флаг, и генеральный консул Нахтигаль заключил с главарями местного населения формальный договор, в силу коего Камерун стал «имперской провинцией». Только тогда англичане сообразили, что имеют дело с опасным соперником, и поняли трудность предстоящей борьбы за преобладание на западе Аф-

рики. Германская торговля приняла здесь размеры уважительные, создав свыше шестидесяти факторий, принадлежащих четырнадцати крупнейшим фирмам». Пришлось Великобритании признать, что «Африка велика и что в ней всем будет место» [12, с. 427–428], и если прежде она занимала территории, сообразовываясь лишь с собственными интересами, теперь ей придется учитывать пожелания других держав. «А это означает ни более, ни менее того, что ей уже не быть более единовластной хозяйкой на морях...» [12, с. 526].

Далее анонимный автор статьи в «Московских ведомостях» от 16 октября 1884 г. отмечал, что строфа из известной британской патриотической песни «Правь (в «Московских ведомостях» – «Владей...». – *Прим. авт.*), Британия, морями!» по-прежнему может означать, что морские просторы открыты для английских судов, но впредь они будут открыты и для судов иных стран. Великобритания уже не будет по собственной прихоти препятствовать кому-либо пользоваться водными путями; моря станут достоянием всех наций. Корреспондент идет еще дальше, высказывая предположение, что едва ли не главной целью конференции было намерение по возможности отстранить Англию, привыкшую считать «своей собственностью не только моря, но и всякий ничей клочок земли вне Европы», от дележки «африканского каравая» [12, с. 585].

Конференция, по мнению российских корреспондентов, еще на стадии ее подготовки стала переломным моментом в истории Европы: во-первых, неожиданно образовался «союз центральных континентальных держав», в котором Германия объединилась с Францией, оставив Великобританию в изоляции; во-вторых, вопросы колониальной политики стали превалировать над внутренними европейскими и другие противоречия на время были забыты; в-третьих, американские представители оказались за столом в Берлине вместе с европейцами, обсуждая с ними отношения с Англией в той части света, которую еще совсем недавно считали «менее известной, чем поверхность луны»; в-четвертых, еще пару лет назад реки Конго и Нигер не имели никакого значения для мировой дипломатии, и вдруг споры об их эксплуатации стали создавать и раскалывать международные альянсы.

Через несколько десятилетий после Берлинской конференции Великобритания и Франция стали крупнейшими метрополиями и о масштабных колониальных амбициях Германии, утратившей после поражения в Первой мировой войне значительную часть африканских владений, стало забываться. Однако в 1880-е гг. Берлин еще претендовал на роль самого влиятельного игрока в определении европейской политики на Черном континенте.

В «Московских ведомостях» от 17 ноября 1884 г. (конференция открылась 19 ноября) указывалось, что к тому времени германская эскадра под командованием адмирала Эрнста Вильгельма Эдуарда фон

Кнорра без согласования с другими морскими державами вышла в море из порта Фуншал на острове Мадейра и направилась в Камерунский залив, чтобы затем достичь порта Бананá в устье р. Конго. Предполагалось, что германские военные корабли будут в течение года курсировать в том районе, чтобы предотвратить самовольную оккупацию бассейна великой реки другими европейскими игроками, прежде всего Португалией и Великобританией. Естественно, у несведущих участников конференции возникли опасения, что Берлин попытается установить контроль над судоходством по Конго. Выяснилось, что Бисмарк достиг сепаратного соглашения с бельгийским королем Леопольдом II, признал законность договоров, заключенных от имени бельгийской короны Г. М. Стэнли с местными традиционными правителями, и получил за это определенные торговые преференции [12, с. 594]. Под влиянием Бисмарка права Леопольда II на бассейн Конго были признаны, и в 1885 г. именно в Бананá прошла церемония, на которой было объявлено о создании Свободного государства Конго.

В уже упоминавшейся статье в «Вестнике Европы» (1885 г.) Ф. Ф. Мартенс со ссылками на германских публицистов объясняет неожиданно вспыхнувший интерес Бисмарка, ранее скептически относившегося к потенциальной отдаче от вложения человеческого и материального капиталов в создание колоний, быстрым ростом населения. Если в 1816 г. в Германии было всего около 25 млн жителей, то к 1880 г. – уже более 45 млн, а к 1885 – 47 млн. Поскольку прирост был связан с ростом рождаемости, можно было предположить, что к концу столетия число немцев достигнет 70 млн. «И где же было взять средства, – спрашивает Мартенс, – чтобы кормить все эти миллионы, если они останутся в пределах Германии?» [7, с. 539]. Общее экономическое состояние Германии, как указывает автор, не может не подталкивать ее к колониальным захватам: производительность труда достигла небывалого уровня, рынки переполнены товарами, конкуренция понизила цены настолько, что издержки производства не окупаются; сельское хозяйство страдает от конкуренции с иностранными производителями, несмотря на повышение в начале 1885 г. ввозных пошлин на хлеб; во всех отраслях промышленности предложение значительно превышает спрос на рабочую силу, поэтому множество инженеров и рабочих остается без дела. Даже представителей гуманитарных профессий наблюдается такой переизбыток, что потраченные на приобретение высшего образования силы и средства совсем не вознаграждаются, ибо полученные знания остаются без практического применения. Поэтому, как предполагал Мартенс, Бисмарк и принял решение переселять немцев в колонии, хотя сам германский канцлер постоянно утверждал, что эмиграция не в состоянии разрешить социально-экономический кризис, тем более что она сопровождается вывозом капиталов. Правда, в этом случае речь идет о переезде в США, куда с 1820 по 1883 г. выехало около 5 млн немцев. Переселение в собственные колонии – совсем другое дело: тогда средства

и способности эмигрантов послужат обогащению не иностранных держав, а собственной империи [7, с. 539]. Бассейн Конго, уже частично «цивилизованный» агентами Леопольда II, мог бы подойти для переселения туда сотен тысяч немцев, и такой вариант Бисмарком рассматривался, хотя создание собственных зависимых территорий (например, Камеруна) было приоритетным направлением его колониальной политики.

Между тем германские колонии в Африке, отмечает далее Мартенс, имеют самый «убийственный» для европейцев климат: «в африканском тропическом климате европеец не в состоянии работать <...> Область же Камеруна из всех областей на смертоносном западном берегу Африки – одна из наиболее опасных. Там свирепствуют постоянно и в самых злокачественных формах малярия, дизентерия, болезни печени. Недаром англичане говорят про свои западноафриканские колонии, что на пути в них (и из них. – *Прим. авт.*) всегда находятся два губернатора: одного привозят в Англию покойником, а другой туда отправляется, чтобы умереть!» [7, с. 539].

Но если Германия и страдала от переизбытка населения и потому была готова прибегнуть к такому радикальному средству решения проблемы, как истребление лишних «ртов» путем выселения немцев в Камерун или на берега р. Конго, задается вопросом Мартенс, то почему Франция прибегает к тому же средству? Ведь число французов уменьшилось за несколько лет почти на 200 тыс. человек. Парижу нет надобности жаловаться на избыток населения и вывозить излишек в смертоносные для европейцев тропические страны. Значит, объясняться все это может только жаждой наживы [7, с. 547].

При определении границ бассейна Конго возобладал т. н. Американский проект, продвигавшийся представителями США и Г. М. Стэнли. Между тем мнения по вопросу о том, как – по географическому принципу или с торговой точки зрения – определять границы, разделились. Второй принцип возобладал. Как отмечается в «Московских ведомостях» за 23 ноября 1884 г., делегация США с истинно американским размахом предложила распространить правила «свободной торговли», которые будут применяться на территории бассейна Конго, на весь Индийский океан, так как великая река «орошает» значительную часть земель Восточной Африки, а многочисленные озера и другие водоемы, расположенные в той половине континента, «все равно» будут служить основными путями вывоза товаров из центральной части континента. Впрочем, европейцы не обратили на предложение американцев особого внимания [12, с. 603].

Именно Бисмарк выступил с инициативами создания т. н. пояса африканских земель, который должен был протянуться параллельно экватору от океана до океана, и введения в его рамках правил «свободной торговли». Исполнение плана должно было обеспечиваться присутствием германских военных кораблей в устье Конго и германской эскадры у берегов Зан-

зибара. Как с иронией отмечает анонимный автор статьи в «Московских ведомостях» за 3 декабря 1884 г., можно было предположить, что державы, собравшиеся на совещание «с гуманной целью торгового освобождения “ничьих земель”», устремят свой взор и на африканское побережье Аденского залива и Красного моря, которое хотя фактически и находится под контролем Турции, но формально остается «ничейным». Европейцы действуют здесь по принципу «Не зевай!». Например, Франция «прозевала» в Баб-эль-Мандебском проливе остров Перим, который захватила Англия, в свою очередь обеспокоенная активностью в регионе итальянских быстроходных крейсеров [12, с. 624].

Хотя главным поводом к созыву Берлинской конференции был раздел бассейна р. Конго, другая африканская река – Нигер – также удостоилась внимания европейских держав. Ради сохранения хотя бы частичного контроля над ее бассейном Великобритания даже отказалась от ряда других претензий и была вознаграждена признанием ее Протектората над устьем Нигера. Однако то, в какой форме произошло признание британских прав на Нигер, не было «приятным» для Лондона: Франции досталась не меньшая часть его вод [12, с. 653].

В ходе подготовки и проведения конференции Россия не обозначила свои интересы в Африке, оставаясь внимательным наблюдателем. Ее интересы проявились в установлении тесных контактов с Абиссинией и в отношении к попыткам Италии колонизировать древнюю империю. И если в материалах, посвященных Берлинской конференции, звучит сочувствие колонизаторам, готовым ради прибылей умирать от малярии в тропиках, совсем другое отношение высказывалось в российской прессе конца XIX в. к колониальным устремлениям Италии в христианской Эфиопии, где Российская империя имела собственные интересы, заметно оживившиеся после открытия в 1869 г. Суэцкого канала.

Эфиопия и Сомали оказались на важнейших стратегических путях из Европы в Индию и страны Дальнего Востока, приобретая все большее значение в зоне Красноморья. О росте интереса свидетельствуют многочисленные статьи об Эфиопии в журналах «Вестник Европы», «Нива», «Новое время», «Нижегородские Ведомости», «Вестник Императорского Русского географического общества» и др. В 1880-е гг. страницы журналов и газет, массовых изданий для народа и путевых заметок первых русских путешественников были полны ссылками на близость русских и абиссинцев по вере, на «сильное тяготение» эфиопов к «православной России», на необходимость оказания помощи «единоверному нам маленькому народу» в борьбе против внешних врагов и т. д.

Неудивительным представляется возмущение российских корреспондентов тем, что при дележе Баб-эль-Мандебского пролива не учитывались интересы государства, права которого на побережье Красного моря «имели наибольшие основания», – Абиссинии [12, с. 639]. Слова участия, исполь-

зовавшиеся в российской прессе применительно к абиссинцам, породили в Европе толки о вероятном вмешательстве России в начавшийся дележ Красного моря. Именно после того, как в «Московских ведомостях» было впервые обращено внимание публики на эту проблему, западноевропейская общественность признала важность «фактора Абиссинии» в красно-морском и в восточноафриканском вопросах.

Роль России в их решении оценивалась по-разному. Со ссылкой на германскую газету «Reichsbote» «Московские ведомости» за 11 января 1885 г. указывают, что Германия усматривает в духовной связи Эфиопии с Россией «самое благоприятное условие для извлечения этой страны (Абиссинии. – *Прим. авт.*) из ее нравственного изолирования и введения ее в круг цивилизованных стран» и была бы не против обретения Россией протектората над нею. По мнению берлинского корреспондента «Московских ведомостей», в политических сферах Германии «помянутая идея показалась практической и многими встречена сочувственно» [13, с. 27].

Англия, как следовало ожидать, отнеслась к идее отрицательно. Между тем, как отмечает корреспондент, «нынешнее положение этой страны (Абиссинии. – *Прим. авт.*) потому, во-первых, требует русского внимания, что Красноморский вопрос уже поднят на деле, и странно было бы России остаться в стороне, нуждаясь наравне с другими державами в пути для своих судов из Средиземного моря к океанам; Абиссиния же лежит на этом пути. Но интересоваться ею мы имеем и другие причины: не говоря уже об интересах возможного торгового сближения, страна эта сама исстари тяготела к нам своими симпатиями, искала с нами сближения и даже просила нас о помощи против иноземного насилия. И эта последняя причина, почему Россия могла бы отнестись к Абиссинии с приятным вниманием, представляется русскому смыслу едва ли не самою уважительною. Стать на сторону Абиссинии было бы в настоящий момент тем более кстати, что государственной самостоятельности и территориальной неприкосновенности ее угрожает снова, как в 1868 году, серьезная опасность» [13, с. 27–28]. Имеются в виду итальянские колониальные притязания.

Все эти рассуждения привели к началу систематического изучения Абиссинии и к публикации материалов о ней в российских СМИ и других изданиях, появились исследования священника Павла Матвеевского [14], В. В. Болотова [15], Е. Е. Долганева [16] и др.

К 1895 г. между Эфиопией и Россией завязались дружественные отношения. После 1895 г. в Абиссинии заметно увеличилось количество российских граждан: путешественников и специалистов. Начавшаяся в 1895 г. война Италии с Абиссинией вызывала сочувствие в русском обществе, и на Африканский Рог устремились добровольцы, желавшие оказать помощь африканской стране. Итогом стало установление в 1898 г. постоянных – на уровне миссий – дипломатических отношений.

2 марта 1896 г. воины негуса (императора) Менелика II нанесли сокрушительное поражение итальянской армии в знаменитом сражении при Адуа. В статье «Поражение итальянских войск при Адуа», опубликованной в 4-м номере журнала «Вестник Европы» за 1896 г., подробно рассказывалось о стратегических умениях негуса и других его достоинствах. С некоторым сожалением в ней говорилось о том, что Менелик и его окружение не спешили воспользоваться результатами блестящего успеха, не преследовали разбитые неприятельские силы и не довершили их полный разгром вторжением в итальянские владения; они позволили побежденным прийти в себя и даже согласились вступить с ними в переговоры о мире на возможных для Италии основаниях [17, с. 859].

Вскоре после сражения от России обеим сторонам поступило предложение об оказании медицинской помощи раненым. Италия ответила отказом, Менелик II с радостью согласился. 15 марта 1896 г. на заседании главного управления общества Красного Креста было принято решение отправить в Эфиопию санитарный отряд для оказания помощи больным и раненым эфиопским солдатам. Журнал «Нива» подробно описывал деятельность отряда, численность которого достигала 61 человека. 22 марта 1896 г. было получено согласие Италии пропустить отряд через Массаяу. Однако позднее итальянская сторона «из желания не раздражать итальянское общественное мнение» отказалась выполнить это обязательство под тем предлогом, что, «как стало известно», в составе русского отряда находятся 4 офицера и 200 солдат для вступления в абиссинскую армию. В результате изменился маршрут отряда: решено было двигаться через Джибути «на тысячи верст через пустыни и горные хребты, без дорог» [18, с. 379]. Это был первый в истории отряд российских воинов-интернационалистов в Африке, принявший участие в антиколониальной борьбе местного населения.

Итоги Берлинской конференции получили в российской печати конца XIX в. неоднозначную оценку. Так, в материале о ней, размещенном в «Московских ведомостях» 18 февраля 1885 г., утверждалось, что «если бы князь Бисмарк не считал нужным в конце прошлого года приступить к освоению германских колоний в Африке и если бы Германия не столкнулась с Великобританией, то, конечно, представители великих держав были бы лишены удовольствия заседать за зеленым столом конференции, а Англия, а вместе с нею, быть может, и Франция, продолжали бы по своему усмотрению и без разных пустых формальностей провозглашать протектораты над разными африканскими областями и водворять в них цивилизацию путем правильной организации невольничества, которое, по отзывам лиц сведущих, необходимо для успешной эксплуатации новоприсоединенных колоний. Теперь дело захвата будет обставлено не-

которыми формальностями, и появится надобность маскировать грубый захват разными дипломатическими формулами» [19, с. 93].

Но зачем же тогда – задается газета вопросом – нужна эта конференция со всем ее сложным механизмом, к чему ломание головы над точным определением понятия «протектората» и другими дипломатическими задачами, обсуждавшимися со старанием? «Ответ на этот вопрос очень прост: все это, собственно, не нужно и не поведет к положительным результатам. Велемудрые разглагольствования участников конференции понадобились лишь затем, чтобы выяснить силы и шансы соперников» [19, с. 93].

В свою очередь, в упоминавшейся статье Ф. Ф. Мартенса Берлинская конференция «по своему всемирному значению» сравнивается с Венским конгрессом 1814–1815 гг., определившим новую расстановку сил в Европе, сложившуюся после окончания наполеоновских войн.

Реакция России на колониальный раздел Африки не была однозначной. В контексте раздела бассейна Конго Россия, выступая против рабства и экономической эксплуатации африканцев, одновременно благосклонно воспринимала заявленную западными странами цивилизаторскую миссию и больше переживала за то, что при прочерчивании границ они передерутся между собой, а это приведет к нестабильности во всем мире, прежде всего в Европе и Азии. В ситуации с христианской Эфиопией Россия с самого начала выступала против ее колонизации Италией и не только на словах, но и на деле оказывала ей военную и материальную помощь. Такую двойственность можно объяснить близостью российского трона к королевским домам Европы, нежеланием портить с ними отношения из-за Африки, которая тогда не представляла для России большого интереса, а также отсутствием сведений о поведении колонизаторов на Черном континенте. Объективная информация стала появляться намного позже.

Ссылки

1. Генин И. А. Империалистическая борьба за Сахару. М.: Вост. лит., 1962. 212 с.
2. Зусманович А. З. Империалистический раздел бассейна Конго (1876–1894 гг.). М.: Вост. лит., 1962. 356 с.
3. Субботин В. А. Французская колониальная экспансия в конце XIX в. (Экваториальная Африка и острова Индийского океана). М.: Вост. лит., 1962. 167 с.
4. Фитуни Л. Л. Довести до конца процесс деколонизации (К 60-летию принятия Декларации ООН о деколонизации) // Ученые записки Института Африки РАН. 2020. № 4. С. 5-17. DOI 10.31132/2412-5717-2020-53-4-5-17.
5. Африка: неоплаченный долг колонизаторов. М.: Институт Африки РАН, 2023. 122 с.
6. Мартенс Ф. Ф. Африканская конференция в Берлине. Колониальная политика современных государств // Вестник Европы. 1885. Т. 6, ноябрь. С. 186–224.

7. Мартенс Ф. Ф. Африканская конференция в Берлине. Колониальная политика современных государств (Окончание) // Вестник Европы. 1885. Т. 6, декабрь. С. 512–552.
8. Сидорова Г. М. Бельгия: история освоения Африки // ЭНОЖ. «История». 2023. Т. 14, № 523. DOI 10.18254/S207987840025641-4.
9. Hochschild A. King Leopold's Ghost. A Story of Greed, Terror, and Heroism in Colonial Africa. Boston, N.Y.: A Mariner Book, 1998. 690 с.
10. Политическое обозрение // Нива. 1885. № 18. С. 434–435.
11. Политическое обозрение // Нива. 1885. № 19. С. 459.
12. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1884 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1898. № 12, 11 янв. С. 427–428.
13. Московские ведомости. 1885. № 12, 11 янв. С. 27–28.
14. Матвеевский П. Христианство в Абиссинии. Санкт-Петербург: Типография духовного журнала «Странник», 1867. 12 с.
15. Болотов В. В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. К вопросу о соединении абиссин с Православной Церковью. Богословские споры в эфиопской церкви. Санкт-Петербург: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1888. 111 с.
16. Долганев Е. Е. Страна эфиопов (Абиссиния). Санкт-Петербург: Паровая скоропечатня И. А. Богельманъ (Невский, 148), 1896. 245 с.
17. Поражение итальянских войск при Адуа. Иностранное обозрение. 1 апреля 1896 г. // Вестник Европы. 1896. Т. 2, кн. 4, апрель. С. 858–861.
18. Политическое обозрение // Нива. 1896. № 16. С. 379. URL: https://runivers.ru/upload/iblock/0e2/Niva_tom_055_1896.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
19. Московские ведомости. 1885. 18 февр., № 49. С. 93 // Собрание передовых статей Московских ведомостей / М. Н. Катков. М.: Издание С. П. Катковой, 1897–1898. Т. 25. 664 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/366303> (дата обращения: 20.09.2024).

The system of African studies in the GDR

K. I. Popova¹

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-32-45

Research article
Full text in Russian

The article examines the process of studying the history of Africa in the German Democratic Republic using the example of two scientific schools – Humboldt University of Berlin and University of Leipzig. In the first decades of the GDR, their development was complicated by the lack of the necessary number of specialists. In the 1970s and 1980s, it was possible to create research teams due to state support, expanded opportunities for presenting and publishing research results, and the emergence of authoritative specialists trained in the GDR. The subject of African studies was updated due to political interaction with African countries and focused on the colonial period and the anti-colonial struggle. The institutional development of African studies in the GDR was ahead of the scientific one; the main structures were formed by the 1970s, while the culmination of research activity was the late 1970s and 1980s.

Keywords: Africa; GDR; history; African studies; Berlin; Leipzig; Walter Markov; Kurt Büttner; Theodora Büttner; Helmut Stöcker; Ernst Dammann

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Popova, Ksenia I. | E-mail: adkp@mail.ru

Система африканских исследований в ГДР

К. И. Попова¹

¹Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-32-45
УДК 930 (6)+430.087

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается процесс изучения истории Африки в Германской Демократической Республике (далее ГДР) на примере двух научных школ – в Берлинском и Лейпцигском университетах. В первые десятилетия существования ГДР их развитие осложнялось отсутствием необходимого количества специалистов. В 1970–80-е гг. удалось создать научные коллективы за счёт государственной поддержки, расширения возможностей для представления и публикаций результатов исследований и появления авторитетных специалистов, обученных уже в ГДР. Тематика африканских исследований была актуализирована из-за политического взаимодействия со странами Африки и концентрировалась на колониальном периоде и антиколониальной борьбе. Институциональное развитие африканистики в ГДР опережало научное; основные структуры были сформированы к 1970-м гг., кульминация исследовательской деятельности пришлась на конец 1970–1980-х гг.

Ключевые слова: Африка; ГДР; история; африканистика; Берлин; Лейпциг; Вальтер Марков; Курт Бюттнер; Теодора Бюттнер; Гельмут Штёккер; Эрнст Дамман

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова, Ксения Игоревна | E-mail: adkp@mail.ru
Научный сотрудник Отдела Азии и Африки

Введение

История африканских исследований для африканистов представляет особый интерес. Под системой изучения истории Африки в Германской Демократической Республике будем подразумевать совокупность академических институтов и университетов, где работали учёные, чьей предметной областью была история Африки, где разрабатывались программы высшей школы, велась подготовка будущих африканистов, осуществлял-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

ся выбор исследовательских тем и проведение научных мероприятий (конференций).

Специфика системы заключается в том, что институционально она развивалась на протяжении короткого по историческим меркам периода. И хотя преобладание в развитии научных исследований имело место, сформированный вектор и марксистско-ленинская методология как доминанта были ограничены периодом существования ГДР (1949–1990 гг.). В данной статье дается общее представление об эволюции системы изучения истории Африки в ГДР и судьбах занятых в этой сфере ученых.

Изучение Африки в ГДР

Система исторических исследований на академическом уровне в ГДР, как и в других социалистических государствах, взаимосвязана с политической стратегией их развития. Тесная связь политики и истории сказалась на изучении Африки, хотя в широком смысле африканистика включала в себя исследования в области лингвистики, экономики, географии и других страноведческих наук.

Лотар Мертенс, немецкий историк, специалист по ГДР, в книге «Лексикон историков ГДР. Биографии и библиографии по историческим наукам Германской Демократической Республики» отмечал, что историю исторической науки в ГДР можно разделить на четыре этапа:

1) 1945–1948/49, который в периодизации СЕПГ называли периодом «антифашистско-демократической революции», то есть процесса денацификации;

2) 1950\51–1957\58 (1949–1961 считается временем строительства фундамента социализма: оформления СЕПГ как государственной партии, трансфера советской модели государства);

3) 1958–1971;

4) 1971–1989 (эра Хонеккера) [1, с. 23].

Рассматривая подробно первые два этапа, автор акцентировал внимание на их роли в процессе перехода науки к марксизму-ленинизму как «доминирующей теоретической основе», на том, что историки мутировали в идеологические рупоры государственной партии СЕПГ и низвели науку до «служанки политики». Обращаясь к трудам исследователей, он подчеркивал сложность положения тех, «кто стоит между своей исторической совестью и официальными инструкциями» [1, с. 23]. Сам же Л. Мертенс соглашался с классификацией Яна Петерса, немецкого ученого, автора книги о жизни немецких историков в ГДР, который в 1990 г. разделил сообщество историков на три группы.

Первая группа включила безусловных апологетов государственной политики, которые не были приверженцами честности и объективности в науке. К ним относились большинство так называемых «партийных историков» и люди, некомпетентные в своих областях изучения. Вторая,

достаточно большая, группа – «беззаботные приспособленцы», которых не коснулся идеологический патернализм; они добровольно подвергли себя самоцензуре и в основном занимались изучением истории рабочего движения и истории ГДР. В третью группу вошли «упрямцы», которые настаивали на научной честности и правдивости и были на грани конфликта с властями, продолжая аргументированно отстаивать своё мнение. Они занимались нишевыми темами [1, с. 24]. Деление применимо и к историкам, занимавшимся исторической африканистикой.

Анализируя факторы становления восточногерманской исторической науки в 1945–1946 гг. Мертенс отмечал сложности с кадровым составом университетов, занимавших важное место в общественно-политической концепции. В советской зоне Германии остро встал вопрос идеологического отбора кадров. С одной стороны, ряд «буржуазных» историков, покинувших территорию советской зоны, не желали подчиняться идеологическим требованиям новых властей. С другой – сказывался дефицит кадров из-за процесса денацификации: многие учёные принадлежали, пусть формально, к НСДАП.

При формировании преподавательского состава к работе привлекались профессора старшего возраста, преподававшие до 1933 г., и более молодые подготовленные преподаватели. Они пришли к социализму после нахождения в советском плену, хотя успели побыть членами гитлерюгенд. Их называли позднее «поколением перекрашенной униформы» [1, с. 26–27]. До 1952–1953 гг. процесс замены «буржуазных» учёных марксистско-ленинскими кадрами шел активно: одни уходили на пенсию; другие умирали (в силу возраста); продолжался отток учёных на запад в связи с идеологическим давлением. Надежды на то, что академическая среда станет пространством дискуссий, не оправдались; история постепенно превращалась в служанку идеологии [1, с. 29].

Прошедшие в мае 1946 г. и августе 1947 г. конференции историков заложили ключевые направления будущего развития исторической науки в ГДР. На первой конференции осуществились первые попытки провозгласить марксистское понимание истории как единственно законное. Уже тогда были очерчены требования к тематике исследований: приоритет был отдан изучению социально-экономической структуры общества в различные исторические эпохи; выявлению «прогрессивных и либеральных сил и движений»; взаимодействию немецкого народа с соседями. На второй конференции было проведено обсуждение и утверждение единых планов преподавания, обучения, проведения экзаменов в университетах советской зоны [1, с. 30–32].

С 1945 г. в восточной Германии возобновилась работа старых университетов: Университета Ф. Шиллера в Йене (октябрь 1945 г.), Берлинского университета Гумбольдта (январь 1946); в феврале 1946 г. начали подготовку студентов университеты в Грайфсвальде, Галле, Лейпциге, Ростоке

[1, с. 33]. Помимо «буржуазных» историков, к преподавательской деятельности были привлечены те, кто во времена Третьего Рейха находился во внешней или внутренней эмиграции или выжил после пребывания в тюрьме. Постепенно давление на «буржуазных» историков усиливалось, на некоторых намеренно писали доносы, чтобы вынудить их покинуть страну [1, с. 38].

Важным изменением в динамике идеологического контроля было принятое в июле 1955 г. решение Политбюро СЕПГ «Улучшение исследований и преподавания по истории Германской Демократической Республики». Оно формулировало новые задачи и требования к науке. После принятия постановления осталось совсем немного беспартийных историков: одни эмигрировали, другие вышли на пенсию либо умерли. Для пополнения науки молодыми кадрами, подготовленными с идеологической точки зрения, в университетах с конца 1940-х гг. стали открываться факультеты общественных (социальных) наук по аналогии с теми, что имелись в СССР, что позволило окончательно внедрить марксизм в историческую науку ГДР [1, с. 45–46].

Особую роль играли высказывания Генерального секретаря СЕПГ Вальтера Ульбрихта, считавшего себя экспертом в истории. Среди других высокопоставленных чиновников имелись те, кто намеренно внедрял идеи марксизма-ленинизма в исторические исследования и мечтал перестроить взгляд на историю. Так возникла монополия партии на историю, официальные партийные постановления влияли на вектор исследований.

Важным актором идеологизации науки стали партийные институты: Институт Маркса-Энгельса-Ленина был основан в 1949 г.; с 1956 г. функционировал Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ; Институт общественных наук при ЦК СЕПГ, созданный в 1951 г., стал академией в 1976 г. Они занимались историческими исследованиями и поставляли новые кадры в другие университеты. Благодаря принятым мерам по подготовке учёных нового формата, количество преподавателей и научных сотрудников начало постепенно расти [1, с. 47].

В марте 1958 г. было учреждено Общество немецких историков. Его целью объявлялось «применение и продвижение диалектического и исторического материализма во всех областях исторической науки, распространение науки <...> и содействие социалистическому образованию и повышению сознательности». В 1972 г. оно было переименовано в Общество историков ГДР. Его статус как профессиональной ассоциации позволил восточногерманским историкам принимать участие в международных профессиональных мероприятиях. Кроме того, в апреле 1953 г. был основан «Журнал исторических исследований» [1, с. 50–55].

Л. Мертенс полагал, что политическая лояльность многих историков была обусловлена их происхождением из рабочих семей, благодаря чему наука была для них важным социальным лифтом [1, с. 62].

Тенденции слияния идеологических задач и исторических исследований, как в зеркале, отразились в африканистике – отрасли знаний, которая выделилась именно после Второй мировой войны. В университетах ГДР было мало специалистов по Африке. Африканистика (история, этнография, лингвистика и т. д.) была востребована в период становления ГДР. Критерий «выявления «прогрессивных и либеральных сил и движений» подходил под актуализацию изучения Африки, где в 1950–1970-х гг. разворачивалось антиколониальное движение, шел процесс создания независимых государств, в том числе и под коммунистическим влиянием. Позднее стало ясно, что многие государства Африки были не способны установить устойчивые политические режимы, а коммунистические идеи для них были средством получения политической и финансовой поддержки в процессе борьбы за власть. Политический запрос на исследование Африки в ГДР снизился, но к тому моменту африканистика как наука уже было оформлена институционально, вследствие чего вплоть до объединения Германии научная жизнь продолжала существовать.

Центры африканских исследований: Лейпциг и Берлин

Основными центрами изучения истории Африки можно считать университеты Гумбольдта (в Берлине) и Карла Маркса в Лейпциге. В них концентрировалось преобладающее количество специалистов по Африке, и на их развитие делалась ставка государства.

Африканистика в Лейпциге начала развиваться в 1880-е гг. под влиянием колониального контекста и изначально существовала в рамках отдельных дисциплин: лингвистики, этнологии и географии. Со временем учёные перешли к изучению африканских языков, что привело к созданию в 1930-м г. Института африканских языков, в дальнейшем переведенного в Гамбург. В 1901 г. началось изучение биологии и этнологии Африки по специальности «Антропология, этнография и предыстория». Африка изучалась на базе открытой в 1915 г. профессорской кафедры «Колониальная география и колониальная политика», там же был создан «Семинар по колониальной географии и колониальной политике».

После образования ГДР африканистика в Лейпциге восстанавливалась в несколько этапов. Под руководством историка Вальтера Маркова в Институте культурной и всеобщей истории было создано направление «Сравнительная колониальная история», где стали работать первые специалисты по колониальной истории. В. Марков родился в 1909 г. в Австро-Венгрии, в детстве жил на Балканах. Получив стипендию после окончания школы, он изучал гуманитарные науки в Германии, в 1934 г. защитил диссертацию, стал научным сотрудником в Боннском университете. В период правления нацистов он жил в Бонне, основал там студенческую группу сопротивления, вступил в Коммунистическую партию, подвергался преследованиям, провёл десять лет в нацистских тюрьмах и концлагерях. После окончания

войны в Бонне его не приняли на работу из-за коммунистических взглядов. В 1947 г. он переехал в Лейпциг и устроился в Институт культурной и всеобщей истории. В 1951 г. он был исключен из партии за «тиктоизм» (сочувствие Иосипу Броз Тито, лидеру Югославии) и «объективизм» (вероятно, за его диссертацию о соперничестве на Балканах в XIX–XX вв.). Тем не менее к моменту своей смерти (летом 1993 г.) список его публикаций составил более 800 работ.

Власти считали В. Маркова буржуазным историком, что неизменно вызвало подозрения среди многих его коллег, которые пытались найти что-то противозаконное в его хороших отношениях и крепких научных связях с зарубежными коллегами. Однако используемая им методология и подходы к изучению истории оставались неизменно марксистскими. В. Марков отмечал, что «буржуазный» подход и «исторический материализм» должны конкурировать и при использовании их историками станет ясно, «кто работает лучше».

Занявшись историей колониализма, В. Марков абстрагировался от европоцентристского подхода. В соавторстве со своими сотрудниками, его первыми учениками, он начал работу над созданием «Справочника по колониальной эксплуатации». Исследователи специализировались на Южной Америке (Манфред Коссок), Северной Африке / Ближнем Востоке (Лотар Ратманн) и странах Африки к югу от Сахары (Курт Бюттнер). Весной 1955 г. В. Марков сам прочитал лекцию «История завоевания и освоения Африки» [2]. В 1958 г. в Институте востоковедения была создана кафедра африканистики, исполняющим обязанности ее начальника был назначен Курт Бюттнер, ученик В. Маркова, который за год до основания кафедры, в 1957 г., получил докторскую степень, защитив диссертацию на тему «Начало германской колониальной политики в Восточной Африке». В отдел вошли Генрих Лот, Зигрид Кребс и нигерийский историк Модилим Ачуфуси. В 1960 г. кафедра была преобразована в Институт Африки. В нем имелось три факультета: истории, экономики и африканских языков и литературы. Требовалось междисциплинарное изучение региона. Как следствие, выросло число сотрудников (в 1959 г. их было 5; через 10 лет – 18). Важным фактором повышения «квалификации» сотрудников были поездки для обучения в центры африканских исследований в Москву и Санкт-Петербург.

В 1966 г. Институт Африки был распущен и включен в состав «Секции азиатских, африканских и латиноамериканских исследований». В составе философского факультета она была призвана способствовать региональному и междисциплинарному сотрудничеству. Целью реструктуризации в ходе университетской реформы 1968 г. было преодоление «раздробленности на институты» за счет «более высокого уровня общественной работы». Были созданы «группы специалистов» («Лингвистика», «Экономика», «История»), в рамках которых объединялись ученые всей Секции, не только африканисты. Потом последовало создание «Секции исследований Аф-

рики и Ближнего Востока», обоснованное тем, что латиноамериканские исследования должны были быть сосредоточены в Ростове, а восточноазиатские исследования — в Берлине. Подразделение сохранилось до объединения Германии и реструктуризации академической и университетской системы. В 1975 г. к Секции было добавлено учебно-исследовательское направление «Основные вопросы национально-освободительного движения», были созданы отдельные кафедры новой истории, экономики, социологии, государства и права и образования. В 1989 г. в секции Африки работали 25 ученых.

Подготовка студентов в Лейпциге началась в 1962 г. С тех пор каждые два года принималось ограниченное количество студентов (10–20 чел.). В середине 1970-х гг. был добавлен отдельный курс обучения переводчиков суахили и амхарского языка. Продолжительность обучения составляла пять (в исключительных случаях четыре) года. По примерным расчётам около 110–120 человек изучали африканистику в Лейпциге в эпоху ГДР. Специальность была популярна, потому что давала перспективу поездок за рубеж. Однако существовали критерии отбора абитуриентов по степени политической благонадёжности. Учитывалось отсутствие родственников в ФРГ. Политическое кураторство продолжалось во время и после обучения студентов, что выражалось через обязательные стажировки и целевое, запланированное трудоустройство выпускников на работу в министерствах, учреждениях политического, экономического или культурного сотрудничества, научных учреждениях или в средствах массовой информации и издательской индустрии.

В Лейпциге было проведено множество научных конференций. В 1957–1958 гг. были организованы две конференции по колониальной истории, за которыми пристально следили за рубежом. В 1959 г. последовала конференция по современной и новейшей истории Африки, на ней присутствовали более 200 историков: африканисты, востоковеды, этнологи, философы и экономисты из ГДР, африканских стран, а также Франции и Англии. В 1961 г. прошла крупная конференция «Проблемы неокOLONиализма и политики двух германских государств по отношению к национально-освободительной борьбе народов», в результате тема заняла постоянное место в исследовательском спектре.

Важным двигателем исследований были поездки учёных в Африку. Такая возможность была не у всех. Первым фактором ограничений, как уже было сказано выше, были строгие требования к политической благонадёжности; большую роль играли личные связи и взаимоотношения с теми руководителями и чиновниками, от чьего решения зависело получение разрешения на поездку. Был альтернативный вариант организации поездки — через профсоюз в качестве переводчика в составе так называемых «бригад дружбы», но график и обязанности в таких «миссиях» значительно ограничивали возможность проведения собственных исследований.

Академический обмен был налажен с рядом государств Африки (Ангола, Эфиопия, Гана, ДР Конго, Мозамбик, Нигерия, Танзания, Сомали), благодаря чему многим учёным лейпцигского университета удалось побывать там в качестве исследователей, приглашённых преподавателей или дипломатов. Африканцы приезжали учиться в немецкие университеты, получали докторские степени, оставались преподавать на какое-либо время, возвращаясь затем на родину.

Большой вклад в развитие африканистики внесли Курт Бюттнер и Теодор Бюттнер. Курт Бюттнер родился в 1926 г. в Кённигсберге (Германия) в семье сварщика. После школы он учился на слесаря-монтажника металлоконструкций и технического чертежника, посещал профессиональное училище и вечерние курсы по подготовке учителей ПТУ. Обучение он не закончил, в последний год войны его призвали на службу. После поражения Вермахта К. Бюттнер попал в британский лагерь для интернированных в земле Шлезвиг-Гольштейн. В 1945–1947 гг. он работал грузчиком, сотрудничал с коммунистической газетой «Norddeutsches Echo», будучи ее корреспондентом, вступил в СЕПГ, стал членом Свободной немецкой конфедерации профсоюзов и других общественных организаций, в том числе Общества германо-советской дружбы, что заложило фундамент для его дальнейшей карьеры в ГДР. Переехав в Галле, он сдал вступительные экзамены на факультете рабочих и фермеров в 1949 г. и сначала поступил в Университет Мартина Лютера, изучал историю и философию, параллельно преподавал на рабоче-крестьянском факультете. Из Галле К. Бюттнер перевелся в Лейпцигский университет, закончил его в 1953 г. и сразу был взят на работу – сначала на несколько месяцев в Институт философии, потом ассистентом в отдел Нового времени в Институт всеобщей истории, где работал над «Справочником по колониальной эксплуатации». Диссертацию, основанную на неопубликованных ранее колониальных документах, по теме «Истоки немецкой колониальной политики в Восточной Африке, ее инициаторы и спонсоры» он защитил в 1957 г. под руководством В. Маркова. В 1959 г. работа была опубликована, в научных кругах социалистических стран её оценили как «ценный вклад в марксистскую историографию империалистической колониальной политики» [3, Р.103–106].

Получение степени способствовало карьерному взлету, как и лояльное отношение к партии. В 1957 г. К. Бюттнер получил должность проректора по работе с молодыми учёными, занимался воспитательной работой. Руководство высоко ценило его научную деятельность. В 1958 г. он стал временно исполняющим обязанности директора отдела африканистики Института востоковедения, а затем и вновь созданного Африканского института. Используя свои связи и заслуги, он лоббировал в Государственном секретариате образования выделение африканистики как отдельного направления обучения, вошёл в Консультативный совет по азиатским и африканским исследованиям. Однако в декабре 1963 г. Бюттнер подал заяв-

ление об увольнении с должности исполняющего обязанности директора Африканского института. Причина, которую он назвал, заключалась в том, что, несмотря на все его усилия, он не мог должным образом выполнять необходимые обязанности. По его мнению, объем работы не способствовал его научному росту, он не успевал пройти докторантуру в отведенное время. Заявление было удовлетворено в феврале 1964 г., и В. Марков занял место К. Бюттнера. Отношения учителя и ученика портились, дошло до судебного разбирательства о правах на владение на коллекцию источников и историю Уньямвеси (Ньямвеси, Ваньямвеси) в западно-центральной Танзании. В докторской диссертации К. Бюттнера о политической функции современных западногерманских колониальных теорий отсутствовали упоминания о научном вкладе Маркова.

В 1968 г. К. Бюттнер вернулся на руководящую должность, но уже во вновь созданной Секции азиатских, африканских и латиноамериканских исследований. Он занимался проблемами германского неокOLONIALИЗМА, социалистической ориентации – современными политическими проблемами. В феврале 1969 г. он стал преподавать историю национально-освободительного движения. С сентября 1978 г. К. Бюттнер стал адъюнкт-профессором, ушел из университета по болезни в 1980-х гг., скончался в 1999 г. (в возрасте 72 лет).

Его жена, Теодора (Tea) Бюттнер, урожденная Райхель, родилась 17 июня 1930 г. в городе Тум в Саксонии. Её родители занимались торговлей и бизнесом. После окончания школы в 1949 г. Теодора переехала в Лейпциг и до 1953 г. успешно училась по специальности «История, англоведение и педагогика» на педагогическом факультете Лейпцигского университета. С 1946 г. она состояла в Союзе свободной немецкой молодежи (фактически молодежное крыло СЕПГ); в 1953 г. в возрасте 23 лет вступила уже в СЕПГ, сразу стала ассистентом Института философии. За время работы научным сотрудником в Институте философии и Институте всеобщей истории она смогла получить первоначальный опыт преподавания. В своей диссертации, представленной в 1957 г., которая называлась «Обрезанные – социально-религиозное движение», она занималась раннехристианскими движениями мучеников в Северной Африке. Социальные и религиозные проблемы в Африке определили направление ее исследований. Т. Бюттнер работала научным сотрудником (1954–1961 гг.) и старшим научным сотрудником (1961–1965 гг.) на кафедре средневековья в Институте всеобщей истории Лейпцигского университета.

В последующие годы Т. Бюттнер обратилась к истории Африки в доколониальные и колониальные времена. Формирование государств в Западной Африке под влиянием ислама вызвало у нее интерес. В 1965 г. она защитила докторскую диссертацию. Удивительно, что Т. Бюттнер получила две рецензии от специалистов из стран Запада на докторскую диссертацию. Помимо профессора Эрнста Вернера из Лейпцига, работу также оценивали

профессора Франц Альтгейм из Свободного университета Берлина и историк-марксист Жан Сюре-Каналь из Парижа. В 1966 г. Теа получила место преподавателя истории Африки в Институте Африки Лейпцигского университета. В 1968 г. она была назначена профессором истории Африки в Институте Африки, в 1969 г. – заведующей секции Африки и Ближнего Востока; ее собственная работа по-прежнему была сосредоточена на Африке. В 1988–1992 гг. Теодора Бюттнер была членом-корреспондентом Немецкой академии наук ГДР. Она вышла на пенсию в 1992 г. Т. Бюттнер написала 15 монографий; она автор антологий и 150 научных статей. Первый том написанной ею истории Африки от истоков до наших дней в русском переводе был издан в СССР. Он входит в четырёхтомник под её редакцией [3].

В Берлине африканские исследования начали возрождать в январе 1946 г. под руководством Дидриха Вестерманна, лингвиста, африканиста, известного ещё в первой половине XX в. Вестерманна назначили профессором из-за отсутствия у него нацистского прошлого и больших заслуг в довоенной африканистике.

Возобновление преподавания африканских исследований, к которому стремился Д. Вестерманн, было отложено. Предмет снова вошел в расписание в зимнем семестре 1947/48 г. как второстепенный, а в следующем зимнем семестре был заменен «Семинаром по африканским языкам».

Учебная программа, разработанная Д. Вестерманном, была ориентирована на изучение африканских языков, область лингвистики и филологии была менее политизирована. Однако курсы по этнографии студентам предлагались.

В 1947 г. Д. Вестерманну удалось создать отдел африканистики в Институте востоковедения в рамках Немецкой академии наук в Берлине. Он пытался восстановить зарубежные контакты, наладив взаимоотношения с Международным африканским институтом в Лондоне. Ему предложили возглавить издаваемый там «Справочник по африканским языкам». Однако в 1950 г. Д. Вестерманн вышел на пенсию, после чего снова встал вопрос о назначении руководителя семинара по африканским языкам. В 1952 г. его возглавил африканец Хуберт Вейдлинг – через два года эмигрировал на работу в США. Его сменил ученик Д. Вестерманна, только что защитившийся Освин Келер; через несколько месяцев он бежал в ФРГ, где в дальнейшем работал в Кельнском университете. Причиной его побега считается отказ Государственного секретариата высшего образования предоставить стипендию, необходимую для полевых исследований в Африке.

В 1953–1957 гг. временное руководство семинаром взял на себя египтолог Фриц Хинтце, но он не вёл никакой активной работы. Его сменил рекомендованный Ф. Хинтце и Д. Вестерманном Эрнст Дамманн. Он имел очевидные «чёрные пятна» в биографии, в прошлом был миссионером, продолжал сохранять тесные связи с миссионерскими и церковными кругами, состоял в НСДАП и во время своей миссионерской работы занимал долж-

ность руководителя региональной группы партии на тогдашней британской территории Танганьика. Тем не менее из-за отсутствия других подходящих опытных специалистов в руководстве СЕПГ были вынуждены пойти на исключение из правил, надеясь, что Э. Дамманн сможет воспитать новое поколение африканистов. Пришлось пойти навстречу и Э. Дамманну: платить ему «западную» зарплату и разрешить жить в Западном Берлине.

В начале пребывания на должности Э. Дамманн оказался в сложной ситуации. С одной стороны, перед ним открылись новые возможности – страны Африки к концу 1950-х гг. начали получать независимость, что поменяло вектор политического взаимодействия и повысило значимость африканистики. Семинар (с 1957 г. институт) был объявлен центральным институтом философского факультета, и Э. Дамманн смог поехать с лекциями и учебной поездкой в Гану уже в 1959 г. Тогда же был осуществлён первый большой набор студентов (10 человек). С другой стороны, репутация Э. Дамманна оставалась предметом критики со стороны его коллег и политических деятелей, что приводило к интригам и конфликтам. Тогда же, в конце 1950-х гг., зародилась конкуренция между Берлином и Лейпцигом за дальнейшее лидерство в восточногерманской африканистике. Э. Дамманн почувствовал, что из-за недоверия к его политической позиции африканистика в Берлине находится под угрозой и в 1961 г. эмигрировал в ФРГ на работу в Марбургский университет [4]. После его увольнения африканские исследования в Берлине находились под политическим давлением. В течение нескольких лет ученикам Э. Дамманна не удавалось добиться расширения преподаваемых курсов по африканистике [5].

Ситуация изменилась в 1974 г., когда заведующим отделения назначают Гельмута Штёккера, ранее читавшего лекции по всеобщей истории. Именно под его руководством африканские исследования в Берлинском университете расширились до мультидисциплинарного изучения. Диссертации Г. Штёккера «Политические отношения между Германией и Китаем в 1861–1885 гг.» была защищена в Университете Гумбольдта, на ее основе была издана книга. Г. Штёккер сосредоточил внимание на теме колониализма в Африке. Самой заметной его работой стала коллективная монография «Призыв в Африку. Политика колониальной экспансии и господство немецкого империализма в Африке с начала и до конца Второй мировой войны» [5], впервые опубликованная в 1977 г. и получившая признание в научной среде, в том числе и за счёт опубликованных переводов на русском и английском языках. Книга примечательна тем, что в работе над ней приняли участие авторы из разных университетов ГДР. В их числе ученые Университета Гумбольдта, Института военной истории в Потсдаме, Университета Ростока, педагогического института Магдебурга, Центрального института истории Академии наук ГДР, Университета Карла Маркса в Лейпциге, Института международной политики и экономики в Берлине. Однако большинство авторов написали лишь по одному подразделу, а ре-

дактирование и большая часть текста были делом Г. Штёккера. Монография являлась на тот момент масштабным трудом, своеобразной репрезентацией научных достижений африканистики в ГДР; для её создания была проделана работа с колониальными немецкими архивами, оставшимися в Потсдаме. В книге была подвергнута критике колониальная политика, что продемонстрировало приоритеты позиции ГДР по отношению к африканским народам.

Биография Г. Штёккера является исключением по меркам большинства учёных того поколения, пришедших в африканистику. Его отец был известным коммунистическим политиком, подвергался преследованию нацистских властей и умер в концлагере. Из-за преследования семья Гельмута эмигрировала в Великобританию, когда он был ещё ребёнком. Его школьные годы прошли в Великобритании. Он вернулся в ГДР после окончания войны – в 1947 г., поступил в Лейпцигский университет, устроился на работу помощником редактора в отдел иностранных новостей в новостное агентство ADN (Der Allgemeine Deutsche Nachrichtendienst – Общая немецкая служба новостей). Однако работа в журналистике не удовлетворяла его, и в Университете Гумбольдта он нашел себя, занявшись научной карьерой.

В своих мемуарах Г. Штёккер описывал скрытое соперничество с африканистами из Лейпцига, которое выражалось в недружелюбной атмосфере, критиковал уровень их исследований и страсть к проведению конференций [6].

Конкуренция разворачивалась между Лейпцигом и Берлином. Во многих университетах работали учёные, специализировавшиеся на истории Африки. Были и те, кто защищал диссертации по истории национально-освободительной борьбы африканских народов, чтобы в дальнейшем построить партийную или дипломатическую карьеру. Такие научные работы не вносили большого вклада в африканистику, но их наличие отражает то, что африканистика превращалась в важное направление исследований в границах исторической науки ГДР.

Заключение

Вне университетов африканистика как наука тоже развивалась. 24 марта 1966 г. был создан Центральный совет по азиатским, африканским и латиноамериканским исследованиям (ZENTRAAL). Лотар Ратманн был его председателем до 1986 г., с 1987 г. – Гюнтер Бартель, после его отставки голосованием всех членов Совета 6 декабря 1989 г. ZENTRAAL распался. Совет изначально взял на себя такие глобальные задачи, как координация исследований, публикаций, их презентация на конференциях и совещаниях, сотрудничество с практико-ориентированными учреждениями. Печатным органом Совета стал журнал «Азия, Африка, Латинская Америка», издаваемый с 1973 г. В нем публиковались научные статьи по политологии, исто-

рии, экономике, философии, религиоведению и литературе на немецком и английском языках, но принимались также на французском и испанском языках [7].

В кругу тем, изучаемых историками-африканистами ГДР, упор делался на тематику национально-освободительной и антиколониальной борьбы в Африке. Однако нередко рассматривались и актуальные (вплоть до настоящего времени) вопросы. В центре внимания находились проблемы германского колониализма, история христианских миссий в Африке, неоколониализм, апартеид, религиозные и культовые воззрения африканцев, взаимодействие европейцев и африканцев до появления колоний, экономические проблемы независимых африканских государств, государственное и классовая структура доколониальных обществ.

Историческая африканистика в ГДР формировалась благодаря государственной поддержке в силу востребованности как инструмент политической идеологии, однако она не имела бы такого развития при отсутствии определённого количества учёных-энтузиастов, которые, будучи лояльными к правящему режиму или искренне верящими в социалистические идеалы, целенаправленно развивали африканистику как область знаний. В период 1950–1970-х гг. африканистика оформилась институционально, получив официальный статус в виде научных подразделений в университетах и научных организациях, через проведение конференций и издание научных публикаций, академический обмен (пусть и ограниченный) и другие формы научной жизни.

Ссылки

1. Mertens L. Lexikon der DDR-Historiker: Biographien und Bibliographien zu den Geschichtswissenschaftlern aus der Deutschen Demokratischen Republik. München: Saur, 2006. 675 p.
2. Heitkamp S. Walter Markov. Ein Leipziger DDR-Historiker zwischen Parteilichkeit und Professionalität // Die Hochschule: Journal für Wissenschaft und Bildung 11. 2002. No. 1. S. 148–158. DOI 10.25656/01:16538.
3. Geschichte der Afrikanistik in Leipzig / Brahm F. (ed.) // Institut für Afrikanistik, Universität Leipzig. University of Leipzig Papers on Africa. History and Culture Series. 2011. No.14. 117 S.
4. Geschichte der Universität Unter den Linden 1810–2010: Praxis ihrer Disziplinen. Band 6: Selbstbehauptung einer Vision. Berlin: Akademie Verlag GmbH, 2010. 764 p.
5. Heyden U. Die Afrikawissenschaften in der DDR-Das Beispiel südliches Afrika. Münster & Hamburg; L.: Lit Verlag Münster, 1999. 622 p.
6. Stoecker H., Ballhaus J. Drang nach Afrika: Die koloniale Expansionspolitik und Herrschaft des deutschen Imperialismus in Afrika von den Anfängen bis zum Ende des zweiten Weltkrieges. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. 370 p.
7. Stoecker H. Socialism with Deficits: An Academic Life in the German Democratic Republic. Hamburg; L.: Lit Verlag Münster, 2000. 122p.

Documents of the second half of the 15th century on the staffing of merchant ships with mercenaries and weapons from the archives of the "Novgorod guests" of Lübeck

A. V. Ushakov¹

¹Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-46-55

Research article
Full text in Russian

The article describes two documentary collections of the second half of the XV century on the staffing of merchant ships with mercenaries and weapons, stored in the archive of the merchant corporation Nowgorodfahrer from Lubeck, which is one of the funds of the Archive of the Hanseatic city of Lubeck. Previously unpublished handwritten sources were analyzed, their contents were considered, and the prospects for their study in the context of modern Hanseatic studies were determined.

Keywords: Nowgorodfahrer from Lubeck; Hanseatic League; Lubeck; Revel; Hanseatic sources; soldiers

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ushakov, Artem V. | E-mail: demiardo13@gmail.com

Funding: Russian Science Foundation (grant No. 23-18-00166).

Документы второй половины XV века об укомплектовании купеческих судов наемниками и вооружением из архива «новгородских гостей» Любека

А. В. Ушаков¹

¹Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-46-55
УДК 94(492+430)

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлено описание двух документальных коллекций второй половины XV века об укомплектовании купеческих судов наемниками и вооружением, хранящихся в архиве купеческого объединения «новгородских гостей» Любека, являющегося одним из фондов Архива ганзейского города Любека. Не публиковавшиеся ранее рукописные источники были датированы, рассмотрено их содержание, а также определены перспективы их изучения в контексте современных ганзейских исследований.

Ключевые слова: новгородские гости; Ганзейский союз; ганзейские источники; Любек; Ревель; наемники

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ушаков, Артем Владимирович | E-mail: demiardo13@gmail.com
Младший научный сотрудник научно-исследовательского центра, ассистент кафедры всемирной истории и международных отношений

Финансирование: Российский научный фонд (грант № 23–18–00166 «Русско-ганзейская «необычная торговля» в условиях балтийских конфликтов конца XV–XVI века», <https://rscf.ru/project/23-18-00166/>).

Во второй половине XV века «новгородские гости» Любека (*die Lübecker Nowgorodfahrer*) – специализированное купеческое объединение любекских бюргеров, заинтересованных в коммерческой деятельности на территории Ливонии и в городах русского Северо-Запада, – совершали транспортировку больших партий дорогостоящих товаров в пределах ганзейского торгового пространства, в первую очередь по марш-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

руту Любек – Ревель. Для обеспечения безопасности перевозимых грузов «новгородские гости» нанимали солдат на купеческие корабли и укомплектовывали их необходимым оружием, принимая во внимание возможность столкновений с пиратами. Учитывая, что история предпринимательской деятельности «новгородских гостей» Любека насчитывает по меньшей мере пять столетий, любекские купцы оставили после себя большой рукописный архив. Среди документов XV–XVI вв. присутствуют три купеческие книги, разнообразная переписка, различные постановления корпорации, счета, листы о выплатах пошлин и другие документы.

В архиве «новгородских гостей», являющемся частью Архива ганзейского города Любека (Archiv der Hansestadt Lübeck, АНЛ), хранятся две документальные коллекции, посвященные укомплектованию торговых судов наемниками с соответствующим вооружением. Первая коллекция называется «Переписка и записи „новгородских гостей“ о корабельном снаряжении, солдатах и пушках» (*Briefwechsel und Aufzeichnungen der Novgorodfahrer über Schiffsausrüstungen, Soldaten und Kanonen*) и содержит пять документов, хронологический охват которых 1459–1469 гг. [1]. Название второй коллекции – «Укомплектование кораблей наемниками» (*Bemannung von Schiffen mit Söldnern*), в нее входят четыре источника, датируемые 1485–1499 гг. [2]. Все архивные материалы написаны на средненижнегерманском языке и по большей части представляют собой оригиналы ганзейских документов. Целью настоящей статьи является описание источников из двух вышеуказанных рукописных собраний для последующего определения их значимости в контексте изучения коммерческой деятельности «новгородских гостей» Любека.

Обращаясь к исторической литературе, важно отметить, что общие сведения о найме солдат для военных действий на море в составе ганзейского флота можно найти в монографии К. Фритца и Г. Краузе, посвященной морским войнам Немецкой Ганзы [3, с. 81–83]. Анализируя проблему использования наемников в Ливонии, в частности в Ревеле XV–XVI вв., Ю. Крем, чье исследование основано в первую очередь на ливонском материале [4, р. 32–35], обращался к специфике обеспечения безопасности перевозимых по Балтийскому морю грузов с использованием вооруженных наемников на торговых судах. Однако рукописные источники из архива «новгородских гостей» Любека подробно не рассматривались историками, что добавляет актуальности настоящему исследованию.

Документы в собраниях расположены не в хронологическом порядке, однако для удобства восприятия в данной статье они будут рассмотрены в порядке возникновения. Для датировки неопубликованных рукописных материалов использовались справочники с датами католических праздников, подготовленные В. Брандмюллером [5, р. 95–135] и Г. Гротефендом [6], данные из которых соотносились с онлайн-календарем [7]. Для верификации полученных сведений использовался онлайн-конвертер дат юлианского и григорианского календарей [8]. При этом в комментариях при необходимо-

сти указаны оригинальные датировки ганзейских рукописей. Важно отметить, что при цитировании фрагментов из источников раскрыты, но не обозначены присутствующие в тексте сокращения; кроме того, сохраняется характерное для ганзейской документации написание римских цифр, а также обозначение денежных единиц: марок (μ) и шиллингов (β).

Документы из первой коллекции ранее публиковались в многотомных собраниях любекских актов (*Urkundenbuch der Stadt Lübeck*) и ганзейских актов (*Hansisches Urkundenbuch*), а также издавались с переводом на русский язык [9]. Однако данные публикации не лишены недостатков, которые негативно не влияют на содержание опубликованных источников.

Наиболее ранним источником из рассматриваемой коллекции является письмо ревельских бюргеров Генриха Арнсдеса (*Hinrik Arnsdes*), Виллема Хольтхузена (*Wyllem Holthussen*) и Титке Люнеборха (*Tytke Luneborch*) купцам корпорации «новгородских гостей» Герману Зоберхузену (*Hermen Soberhusen*), Гансу Брекельфельде (*Hans Breckelvelde*) и Петеру Дрогену (*Peter Droghen*) от 13 марта 1459 г. [1, fol. 22.; 9, № 8; 10, № 679]. Документ содержит следы прикладной печати. В нем ливонцы сообщали любечанам, что передали городскому совету Ревеля все вооружение, которое было на прибывших в ревельскую гавань торговых судах, и просят любечан восполнить истраченное в процессе обороны кораблей вооружение или же возместить его стоимость. Источник примечателен тем, что в нем перечислены многие типы оружия, которым пользовались средневековые наемники в XV веке.

Вторым источником в данной коллекции является копия письма олддерменов «новгородских гостей», написанного городскому совету Ревеля 26 июля 1460 г. [1, fol. 21.; 9, № 9; 10, № 849]. Олддермены сообщали что отправили в Ревель с тремя судами, а именно с кораблями шкиперов Арнда Флотенера (*Arnd Flotener*), Генриха Вульфа (*Hinrik Wulff*) и Ганса Раделофа (*Hans Radeloff*), 64 наемника¹, каждому из которых следует уплатить жалование в размере трех рижских фердингов в неделю (*to elker weken elk man iii ferdyng rygesch*).

Информация о размере жалования, выплачиваемого наемникам, крайне важна для сравнения с подобными сведениями из других документов, относящихся к истории предпринимательской деятельности «новгородских гостей» и хранящихся в Таллиннском городском архиве (*Tallinna Linnaarchiv, TLA*)², а также с источниками, отражающими специфику торговли иногородного купеческого объединения любекских бюргеров – корпорации «ревельских го-

¹ В документе содержится информация, что имена и фамилии всех наемников указаны в соответствующей записке, которая, по всей видимости, не сохранилась (*lxiiii solderes by naten so de schryfft in halt de hyr in besloten is*).

² К примеру, наемникам, прибывшим в Ревель в 1467 г., следовало выплатить 20 рижских шиллингов (*tor weken XX β Rigesch*), о чем сообщает письмо городского совета Любека к магистрату Ревеля от 17 июня 1467 г. [11, fol. 26.]. На сегодняшний день данный документ опубликован [12, с. 84–85].

стей» Любека (*Revalfahrer*)³. Важное место в рассматриваемом письме занимает указание на то, что жалование наемникам должен был выплатить именно городской совет Ревеля, а «новгородские гости» обязывались впоследствии возместить все затраченные средства. Подобная система, когда принимавшая сторона выплачивала жалование наемникам, а отправлявшая сторона возмещала указанную сумму, являлась традиционной для организации морских плаваний «новгородских гостей» во второй половине XV века⁴.

Следующий документ из рассматриваемой коллекции – письмо Германа Греве (*Herman Greve*), Тимана Ропера (*Tyman Ropert*), Дирика Хинникхузена (*Dyrick Hinnickhusen*) и Гервена Бука (*Gerwen Buk*) из Ревеля олдерменам «новгородских гостей» в Любек, написанное 1 сентября 1460 г. [1, fol. 23.; 9, № 11; 10, № 850]. Источник содержит следы прикладной печати. В нем ревельцы сообщали «новгородским гостям», что выплатили наемникам все необходимое жалование, а также подарили им 4 бочки пива (*iiii tonnen bers*), в связи с чем они просили любечан возместить все затраченные средства, включая стоимость пива – 6 марок и 16 шиллингов (*vi marck, xvi β*) и передать их с Петером Дрогеном. Важно отметить, что два рассмотренных выше источника содержательно дополняют друг друга.

Четвертый документ представляет собой соглашение между представителями любечан, «новгородскими гостями»⁵ и представителями Гамбурга, Брананта и голландцами о необходимости укомплектования купеческих судов наемниками с соответствующим вооружением для предстоящего плавания в Амстердам [1, fol. 24–25.; 9, № 14; 14, № 90]. Источник датируется 3 мая 1464 г. В нем перечислены имена представителей всех четырех сторон, указано жалование, которое должны были получить наемники, – 10 любекских шиллингов в неделю (*to gheven van elken man to koest dey weken x β lubesch*). Кроме того, купцы обязаны были содержать наемников в Амстердаме на протяжении восьми дней. Средства для выплаты жалования наемникам купцам одолжил городской совет Гамбурга в размере 300 любекских марок наличными деньгами (*Item oppe desse vorschreven soldyie hefft uns ghelende dey raet van Homborch iii^e marck lubische an ghelde*). Кроме того, городской совет Гамбурга выдал купцам предназначавшееся наемникам вооружение. Данный источник крайне важен для определения масштабов коммерческой активности «новгородских гостей», торговавших не только в Восточной Прибалтике, но и на других европейских рынках. Документ также подчеркива-

³ В двух письмах городского совета Любека к магистрату Ревеля от 28 июня 1484 г. сообщалось, что наемникам, прибывшим вместе с кораблями Михаэля Штангена (*Michel Stangen*) и Юриена Кетеля (*Jurien Ketel*), полагалось выплатить по два с половиной фердинга в неделю (*tor weken derdehalven verdinck geven*) [13, fol. 41, 42.].

⁴ См., к примеру, письмо олдерменов «новгородских гостей» Любека к городскому совету Ревеля, 18 июня 1467 г. [9, № 17].

⁵ Представителями любечан были Альф Гревероде (*Alff Ghreverode*), Ольрик Карнелис (*Olryk Karnelyss*), Генрих фон дер Альве (*Hynrik van der Alve*) и Клаус фон Кальвен (*Klaess van Kalven*), являвшиеся в разное время олдерменами или фрахтовщиками корпорации.

ет тесную связь любечан с купцами Гамбурга, о чем дополнительно будет сказано ниже.

Последним документом в коллекции является письмо ревельских бюргеров Генриха Шелевенда (*Hinrik Schelewend*) и Дидерика Хагенбеке (*Diderik Hagenbecke*) олдерменам «новгородских гостей» в Любек от 1 июля 1469 года [1, fol. 19.; 9, № 18; 14, № 604]. В Ревель вместе с судном шкипера Генриха Гуштровена (*Hinrik Gustrowen*) прибыли 50 наемников, которые отправились в обратный путь на трех кораблях: 25 человек на судне Генриха Гуштровена, 15 человек со шкипером Асмусом Шультенем (*Asmus Schulten*), 10 человек со шкипером Петером Шмитом (*Peter Smyt*). Ревельцы выплатили наемникам жалование общим размером в 225 марок (*twehundert und xxv marck*), причем средства предоставили купцы Йохан Витинкхоф (*Johan Witinckhofe*) и Альберт Шоненберг (*Albert Schonenberch*), состоявшие в корпорации «новгородских гостей»⁶. Примечательно, что в книге олдерменов «новгородских гостей» Любека содержатся записи о возврате средств указанным купцам и шкиперам [15, fol. 69r.]. Так Йохану Витинкхофу и Альберту Шоненбергу возместили все 225 марок; Асмусу Шультену было выдано по 6 шиллингов в неделю за 6 недель для 15 наемников, что в сумме дало 33 марки и 12 шиллингов⁷. Генрих Гуштровен, с которым из Любека в Ревель отправились 28 солдат, а возвратились 25, получил 72 марки⁸. Петер Шмит получил за 10 наемников, возвратившихся в Любек, из расчета по 6 шиллингов в неделю за семь недель и один день 27,5 марок⁹, притом что в Ревель на его судне было отправлено 12 человек. Здесь можно наблюдать несоответствие в двух источниках, которое, по всей видимости, обусловлено тем, что 50 наемников, указанных в письме Генриха Шелевенда и Дидерика Хагенбеке, ожидали обратного плавания в Любек.

В книге олдерменов «новгородских гостей» нет никаких указаний на то, сколько наемников находилось на борту судна Асмуса Шультена во время плавания в Ревель. Так или иначе доподлинно известно, что наемники, прибывавшие в Ливонию с купеческими кораблями, могли наняться на службу ревельским или орденским властям, а потому в Любек не возвращались [4, s. 34–35]. Подобная взаимосвязь источников не только из архива «новго-

⁶ Оба указанных купца упоминаются в книге олдерменов «новгородских гостей» Любека 1450–1470 гг. Первоначально они встречаются в записях за 1467 г. [15, fol. 57v., 58v., 61r.].

⁷ «Затем также отдали Асмусу Шультену за 15 наемников деньги за шесть недель, человеку по 6 шиллинов в неделю, сумма в деньгах – 33 марки, 12 шиллингов» (*Item noch ut geven Asmus Schulten vor xv soldeners vor vi weken kost den man de weken vi β, summa in gelt is – xxxiii μ xii β*).

⁸ «Затем также отдали шкиперу Генриху Гуштровену за 28 человек, отправившихся в Ревель, и за 25 возвратившихся человек, [из расчета] каждому человеку по 6 шиллингов, сумма в деньгах – 72 марки» (*Item noch ut geven schipher Hinrik Gustrouwen vor xxxviii man to Revel wart und vor xxv man wedder herwart elc man vi β, summa in gelt is – lxxii μ*).

⁹ «Затем также отдали шкиперу Петеру Шмиту за 12 солдат, отправившихся в Ревель, и за 10 возвратившихся [солдат], за 7 недель и 1 день, сумма в деньгах – 27 марок» (*Item noch ut geven schipher Peter Smede vor xii soldeners to Revel wart und vor x wedder herwart to hope vii weken, i dach, summa in gelt is – xxviii μ*).

родских гостей» Любека, но и из Таллиннского городского архива позволяет значительно расширить проблемное поле исследований.

Вторая рассматриваемая коллекция «Укомплектование кораблей наемниками» содержит четыре источника, из которых ранее был опубликован только один. Однако, несмотря на свое название, состав документально-го собрания оставляет множество вопросов.

Наиболее ранний из источников представляет собой копию¹⁰ письма городского совета Любека к магистрату Ревеля от 11 июня 1485 г.¹¹ [2, fol. 46.]. Примечательно, но в коллекции писем городского совета Любека к магистрату Ревеля за 1481–1490 гг. из Таллиннского городского архива оригинал данного документа не был обнаружен [13]. Само содержание источника касается оплаты наемников, прибывших в Любек на ревальском судне (*uppe de revelschen schepe*). По всей видимости, указанное письмо непосредственно связано с посланием олдерменов «новгородских гостей» Бальтазара Бокхольта (*Baltazar Boeckholt*), Генриха Фоссека (*Hinrik Fossek*), Германа Фокердинка (*Hermen Vockerdick*) и Ганса Берка (*Hans Berck*) к городскому совету Ревеля, от 19 июня 1485 г. Из него следует, что указанным наемникам, прибывшим в Любек на ревальском судне, выплатили 345,5 рижских марок (*dre hundert unde vyfundeventigste halve marck Rigesch*) [16, fol. 9.; 9, № 23]. Олдермены «новгородских гостей» отправляли со шкипером Юриеном Кетелем, на судне которого годом ранее перевозили свои товары «ревальские гости», две штуки серебра (*twe stucke sulvers*)¹². В этом контексте важно рассмотрение копии письма городского совета Любека из архива «новгородских гостей» исключительно с привлечением иных источников.

Два других источника из указанной коллекции стоит рассматривать без отрыва друг от друга. Это письма Ганса Каинеллина¹³ (*Hans Kainellin*) из Гамбурга олдерменам «новгородских гостей» в Любек [2, fol. 48, 49.]. Первый документ был написан 16 декабря 1495 г.¹⁴, второй – 8 февраля 1496 г.¹⁵. Оба письма содержат следы прикладной печати. Данные документы интересны тем, что в них не содержится никакой информации о наемниках и вооружении. Они посвящены выплате определенной пошлины (*tollen*) по выставленному городским советом Гамбурга счету (*rekensscop*). В первом документе указаны имена олдерменов «новгородских гостей»: Вольтер фон Леннеппен (*Wolter van Lenneppen*), Бернт Бомхоувер (*Berent*

¹⁰ Об этом на обороте есть соответствующее указание: «Это копия письма совета [Любека] к совету Ревеля» (*dyt is de copie van des rades breff an den rat van Reval*).

¹¹ Оригинальная датировка письма звучит следующим образом: «Написано под секретной печатью нашего города в субботу после праздника тела и крови Христовых» (*Screven under unser stadt secrete ame sonnavende nha corporis Christi*).

¹² О штуках (кусках, гривнах) серебра см. подробнее исследование И. Леймуса [17, с. 183].

¹³ Возможно, Каимллин (*Kaimllin*).

¹⁴ Оригинальная датировка: «Написано в Гамбурге в среду перед Рождеством» (*Gescreven in Hamborch deß myt wekenß vor wynacht*).

¹⁵ Оригинальная датировка: «Написано в Гамбурге накануне дня святой Аполлонии» (*Gescreven in Hamborch uppe sunte Appolonygen avente*).

Bomhouwer), Герман Хуттерок (*Hermen Hutterock*)¹⁶ и Маттиас Худеполь (*Mattys Hudepol*). Это крайне важная информация, так как нет никаких иных сведений об олдерменах «новгородских гостей» конца XV века. Однако неясной является фигура самого автора рассматриваемых писем, так как в иных ганзейских источниках Ганс Каинеллин не упоминается. Возможно, он был торговым партнером (фактором) или служащим «новгородских гостей» в Гамбурге. Обратившись к исследованию Г.-Ю. Фогтхерра, изучавшего гамбургских факторов любекских купцов на основе сертификатов¹⁷ городского совета Любека 1436–1527 гг., можно обнаружить, что Вольтер фон Леннеппен (Леннепп) имел торговое представительство в Гамбурге с помощью двух факторов в 1509–1510 и 1512–1513 годах [18, s. 98, 102–103, 104, 105], Герман Хуттерок – в 1482, 1485, 1488, 1491 и 1502 годах [18, s. 68, 74, 79–80, 86, 91], Маттиас Худеполь – в 1489 году [18, s. 79].

Сведений о торговом представительстве Бернта Бомхоувера в статье Г.-Ю. Фогтхерра нет. Но при этом среди гамбургских факторов, представленных в этом исследовании, нет и Ганса Каинеллина. В этой связи стоит также отметить, что в промежутке между 1492–1502 гг. открытые письма городского совета Любека отсутствуют. Таким образом, обращение к статье Г.-Ю. Фогтхерра не дало желаемого результата, кроме установления того факта, что трое из четырех олдерменов «новгородских гостей», как и некоторые другие купцы корпорации¹⁸, в конце XV – начале XVI века имели свое торговое представительство в Гамбурге. Возможно, оба указанных источника следует рассматривать во взаимосвязи с другими документами из архива «новгородских гостей», относящимися к выплате пошлин в Гамбурге, в контексте письма Вернера Бунеке (*Werner Buneke*) и Йохана фон Мера (*Johan van Mer*) любечанину Гансу Паулюсу (*Hans Paullies*) 1481 г. [19] и с письмами служащего «новгородских гостей» Ганса Шоне (*Hans Schone*) олдерменам корпорации 1505–1506 гг. [20].

Существуют сведения о том, что оба они: Вернер Бунеке и Йохан фон Мер – выступали факторами любекских купцов в Гамбурге [18, s. 130, 132], и нахождение двух писем Ганса Каинеллина в рассматриваемой коллекции крайне неоднозначно. Единственным объяснением появления документов в рассматриваемой коллекции может служить то, что указанная пошлина, за выплату которой был ответственен Ганс Каинеллин, взималась на оплату наемников, однако в текстах источников нет никаких указаний на это.

Подобным образом можно охарактеризовать и последний документ из данного рукописного собрания. Это письмо ганзейских купцов, арестованных после закрытия Немецкого подворья в Новгороде в 1494 г. и находив-

¹⁶ Первоначально автор письма написал фамилию любекского купца и бургомистра Германа Хунтенберга (*Hermen Hunttenberch*), однако затем зачеркнул фамилию и написал другую.

¹⁷ Также известны как открытые письма (*offenen brieffe*).

¹⁸ К примеру, Мауриций Лофф (Лёфф) (*Mauritius Loff/Löff*) в 1502, 1509, 1513 гг. [18, s. 92, 98–99, 106].

шихся в Москве, адресованное всем купцам в Любеке и датированное 3 июня 1499 г. [2, fol. 47.]. Важно отметить, что данный документ ранее дважды публиковался [21, № 215; 22, № 817]. Плененные купцы сообщали любечанам, которые получили послание 12 ноября¹⁹, о чем свидетельствует дорсальная надпись, что их удерживают в Москве в качестве гарантии безопасности посланников московского князя Ивана III (1462–1505) к Максимилиану I Габсбургу (1486–1519), а также жаловались на свое тяжелое положение и просили поспособствовать их освобождению. По сообщению дорсальной записи, купцы передали это письмо в городской совет, чтобы узнать мнение бургомистров и ратманов по поводу написания ответного письма плененным купцам. Примечательно, что в издании протоколов и сопутствующих документов ганзейских съездов (Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage, HR), а также в издании ливонских актов (Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch, LEKUB) опубликовано еще одно письмо плененных купцов любечанам, написанное в тот же день, причем очень близкое по содержанию к первому [21, № 216; 22, № 818]. Опираясь на указание составителей данных документальных собраний, можно с уверенностью заявлять, что второе письмо ганзейских купцов, находившихся под арестом в Москве, в конце XIX века хранилось в архиве «новгородских гостей», однако на сегодняшний день оно не было обнаружено. Учитывая название рассматриваемой коллекции, нахождение в ее составе подобного документа остается неясным, несмотря на то что «новгородские гости» Любека принимали деятельное участие в судьбе ганзейских купцов, оказавшихся в плену после закрытия Немецкого подворья [9, с. 163–165].

Таким образом, нами были рассмотрены две документальные коллекции из архива «новгородских гостей» Любека, посвященные укомплектованию купеческих судов наемниками с соответствующим вооружением. Источники 1459–1469 гг. из первой коллекции содержат важные сведения о количестве солдат, нанимавшихся для защиты купеческих товаров, об их вооружении, размере жалования, а также механизмах его выплаты. Привлечение иных источников из архива «новгородских гостей», в первую очередь данных из книги олдерменов корпорации 1450–1470 гг., а также документов из Таллиннского городского архива, позволяет в полной мере восстановить специфику найма солдат «новгородскими гостями» Любека для обеспечения безопасности перевозимых грузов в случае нападения пиратов или иной угрозы. Источники 1485–1499 гг. из другой коллекции неоднородны по своему содержанию. Лишь один документ, а именно копия письма городского совета Любека к магистрату Ревеля содержит информацию о наемниках и вооружении. Три других документа никак не коррелируют с заявленной проблематикой. Однако нельзя недооценивать их значимость в контексте изучения предпринимательской деятельности «новгородских гостей» Любека конца XV века.

¹⁹ «Это письмо получено купцами в [14]99 году во вторник после дня святого Мартина» (*Dessen breff entfing de koepman anno 99 des dinxtdages na Mertynny*)

Ссылки

1. Archiv der Hansestadt Lübeck. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 150.
2. Archiv der Hansestadt Lübeck. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 152.
3. Fritze K., Krause G. Seekriege der Hanse. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1989. 271 p.
4. Kreem J. The Business of War: Mercenary Market and Organisation in Reval in the Fifteenth and early Sixteenth centuries // *Scandinavian Economic History Review*. 2001. Bd. 49 (2). P. 26–42.
5. Brandmüller W. Studien zur Frühgeschichte der Abtei Michelsberg // Bericht des Historischen Vereins der Geschichte des ehemaligen Fürstbistums. Bamberg, Selbstverlag des Historischen Vereins, 1964. P. 95–135.
6. Grotefend H. Taschenbuch der Zeitrechnung des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Zwölfte Auflage. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 1982. 222 p.
7. Online Kalender und Terminplaner. URL: <https://www.kalender.com/>
8. Конвертер дат григорианского и юлианского календарей онлайн. URL: <http://graecolatini.bsu.by/htm-different/date-converter.htm>.
9. Ушаков А. В. «Новгородские гости» Любека. Письма и материалы, 1409–1560. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2022. 188 с.
10. Lübeckisches Urkundenbuch. Lübeck: Edmund Schmersahl, 1893. Bd. 9. 1023 p.
11. Tallinna Linnaarchiv, f. 230, BB 40 II.
12. Ушаков А. В. Письма магистрата Любека в Ревель по поводу торговли «новгородских гостей» последней трети XV века (из Таллиннского городского архива) // *Saurus*. 2023. Т. 2, № 2. С. 74–95.
13. Tallinna Linnaarchiv, f. 230, BB 40 III.
14. Hansisches Urkundenbuch. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1903. Bd. 9. 751 s.
15. Archiv der Hansestadt Lübeck. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). № 1.
16. Tallinna Linnaarchiv, f. 230, BE 14 IV.
17. Леймус И. О некоторых русских денежных понятиях, употребляемых среди ганзейского купечества в Ливонии и Новгороде // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. 2015. № 1 (17). С. 182–191.
18. Vogtherr H.-J. Hamburger Faktoren von Lübecker Kaufleuten des 15. und 16. Jahrhunderts // *Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde*. 1993. Bd. 73. P. 39–138.
19. Archiv der Hansestadt Lübeck. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). No. 170.
20. Archiv der Hansestadt Lübeck. Private Archiv. Novgorodfahrerkompanie (05.1–1/03). No. 171.
21. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Ab. 3. Bd. 4. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1890. 686 p.
22. Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 1. Riga, Moskau: Verlag von J. Deubner, 1900. 900 p.

Members of the Yaroslavl City Duma in 1870–1914: social and personal composition

Y. V. Punevsky¹

¹MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-56-61

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the social and personal composition of the vowels of the Yaroslavl City Duma in 1871–1914. Based on the prevailing idea in Russian historiography about the merchant character of urban dumas in Russia, the author clarifies this provision based on the analysis of unpublished archival materials, as well as data from local periodicals and other sources. In addition, the article examines the personal composition of the vowels of the Yaroslavl City Duma in 1870–1914, some aspects of business and personal relationships of vowels among themselves.

Keywords: social composition; city Duma; vowel; merchants; nobility

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Punevsky, Yaroslav V. | E-mail: moskva221090an@gmail.com
| Postgraduate

Гласные ярославской городской думы в 1870–1914 гг.: социальный и персональный состав

Я. В. Пуневский¹

¹МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-56-61
УДК 94(47)

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена социальному и персональному составу гласных ярославской городской думы в 1871–1914 гг. Исходя из сложившегося в отечественной историографии представления о купеческом характере городских дум в России, автор уточняет данное положение на основе анализа неопубликованных архивных материалов, а также данных местной периодической печати и других источников. В статье исследуется персональный состав гласных ярославской городской думы в 1870–1914 гг., некоторые аспекты деловых и личных взаимоотношений гласных между собой.

Ключевые слова: социальный состав; городская дума; гласный; купечество; дворянство

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пуневский, Ярослав Викторович

E-mail: moskva221090an@gmail.com

Ассистент кафедры гуманитарных и социальных наук, аспирант кафедры истории России факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения

Целью настоящей работы является изучение социального и персонального состава гласных ярославской городской думы в 1870–1914 гг. В отечественной историографии сложилось представление о купеческом характере городских дум в России в рассматриваемый период [1, с. 113; 2, с. 93]. Некоторые авторы, исходя из этого факта, делают вывод о господстве и даже диктате купцов в городском самоуправлении. «Городское самоуправление сосредоточилось исключительно в руках купцов, которые использовали его в дальнейшем для обеспечения, прежде всего, своих корпоративных интересов», – утверждает М. М. Шумилов [3, с. 27].

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Сравнительные материалы по социальному составу городских дум приведены В. А. Нардовой [4, с. 70]. По ее оценкам, доля купцов и почетных граждан из купеческих сословий в четвертом четырехлетии в городских думах России составляла 53,7 %, а доля дворян, духовенства и разночинцев – 33,2 %. Данных за остальные четырехлетия исследователь не приводит. По нашему мнению, представляется необходимым разделять купцов и потомственных и личных почетных граждан при анализе сословного состава городских дум.

По утверждению Н. А. Ивановой и В. П. Желтовой, «почетное гражданство по своему составу являлось наиболее демократичным из всех привилегированных сословий» [5, с. 360]. Значительная доля потомственных граждан не имела никакого отношения к купечеству. Б. Н. Миронов отмечал значительный рост численного состава сословия почетных граждан за 1870–1897 гг. при сокращении числа купцов [6, с. 387–388].

Формуляр документов ярославской городской управы о социальном составе не всегда позволяет отнести потомственных почетных граждан к купечеству. Дифференцированного подхода также требует анализ доли дворян, духовенства и разночинцев в городских думах. Следует учитывать, что социальный состав той или иной городской думы не мог быть однородным на всем протяжении указанного нами периода, поэтому его следует рассматривать в динамике.

Архивные материалы позволяют уточнить социальный и персональный состав ярославской городской думы в 1870–1914 гг. К сожалению, в фондах Государственного архива ярославской области не все списки гласных по четырехлетиям сохранились полностью, в некоторых случаях в документах отсутствует указание на социальную принадлежность гласного. Информационные пробелы делопроизводственной документации позволяют восстановить периодическая печать, а именно «Ярославские губернские ведомости».

Изучение неопубликованных источников привело нас к следующим результатам. За 1871–1913 гг. доля купцов в ярославской думе варьировалась от 41,25 до 69,23 %, а дворян – лишь от 1,25 до 8,33 %, почетных граждан – 4,16–19,64 %. Следует отметить сокращение доли купечества в городской думе к 1913 г. (в 1913 г. – на 41,42 % по сравнению с 1871 г.). Значительное место в социальном составе ярославской городской думы в 1871–1913 гг. занимали представители чиновничества (9,23 – 28 % от общего числа гласных думы) [7, л. 111–111 об.; 8, л. 142–143 об.; 9, л. 11–11 об.; 10, л. 134–136; 11, л. 123–126; 12, л. 103–104 об.; 13, л. 5–9; 14, л. 116–117; 15–18]. В 1871–1893 гг. 1,38–9,72 % гласных думы относились к офицерству. Очевидно возрастание числа крестьян и мещан среди гласных городской думы в начале XX века. Так, в 1913 г. совокупно они составляли 16,75 % от общего числа гласных думы [12, л. 103–104 об.].

Мемуарист С. М. Чехов отмечал, что «структура городского самоуправления была чисто классовой. Рабочие и подавляющее большинство мещан к городскому самоуправлению не допускались» [19, с. 91]. Д. Броуэр писал о «социальной пропасти между высшими и низшими классами в городе» [20, р. 139].

Изучение персонального состава ярославского городского самоуправления в 1870–1914 гг. также показывает преобладание купечества [2, с. 175]. Некоторые гласные десятилетиями заседали в ярославской городской думе. Например, Д. И. Чистяков, А. И. Вахромеев и П. А. Ерыкалов были гласными городской думы в 1875–1905 гг. (за исключением четырехлетия 1883–1886 гг.). Кроме того, Д. И. Чистяков был городским головой в 1906–1908 гг., а И. А. Вахромеев – в 1881–1887 и 1897–1905 гг. [19].

Среди других старожилов ярославской городской думы следует назвать А. Г. Лопатина (1879–1913 гг.), Я. С. Лопатина (1879–1913 гг.), П. А. Долганова (1883–1905 гг.), А. А. Белова (1887–1913 гг.), А. А. Шнейдера (1875–1891), А. П. Крылова (1891–1909 гг.) и целый ряд других гласных. Всего за 1871–1891 гг. гласными думы побывали 188 человек, за 1893–1913 гг. – 215 человек [21; 7, л. 111–111 об.; 8, л. 142–143 об.; 9, л. 11–11 об.; 10, л. 134–136; 11, л. 123–126; 12, л. 103–104 об.; 13, л. 5–9; 14, л. 116–117; 15–18].

Проанализируем сменяемость состава ярославской городской думы от четырехлетия к четырехлетию. В совокупности за 1870–1913 гг. состав гласных городской думы обновлялся на 26–75 %. Показатель весьма неоднородный. Трудно выявить в статистике обновляемости гласных ярославской городской думы какую-либо закономерность. Так, сначала этот показатель был довольно высоким (69 % – в 1875 г., 47 % – в 1879 г.), однако в 1883 г. он резко снизился – до 20,8 %, а в 1887 г. – резко повысился, до 75 %. В 1893–1913 гг. показатель обновляемости гласных ярославской городской думы несколько стабилизировался и составил 26–52 % [7, л. 111–111 об.; 8, л. 142–143 об.; 9, л. 11–11 об.; 10, л. 134–136; 11, л. 123–126; 12, л. 103–104 об.; 13, л. 5–9; 14, л. 116–117; 15–18].

Исходя из приведенных данных, представляется затруднительным говорить о местничестве в среде гласных и их семей в городской думе. В целом на протяжении 1870–1914 гг. состав городской думы обновлялся довольно существенно.

Следует отметить тесные взаимоотношения ряда гласных городской думы и представителей власти. Так, по наблюдению С. М. Чехова, «между городским головой Н.И. Соболевым и губернатором А.Я. Фриде были тесные отношения и дума, по существу, выносила такие решения, какие были угодны и нужны этой паре властителей» [19, с. 91]. Активную и дружескую переписку вели А. Я. Фриде и гласный думы А. А. Титов [22]. Документы из фонда А. А. Титова сообщают и о тесных взаимоотношениях ярославского губернатора Б. В. Штюрмера и И. А. Вахромеева [23]. Переписка из-

вестного ярославского краеведа и гласного городского думы А. А. Титова с Д. И. Чистяковым насчитывает не одну сотню страниц [24].

Некоторые сведения из источников позволяют говорить о существовании «партий» из гласных в городской думе. Например, в 1891 г. Д. И. Чистяков писал А. А. Титову: «Вчера слышал про дело о доме исправника < ... > говорят, что дом взяли под благотворительные учреждения – делать нечего, и что это произошло потому, что в думе были все сторонники Щапова и твои, а многих не было» [24, л. 41–42]. 7 августа 1907 г. гласный думы П. П. Щапов сообщил А. А. Титову вопросы, которые будут обсуждаться на предстоящем заседании городской думы, рассказывая о возможном влиянии тех или иных гласных на принятие решения [25, л. 5].

Таким образом, изучение неопубликованных источников по социальному и персональному составу гласных ярославской городской думы в 1870–1914 гг. подтверждает давно отмеченное исследователями преобладание купечества и одновременно позволяет уточнить ряд важных деталей: небольшое число дворян в ряду гласных, возрастание роли чиновничества, мещанства и даже крестьянства на протяжении рассматриваемого периода и сокращение роли купечества. Несмотря на то что некоторые гласные годами и даже десятилетиями избирались в городскую думу, в целом ее состав обновлялся на 26–75 %. Источники показывают тесные взаимоотношения некоторых гласных с представителями государственной власти, а также гласных между собой, в связи с чем представляется возможным говорить о существовании неких «партий» в городской думе, решавших вопросы сообща.

Ссылки

1. Боханов А. Н. Российское купечество в конце XIX – начале XX века // История СССР. 1963. № 3. С. 106–118.
2. Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г. Антология. Ярославль: ЯрИНвестПроект, 2009. 239 с.
3. Шумилов М. М. Новгородское городское самоуправление в 60-80-е гг. XIX века // Местное самоуправление в России: история и современность: материалы региональной научно-практической конференции. Новгород, 1997. С. 25–30.
4. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в. Ленинград: Наука, 1984. 260 с.
5. Иванова Н. А. Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый Хронограф, 2019. 710 с.
6. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т.1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.
7. ГАЯО. Ф. 509. Д. 509.
8. ГАЯО. Ф. 509. Д. 241.

9. ГАЯО. Ф. 509. Д. 390.
10. ГАЯО. Ф. 5 09. Д. 962.
11. ГАЯО. Ф. 509. Д. 746.
12. ГАЯО. Ф. 509. Д. 1506.
13. ГАЯО. Ф. 509. Д. 645.
14. ГАЯО. Ф. 509. Д. 1146.
15. ЯГВ. 1887. 27 янв.
16. ЯГВ. 1875. 27 янв.
17. ЯГВ. 1871. 15 марта
18. ЯГВ. 1879. 13 апр.
19. Чехов С. М. О семье Чеховых: М. П. Чехов в Ярославле. Ярославль: Верх. Волж. кн. изд-во, 1970. 224 с.
20. Daniel R. Brower The Russian city between tradition and modernity 1850–1900. Berkeley and Los Angeles: University of California press, 1990. 253 p.
21. Григорьев А. В. Гласные ярославской городской думы: URL: <https://yarwiki.ru/article/1654/1893-1917-glasnye-yaroslavskoj-gorodskoj-dumy> (дата обращения: 21.08.2024).
22. ГАЯО. Ф. 1367. Д. 1912.
23. ГАЯО. Ф. 1367. Д. 2028. Л. 2–3.
24. ГАЯО. Ф. 1367. Д. 1968.
25. ГАЯО. Ф. 1367. Д. 2043.

Youth organizations of the Yaroslavl province and cultural and educational work in the 1920s

A. V. Assonov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-62-69

Research article
Full text in Russian

The article is devoted to the study of the issue of educational and cultural work in children's and youth politicized organizations. Attention is paid to the analysis of the techniques used by party leaders and the Komsomol in working with children. The Soviet political system directed the efforts of society towards building and strengthening a new system, in which youth played an important role. In the political system, youth directly participated in the creation of a new socialist society and a new culture, firstly, as members of society, and secondly, with their work they satisfied the goals and interests of society, created conditions for the general development and improvement of the socialist system. The party and the state relied on the Komsomol and youth to modernize the country on the principles of communism. The work is based mainly on archival materials. Conclusions are drawn about the importance of working with youth in Soviet Russia and carrying out reforms in the cultural sphere.

Keywords: culture; ideology; pioneers; Komsomol; politics; Octoberites

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Assonov, Anton V. | E-mail: assonov@internet.ru
| Postgraduate

Молодежные организации Ярославской губернии и культурно-просветительная работа в 1920-е гг.

А. В. Ассонов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-62-69
УДК 93/94:908

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена изучению вопроса воспитательной и культурной работы в детских и молодежных политизированных организациях. Уделено внимание анализу приемов, которыми пользовались партийные деятели и комсомол в работе с детьми. Советская политическая система направляла усилия общества на строительство и укрепление нового строя, в котором молодежь играла важную роль. В политической системе молодежь непосредственно участвовала в создании нового общества и новой культуры, создавала условия для общего развития и совершенствования социалистического строя. Партия и государство делали ставку на комсомол и молодежь в деле модернизации страны на принципах коммунизма. Работа основывается в первую очередь на архивных материалах. Сделаны выводы о важности работы с молодежью в Советской России и о проведении преобразований в сфере культуры.

Ключевые слова: культура; идеология; пионерия; комсомол; политика; октябрята

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ассонов, Антон Владимирович | E-mail: assonov@internet.ru
Аспирант

Неразрывной частью культурной политики большевиков, реализуемой с первых лет советской власти, была работа с молодежью. Культура находилась под влиянием идеологии, и работа с подрастающим поколением носила отчетливо выраженный идеологический характер. Пример тому – работа детских и молодежных организаций.

Работа с детьми и молодежью находилась в центре внимания государственных и политических деятелей. О воспитании и наставничестве писали Н. И. Бухарин [1], М. И. Калинин [2], А. М. Коллонтай [3], Г. К. Орджоникидзе [4].
© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

никидзе [4], И. В. Сталин [5], Н. К. Крупская [6], А. В. Луначарский [7], В. И. Ленин [8] и другие. Их труды крайне важны для исследования в качестве исторического источника: советская система пропаганды и воспитания «нового человека» была централизованной и не имела альтернативных путей развития. В использованных автором статьи материалах нашли отражение мероприятия, проводимые правящей партией по вовлечению детей в общественную жизнь государства, по политическому воспитанию и культурно-просветительской работе в молодежной среде. Статьи, очерки, брошюры дают представление о целях советской власти в деле воспитания детей, методах их достижения.

Очевиден интерес к данной теме: она находится в фокусе таких авторов, как Н. Б. Лебина [9], Ш. Фицпатрик [10], Ю. А. Стецура [11], А. А. Слезин [12] и другие. Разработкой темы работы отрядов пионеров и комсомола занимались и ярославские историки. Ю. Г. Салова [13] в своих трудах отразила вопросы организации детского чтения, постановки театральной работы с детьми, использования кино в детском досуге, а также различные формы клубной работы. Проблемы советского детства рассматривала в своих статьях Н. В. Рябинина [18]. Тема в целом изучена неплохо, но имеется необходимость детализации некоторых аспектов на основе регионального опыта и архивных материалов, которые дополняют имеющуюся информацию.

Комсомол оказывал влияние на подрастающее поколение. Он был образован 29 октября 1918 г. В Ярославской губернии первые молодежные объединения начали появляться еще до возникновения централизованных органов. В марте 1918 г. в Рыбинске на вагоностроительном заводе «Феникс» молодые люди создали свой Союз рабочей молодежи, названный в честь Третьего интернационала; в конце весны он стал уже общегородским.

Активистами организации выступали Павел Расторгуев, Николай Марков, Болеслав Тарасевич [14, с. 49]. Летом и осенью того же года подобные союзы были созданы в Пошехонском, Любимском, Мологском, Переславском уездах. В конце 1918 – начале 1919 г., то есть после I Всероссийского съезда комсомола, коммунистические союзы молодежи были созданы в Любиме, Ростове, Пошехоно-Володарске, в Даниловском уезде, на Норской мануфактуре, текстильной фабрике Сакиных, на фабрике Локалова в Гаврилов-Яме, а также в Тверицком, Веткинском и железнодорожном районах Ярославля [15, л. 1–7].

В феврале 1919 г. была утверждена губернская организационная комиссия РКСМ. В ее состав входили М. Скуднов (председатель), А. Грачев, М. Спиридонов, А. Маров [16, л. 7]. Комиссией была установлена связь с центральным комитетом комсомола (ЦК РКСМ).

Летом 1919 г. в г. Ярославле состоялась I губернская комсомольская конференция [14, с. 176], в которой принял участие народный комиссар

просвещения А. В. Луначарский. Он выступил с речью, в которой подчеркивалось, что «объединенной в коммунистические союзы молодежи, суждено сыграть в России видную роль» [14, с.178]. На конференции был избран губком РКСМ в составе 15 членов, первым председателем которого стал М. Иванов.

В декабре 1920 г. в Ярославле состоялся VI съезд РКСМ, на котором активно обсуждались меры по выполнению решений III Всероссийского съезда ВЛКСМ. Решения предусматривали создание комсомолом школ на заводах, фабриках и в деревнях для ликвидации неграмотности в стране. Большое внимание съезд уделил и политико-просветительной работе, которая «должна быть проведена на всех заводах, в школах и сельских ячейках». Ликвидация политической неграмотности была шагом к воспитанию «нового человека», были созданы клубы и центры чтения [14, с. 322–325].

Быстро росло количество комсомольцев, и если летом 1919 г. в Ярославской губернии было около 2000 человек, то к 1926 г. – уже более 17000.

У ярославского комсомола существовал свой печатный орган. С 1920 г. выходила газета «Путь молодежи»; с 1921 г. – «Красные резервы» и «Известия губкома»; с 1925 г. – «Северный комсомолец» (разные названия одного и того же издания). Закончила свой путь газета в 1929 г.

Комсомольцы выступали в роли организаторов и воспитателей молодого поколения. Чтобы создать стройную систему воспитания новых коммунистов, формировались и союзы, объединявшие еще более юных участников. С раннего возраста – с 7–8 лет – детей привлекали к участию в коммунистических союзах: так появились октябрята и пионеры.

Самые юные участники детских организаций были октябрята. Первые октябрятские кружки возникли в Ярославской губернии в конце 1923 г. В отличие от старших товарищей – пионеров, здесь, в силу возрастных особенностей, делали меньший упор на политработу. Появились «формы работы с октябрятами. Одна из необходимых для них – строй, физкультура, чтение революционной беллетристики <...>, экскурсионная работа...» [17, л. 38, 40 об.]. «Дополнительные указания по работе с октябрятами» делали установку на «знакомство с биографиями вождей революции <...>», рекомендовались такие формы, как «беседа (можно привлекать партийцев), физкультура, песни» [17, л. 38, 40 об.].

Первый пионерский отряд в Ярославле был создан в августе 1922 г. при государственной мельнице № 2 за Волгой, позднее – на фабрике «Красный Перекоп». Существовала целая система отбора, которую мы уже рассматривали в другой статье [18]. Спустя два месяца после вступления в организацию юный пионер приносил торжественную клятву [17, л. 197 об.]. Такая своего рода «инициация» символизировала вступление в особое общество, куда мог попасть далеко не каждый ребенок, а только достой-

ный. Был выработан устав [17, л. 197 об.]; у каждой местной пионерской организации было знамя [17, л. 12 об.].

В 1922 г. развитие пионерии в Ярославской губернии оценивалось в основном как удовлетворительное. Отставали Любимский, Даниловский и Ростовский уезды [17, л. 197 об.].

Воспитание и организация юных пионеров находились под руководством РКСМ. Для работы с пионерскими отрядами в каждый из них выделялся политрук-комсомолец, который должен был вести политическую часть программы [17, л. 12 об.]. Комсомольцы приобщали пионеров к самоорганизации, советской повседневной культуре, знакомили с политической жизнью страны и мира. В одной из директив было сказано, что вся работа в детских группах рассчитана на то, чтобы в будущем ребенок стал борцом-коммунистом [17, л. 13 об.].

В процессе создания пионерских отрядов важна была агитация и упорядочение культурной работы среди пионерии [17, л. 187 об.], и комсомол использовал наиболее грамотных комсомольцев-вожатых [17, л. 170, 212 об.] для работы с детьми и подростками. Шел процесс организации отрядов и развития наставничества.

Пионеры активно участвовали во всех важных мероприятиях, проводимых комсомольцами, таких как «Неделя Красного флота», 1 Мая, «Неделя беспризорных больных детей». Каждый район отчитывался о проведенной пионерскими отрядами работе Губкому РКСМ.

Показательно распределение времени занятий пионеров: политчасть – около 30 %, коллективный труд – примерно 25 %, подвижные игры – 20 %, беседы политического характера – 13 %, досуг и творчество – 12 %. (За 100 % берется свободное от учебы время.) [17, л. 223 об.].

Особый интерес представляет «политчасть и беседы политического характера». С детьми проводилась теоретическая работа через краткие доклады [19, л. 22 об.]. Беседы велись с учетом возрастных особенностей. Темы бесед свидетельствуют о том, что пионеры должны были не только проникнуться сами социалистическими идеями, но и донести их до своих семей, стать проводниками советской идеологии. Документы фиксируют вопросы и тезисы: «Что от детей ждут вожди революции? Как провести в жизнь лозунги, выбрасываемые в отношении деткомгрупп? Связь отрядов пионеров с семьями пионеров. Беседа о семье. Семья еще мало обновлена, в ней еще много темного. Сравнение с дореволюционной семьей и семьей революционной. Мать-работница, уделение ей больше внимания. Столкновение пионеров с семьей, угроза уйти из дома. Отношение родителей к детям, какое есть и каким должно быть» [19, л. 28 об.].

Образец беседы был следующим: «Пионер в семье – человек передовой < ...> Замена лубочных картинок рисунками нового свойства. Подготовка в семье к революционным праздникам, создать революционно-

праздничное настроение <...> Каждую свободную минуту использовать для рассказа <...> о революции – это начальная работа пионера в семье» [19, л. 28 об.].

Предполагался и более глубокий уровень работы в семье; например, детям предлагали объяснить своим родителям опасность невежества, убедить их, что ученье – свет, «приносить домой журналы и газеты и родителей потянет учиться». Устройство дома у пионера вечеринок, приглашение товарищей отряда на инсценировки, чтение стихов и пение революционных песен, искоренение ругани, пьянства и побоев – все это входило в перечень пропагандистских работ пионеров в среде своей семьи. Силами всего отряда предполагалось устройство для родителей вечеров; на рабочих собраниях заслушивались доклады детей, так как простое слово ребенка работает лучше, чем взрослого. Предполагалось втянуть в работу отряда родителей [19, л. 28 об.].

Комсомол устраивал для детей и летние лагеря, однако в архивной документации обнаружили лишь факты материального обеспечения такого предприятия.

Проводилась и музейная работа. Действовали старые музеи, открывались новые [21, л. 7]. Сотрудники музеев вели для детей экскурсии, занимались краеведческой работой, например, читали соответствующие курсы в учебных заведениях [22, л. 40–48]. Сначала хотели ограничиться лишь экскурсиями на природу, но по инициативе ряда членов Наркомпроса, в частности Д. И. Лещенко, решено было проводить экскурсии на фабрики и заводы для ознакомления детей с производственным трудом [23, л. 85–90].

В Ярославле имелся опыт, которым делились, показывая образцовые предприятия, в том числе приезжавшим из уездных городов. В их число входили: «...Красный перекоп, железнодорожные мастерские, кожевенный завод, мукомольная мельница, табачная фабрика, свинцово-белильный завод, валяльно-сапожное заведение, электрическая станция, водопровод, конфетное производство и др...» [24, л. 2, 124].

Важную роль в воспитании подрастающего поколения и его культурном развитии играла литература, которой комплектовали библиотеки и читальни. Они стали в 1920-х гг. культурными центрами, особенно в сельской местности [20, л. 192–198] и комплектовались не только методической литературой и газетами [19, л. 25], но и детской литературой: журналом «Барабан», книгами «Памятка юного пионера» и «Работа в детских группах» [17, л. 121, 153]. Губернский комитет комсомола также выписывал центральные издания – это «Молодая гвардия», «Юный коммунист», «Интернационал молодежи», «Центральная газета молодежи», «Юные товарищи» [17, л. 25].

Во время государственных праздников проводились «детские недели». Они были направлены на популяризацию детского коммунистиче-

ского движения. Пионеры и комсомольцы посещали детские дома, школы, устраивали спектакли, разучивали с детьми песни [25, л. 128]. Пионерские отряды выпускали свои настенные газеты, которые носили не только информационный, освещая местную жизнь и жизнь всей пионерии в стране, но и пропагандистский характер.

Таким образом, культурная работа среди молодежи была тесно связана с идеологической и проводилась через культурные мероприятия. Даже экскурсии, музейная деятельность, чтение были направлены не столько на «окультуривание» молодежи, сколько на создание человека нового типа. Культурная политика и исторические реалии диктовали новые требования к культурно-просветительской работе. Молодежь в силу своих социально-психологических характеристик стала важнейшей опорой в строительстве нового советского государства, чему способствовала среда, в которой росли и воспитывались дети, начиная с дошкольного возраста. Такая системность и проработанность занятий с детьми и молодежью, их включенность в общественную жизнь довольно быстро стала давать плоды.

Ссылки

1. Бухарин Н. И. Учителство и комсомол. Доклад на Всесоюзном съезде учителей. М.: Новая Москва, 1925. 22 с.
2. Калинин М. И. О коммунистическом воспитании. М.: Молодая гвардия, 1945. 234 с.
3. Коллонтай А. М. Дорогу крылатому Эросу! (Письмо к трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1923. № 3. С.111–124.
4. Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи: в 2 т. Т. 1: 1910–1926. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1956. 516 с.
5. Сталин И. В. О противоречиях в комсомоле: Речь на совещании по вопросам работы среди молодежи при ЦК РКП(б) 3 апреля 1924 г. // Сочинения. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. Т. 6. С. 65–66.
6. Крупская Н. К. Основы политико-просветительной работы. М.: Директ-медиа, 2014. 619 с.
7. Луначарский А. В. О народном образовании / вступит. ст. И. Кадрова; сост. Ф. С. Озерская. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1958. 559 с.
8. Ленин В. И. О молодежи [Сборник речей]. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. 210 с.
9. Лебина Н. Б. Молодежь страны Советов в 20-е годы // Вопросы истории. 1983. № 8. С. 77–87.
10. Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 335 p.

11. Стецура Ю. А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-х и 30-х годов. Екатеринбург; Пермь: РАН (Уральское отделение), Институт истории и археологии, Комитет по делам молодежи администрации Пермской области, 1995. 120 с.

12. Слезин А. А. Молодежь и власть. Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921–1929 гг. Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2002. 220 с.

13. Салова Ю. Г. Детский досуг в Советской России (1920-е годы): учебное пособие / отв. ред. А. М. Селиванов. Ярославль: ЯрГУ, 2000. 135 с.

14. Документы из истории Ярославского комсомола: 1918–1920. Ярославль: Партийный архив при Ярославском обкоме КПСС. Ярославский обком ВЛКСМ, 1959. 392 с.

15. ЦДНИ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 27. Ед. хр. 48.

16. ЦДНИ ГАЯО Ф. 496. Оп. 12. Ед. хр. 2.

17. ЦДНИ ГАЯО Ф. 1. Оп. 27. Д. 975.

18. Рябинина Н. В., Асонов А. В. Место революционного праздника в системе пропаганды среди детей и подростков (1917–1920-е гг.) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2021. № 1. С. 22–25. EDN XYISRI.

19. ЦДНИ ГАЯО Ф. 1. Оп. 27. Д. 1653.

20. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 182.

21. ГАЯО Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 1654. Л. 7.

22. ГАЯО Ф. Р-1400. Оп. 1. Д. 5.

23. ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 19. Д. 3.

24. ЦДНИ ГАЯО Ф. 1. Оп. 27. Д. 2101.

25. ЦДНИ ГАЯО Ф.1. Оп. 27. Д. 975.

Entrepreneurship and Charity: studies on the Socio-legal Portrait of a Russian Woman (19th-early 20th centuries)

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-70-83

Research article
Full text in Russian

Based on information from the history of Russian law on the peculiarities of the legal status of Russian women and historiography on entrepreneurial activity and social service of Russian women of the 19th century-early 20th century, gender-colored characteristics of relevant economic and social practices of representatives of various classes, vivid examples of women's entrepreneurship and charity are proposed; legal and other prerequisites for the social activity of Russian women of this period are summarized; In comparison with the European situation, the progressive components of their legal capabilities, mentality, business success and needs for social service are stated.

Keywords: Russian woman of the imperial period; legal prerequisites for property independence; trends in some gender equalization of opportunities; episodes of «women's history»; portraits of women entrepreneurs; features of women's social service

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina, Nadezhda N.	E-mail: nant@uniyar.ac.ru
	ORCID iD: 0000-0001-8827-5532
	Cand. Sc. (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Funding: Yaroslavl State University (project VIP-014).

Предпринимательство и благотворительность: этюды к социально-юридическому портрету российской женщины (XIX – начало XX века)

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-70-83
УДК 340.15

Научная статья
Полный текст на русском языке

На основе информации истории российского права об особенностях правового статуса российской женщины и историографии о предпринимательской деятельности и социальном служении российских женщин XIX – начала XX века предлагаются гендерно окрашенные характеристики соответствующих экономических и социальных практик представительниц различных сословий, яркие образцы женского предпринимательства и благотворительности; обобщаются юридические и иные предпосылки общественной активности российских женщин данного периода; констатируются, сравнительно с европейской ситуацией, прогрессивные компоненты их правовых возможностей, менталитета, успешность в бизнесе и потребности в социальном служении.

Ключевые слова: российская женщина имперского периода; юридические предпосылки имущественной самостоятельности; тенденции некоторого гендерного выравнивания возможностей; эпизоды «женской истории»; портреты женщин-предпринимательниц; особенности женского социального служения

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина, Надежда
Николаевна

E-mail: nant@uniyar.ac.ru
ORCID iD: 0000-0001-8827-5532

Кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства

Финансирование: ЯрГУ (проект VIP-014).

Примерно в середине XX в. социальная история, наряду с другими своими характеристиками, оказалась гендерно дифференцирована: появились, сначала этюды, а затем – портреты «женской истории» (her story наряду с his story), включая «оттенки и краски» психологического, экономического, собственно исторического, а также и правового смыслов и реалий жизни женщины, о ее традиционных и меняющихся со временем занятиях в семье; об эволюции ее общественного и юридического статуса, женского труда [1–2], политической активности [3]; эмансипации и контрэмансипации; о жизни под властью отца и мужа [4, с. 607–648]; об одиноком материнстве [5–7]; о феминизме [8]; социальном служении [3]. Очевидно, что каждый временной отрезок этой истории обладает своим характером, сущностными особенностями. Это в полной мере относится и к периоду, избранному нами в качестве объекта более пристального внимания, прежде всего в контексте «портретирования» женских образов – одного из способов сложения общей картины общественного бытия российской женщины.

Рассуждая об историко-правовых предпосылках относительной самостоятельности русских женщин, И. А. Покровский подчеркивал: «По счастливой исторической случайности наше русское право, вообще отставшее от права западноевропейского», стоит в вопросе об имущественном режиме в супружестве «в передовой шеренге», закрепляя раздельность собственности супругов, позволяя распоряжаться своим имуществом и др., в том числе женам – без согласования с мужем; когда данный принцип в нашем законе появился, – вопрос «темный и спорный»¹, однако с ним мы «впереди Европы» и «одной трудностью у нас меньше» [9, с.188].

Как отмечает Н. Л. Пушкарева, произошло некоторое «выравнивание» статусов мужчины и женщины; «московская старина», с ее затворничеством, «теремным сидением» девиц высших сословий, лишением женщин дееспособности, вопреки противодействию «ретроградов», отступила [10], хотя, разумеется, и не со всех позиций института мужской власти над женой (и детьми)². «Весь XVIII век, несмотря на отдельные примеры противоположного свойства, – подчеркивал Г. Ф. Шершеневич, – представляет собою последовательный ход развития личности женщины». Споры и колебания в имущественном вопросе, продолжал автор, в начале следующего века разрешились полным признанием ее имущественной самостоятельности³ [4, с. 614]. Означенные решения, среди прочего, явились также одной из значимых предпосылок особого эволюционного пути российского женского предпринимательства, общественной деятельности и «женской истории» в следующем за веком восемнадцатым девятнадцатым столетии

¹ Не без участия, однако, русских императриц, сочувствовавших женской доле (а перед тем – Петра Великого).

² Как известно, и в политическом, и в образовательном, и в цивилистическом контексте гендерная дискриминация просуществовала в правовом силовом поле до октябрьской революции. О правовом статусе жены и дочери см., например, [4, с. 607–644].

³ Подробнее об этом см. также работы автора статьи о браке [11, с. 21–37].

и начале столетия двадцатого. В то же время вынуждены подчеркнуть, что, наряду с прогрессивными позициями, в имперском законодательстве, вплоть до его замены законодательством революционного периода (1917–1918 гг.), сохранялась и классика дискриминации в отношении семейно-правового статуса женщины: власть отца и мужа над ее юридической (и фактической) личностью, почти полный запрет развода, допущение судебных исков о водворении жены к мужу, единоличная ответственность за судьбу незаконнорожденного ребенка [12]. В некоторых случаях это преодолевалось доброй волей мужчины (отца, мужа, опекуна, близкого родственника, временного сожителя), что, впрочем, составляло не тенденцию, а исключение из традиционных обыкновений, поддерживаемых законом.

Несмотря на доминирование дискриминационных позиций, означенная добрая воля некоторых (прямо скажем – немногочисленных) представителей мужского страта, ряд прогрессивных компонентов имперского законодательства (спасибо Петру Великому, императрицам Екатерине и Елизавете), пассионарность российских женщин из различных сословий (с нестандартным характером, мышлением и поступками как следствие первых двух штрихов к портрету) создавали предпосылки для постепенного, но последовательного формирования в российском обществе среды для появления все большего числа женщин относительно самостоятельного типа – и в семье, и в общественной деятельности, и в бизнесе. В последнем принимали участие представительницы различных групп населения рассматриваемого периода.

Так, например, особую нишу занимает хозяйствование и предпринимательство женщин из старообрядческой среды. В историографической доктрине подчеркивается, что доля старообрядцев-предпринимателей среди экономических субъектов XIX – начала XX в. была в пересчете на численность старообрядческого населения пропорционально выше соответствующего значения среди населения иных групп⁴. Их мотивация к активной торгово-промышленной деятельности объясняется в науке доминантами, особенностями вероучения, соответствующими ценностями, социально-психологическими установками, а также антистарообрядческой государственной политикой, которая данную мотивацию лишь усиливала, придавала социальным практикам старообрядцев хотя и нетипичные, но весьма эффективные формы. При этом ролевые позиции женщины в старообрядчестве были довольно сильны и в ряде смыслов и случаев не уступали позициям мужчины: в среде старообрядок наблюдался более высокий уровень грамотности, нежели у иных социальных групп, допускалось творческое начало в толковании вероучения и отстаивании его, а также вполне ощутимое участие в жизнедеятельности общин, в их за-

⁴ О конфессиональном аспекте предпринимательства, соответствующем различии в деловом поведении, при одновременном взаимодействии и взаимообогащении («диффузии») навыков и, как бы теперь выразились, технологий, см., например, труды В. В. Керова [13].

щите от преследования властей⁵. Этому способствовал, как мы уже неоднократно отметили ранее, и общий (благоприятный, пусть и в ограниченном формате) правовой режим, позволявший женщине (прежде всего вдове или «разведенной») наследовать имущество, получать промысловые и купеческие свидетельства и даже оперировать собственностью мужа на основании доверенности.

Так, купеческая вдова-староверка А. Куприянова успешно управляла шерстопрядильной фабрикой (г. Богородск Московской губернии). В руках женщин-староверок находились многие сибирские промыслы, а в старообрядческих селах Западной Сибири основную роль в хозяйствовании и предпринимательстве играли именно женщины. Они же возглавляли и часть фирм на Алтае. В историографии упоминается и о весьма успешных состоятельных женщинах-предпринимателях среди белорусских староверов. Основатель известной династии М. Я. Ребушинский именно жене завещал свое дело, успешно ею продолженное. Одна из самых знаменитых староверок-предпринимателей М. Ф. Морозова, унаследовав от мужа почти все имущество и увеличив оное к 1911 году до 30 миллионов, умело распорядилась активами фабричных товариществ и другим производственным и финансовым капиталом, положила немало сил и умения процветанию семейного дела [14, с. 61–66]. Староверки занимались и благотворительностью, среди целей которой было не только милосердие⁶, но и исполнение конфессионального долга, поддержка старообрядческих общины и церкви.

Имелись яркие образцы женского предпринимательства в дворянской среде, особенно в российских столицах – Москве и Петербурге. Так, две московские суконные фабрики принадлежали адмиральше П. Мятлевой и княгине И. Юсуповой, стеклянный завод – А. Салтыковой, вдове тайного советника⁷. В Петербурге и губернии в начале XIX в. дворянкам принадлежало восемь предприятий: например, баронессе фон Фридерикс – два стекольно-хрустальных завода; А. Полторацкой, супруге действительного статского советника, – винокуренный завод, поставлявший большие партии спирта и водки ко двору, и три металлических завода (ее внучка, А. П. Керн, в своих мемуарах отмечала острый ум и распорядительность бабушки) [15, с. 55–57]. Успешно приумножала свои активы Н. П. Голицына, фрейлина и статс-дама, – последовательно при нескольких императорах. В «Списке

⁵ Подробнее об этом см., например [14, с. 60–61].

⁶ В то же время именно староверка-предпринимательница М. Ф. Морозова, единственная среди российских купчих, была награждена Мариинским знаком «за 25 лет беспорочной службы» в благотворительных заведениях. Приводятся также случаи ее помощи официальной православной церкви и даже иудеям (выделила деньги на восстановление сгоревшей синагоги в одном из местечек Белоруссии). М. Ф. Морозова, получив лишь домашнее образование, считала весьма важным поощрять ученичество к освоению русской классики, награждая отличившихся в том учеников книгами произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и др. См.: [14, с. 64–65].

⁷ Их предприятия находились не только в Москве.

фабрикантов и заводчиков 1832 года» числилось немало представительниц родовой аристократии – княжеских родов Барятинских, Волконских, Вяземских, Голицыных, Долгоруковых, графских – Апраксиных, Толстых, Шереметевых и др. Правовых оснований было три: наследство, дарение, приданое. Внеправовых – личные связи, в том числе с императорским двором, одним из заказчиков российского бизнеса той поры [15, с. 66–69] (впрочем, это характерно не только для рассматриваемой эпохи...). По данным из других, более поздних, источников в Москве наблюдалась следующая динамика женского присутствия в бизнесе: в 1814 г. женщины были владельцами ряда текстильных фабрик, мыловаренного и свечного производств, с 1853 г. дополнительно – кожевенных и химических предприятий, с 1871 и 1890 гг. – сталелитейных и машиностроительных, по переработке серебра, пищевых производств (в том числе водочного и пивного бизнеса) и др. Разумеется, их доля в означенных видах предпринимательства не была в целом доминирующей, однако в ряде сфер – весьма значительной, например в текстильной, кожевенной и пищевой промышленности [16, с. 35–36]. В 1863 г. из 15 ведущих фабриканток шесть владели бизнесом в Московской губернии, две – в Петербурге. В других губерниях женщины, на основе владения, управляли бумагопрядильной фабрикой во Владимирской, шерстомойней – в Харьковской, суконной – в Симбирской, сахарорафинадным заводом – в Киевской, тремя кожевенными заводами – в Казани, Тобольской и Орловской губерниях и т. д.

Среди московского купечества женщины составляли 11,6 %, петербургского – 13 %. Купчих, более старших по возрасту, было несколько больше в Москве [17, с. 55–56]. В историографической доктрине это объясняется определенной патриархальностью древней столицы: в старокупеческих семьях мать (вдова) до своей смерти могла оставаться главой семьи, даже при наличии нескольких взрослых сыновей (эффект «герметичности» московской купеческой элиты); во второй же столице фиксировалось большее число предпринимательниц молодого и среднего возраста. Большинство купчих, как и ранее, имели статус вдов [17, с. 60–62]. Купчихам при мужьях и незамужним девицам при отцах, конечно, свободы предоставлялось с известным «гулькин нос»... Однако факт женского присутствия в купеческом деле, пусть и в специфическом субъектном воплощении, как видим, наличествовал и оказывал определенное влияние на сословное мировоззрение, а также и на некоторое развитие «гендерно нейтрального» (как бы мы теперь выразились) законодательства.

В 60-е годы XIX в. четыре предпринимательницы Петербурга имели крупные промышленные предприятия (две купчихи и две дворянки). Так, А. В. Растеряева, из купечества первой гильдии, мать троих взрослых сыновей, унаследовала от мужа пять предприятий различных отраслей производства и крупную торговлю и управляла бизнесом при стабильных результатах (а как известно, следование и приумножение оной харак-

теристики хозяйствования – дело непростое в любые времена...). Графиня Н. А. Стенбок-Фермор, одна из богатейших женщин России своего времени, получила по наследству от отца восемь металлургических заводов на Урале и другое имущество. Овдовев в 37 лет, она осознала своим главным жизненным интересом именно управление бизнесом, что и осуществляла вполне успешно: ее предприятия занимали второе место по выплавке чугуна и производству железа – после Демидовых. В 1854 году она стала еще и владелицей Пассажа на Невском пр. в Петербурге [17, с. 68–69], что к ее «маскулинному» заводскому делу добавило «феминности» (но не феминизма!).

В Москве из 34 лиц (купчих первой гильдии – по данным на те же 1860-е годы) 17 владели промышленными предприятиями текстильного, кожевенного, водочного, свечного и других видов производств, нередко управляя ими не только умело, но и на основе внедрения инновационных инженерных решений. Так, вдова А. Т. Белова имела шерстоткацкую фабрику, на которой установила паровой двигатель в 15 лошадиных сил и два паровых котла (1865 г.). Из-за производимого шума новейших по тому времени агрегатов она подверглась агрессии со стороны соседей, «жалобившихся» на нее в полицию и канцелярию генерал-губернатора, однако после расследования и соответствующего экспертного заключения свое право на технологическое усовершенствование производства отстояла. Е. С. Быковская, мать шестерых сыновей, после смерти мужа основала семейную фирму, имела конторы и офисы в Москве и Оренбурге – для торговли с Сибирью и Азией [17, с. 70]. Е. Ленова, владелица одной из московских кондитерских фабрик, впоследствии – фабричной сети (известный ныне как «Рот Фронт») «играла партию первой скрипки» в семейном бизнесе (к тому же внеся в его бюджет значительный капитал своего приданого) [18, с.157].

Следует заметить, что в торговле наблюдались элементы женской специализации (или, как бы теперь выразились современные исследователи гендерной истории, – «феминизированные сегменты»). Например, из 7041 торгового заведения Петербурга (1863 г.) продажа еды, табака и предоставление услуг (ресторации, гостиницы, бани, извоз) доминировали среди прочих видов торговли (40,8 % и 33,5 % соответственно), и среди владельцев таких фирм было много женщин (хотя они и не составляли большинства). Явная же «феминизация» наблюдалась в сфере торговли одеждой, текстилем, галантереей, посудой. При этом сословные характеристики предпринимательниц Москвы и Петербурга различались: в первой преобладали представительницы купеческих династий (наряду с дворянками, мещанками, крестьянками и др.), во втором – жены и вдовы военных, среднего и малого чиновничества. В доктрине отмечается, что в означенный период в предпринимательскую среду начали активно «рекрутироваться» не только женщины из чиновничьего сословия, но и служивого дворянства (в отличие от прежнего времени, когда в основном были представлены дворяне поместные), что свидетельствует об эволюции оценки престижности

обсуждаемых занятий [17, с. 74–77] (от себя добавим – и развитию инициативности граждан, в том числе и «слабого пола», обусловленной характером наступившей эпохи). Своеобразным показателем улучшения самоидентификации женщин являются факты присвоения женских имен семейным фирмам. Из других тенденций следует отметить еще две: к концу XIX в. среди предпринимательниц уменьшилось число вдов и, соответственно, возросло количество замужних и незамужних⁸ женщин, а также несколько усилилась полиэтничность женского бизнеса – за счет представительниц самых разных национальностей [18, с. 146–147, 151–152, 166]. Все это с очевидной приятностью отличает российские государственные и общественные гендерные практики от соответствующих практик европейских стран (кичившихся и продолжающих кичиться своим «прогрессизмом, демократизмом, либерализмом и другими «измами» вопреки фактическим обстоятельствам).

В провинции предпринимательство купчих и представительниц других сословий являлось обществу, конечно, скорее редкостью, нежели правилом. Например, в Тамбовской губернии (примем ее в качестве демонстрационного образца) их было наперечет. Во-первых, как и всюду, им, при общей возможности участия в делах, следовало для этого получить согласие мужа⁹ (вариант: его дело, как мы уже отметили ранее, переходило к вдове в порядке наследования) и только затем – купеческое либо промышленное свидетельство («Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» 1863 г.). Как и в Москве, большинство женщин из числа тамбовского купечества имели все же вдовый статус: например, 7 из 8 выкупивших гильдейские и торговые свидетельства (1895 г.) вступили в деловой мир (или существенно активизировались в нем) именно в этом качестве. Их бизнес в основном сводился к «вещам», более дамам понятным, – к торговле продуктами, мануфактурными и галантерейными товарами, мылом, керосином и т. п. Встречались случаи (подтверждая соответствующие обыкновения древней столицы), когда при взрослых сыновьях дело продолжала возглавлять именно вдова (так, П. М. Багрянцева и в 95 лет состояла собственницей керосинового склада и мыловаренного завода) [20, с. 149–151]. Полученное женщинами-предпринимательницами образование, отмечается исследователями тамбовского быта, позволяло некоторым из них выйти за рамки «титульной профессии» и освоить другие виды деятельности. При этом в доктрине также подчеркивается, что в благотворительной дея-

⁸ В историографии, как и в других науках (включая юриспруденцию), используется термин «одинокая женщина», которым по возможности мы манкируем (включая и критику, особенно в ситуации, когда по логике рассуждений должен быть употреблен термин «одинокий мужчина», а вместо него используется нейтральный термин «мужчина» или «мужчина, не состоящий в браке») [19].

⁹ Ограничение, разумеется, не распространялось на незамужних дам, хотя нравы того времени предполагали соблюдение не только официальных правил, но и обычая подчиняться отцовской воле, коя являла собою отнюдь не меньший «барьер».

тельности купчихи не были столь активны, как представители мужской части купеческого сословия (в отличие от дворянок). Если охватывать картину в целом, включая, кроме купчих, и женщин – членов купеческих семей, то их общественное служение сводилось в основном к раздаче милостыни, передаче продуктов и вещей в богадельни, больницы, тюрьмы и т. п., организации благотворительных распродаж и праздников [20, с. 152].

В Ярославской губернии была весьма известна купеческая династия Сорокиных, женские представительницы которой активно пользовались предоставленными законом правами в сфере предпринимательства. Жена Н. Ф. Сорокина, А. Д. Сорокина, дочь и наследница угличского купца Кожевникова, продолжила дело отца. Ее невестка, жена С. Н. Сорокина, урожденная Шапулина, развивала унаследованную от отца семейную торговлю железом и медью в Ярославле, Туле и Москве, а также на Нижегородской ярмарке [21]. Успешная предпринимательская деятельность семьи позволила им стать владельцами крупной недвижимости в Ярославле, в т. ч. домов и имений, отмеченных архитектурной выскательностью [22, с. 87, 89, 91].

Определенной известности достигла принцесса Ольденбургская, урожденная княгиня Е. М. Романовская: за четверть века она своим активным и успешным хозяйствованием превратила в зажиточный уездный центр Рамонь (Воронежская губерния), свечной и свекловичный сахарный заводы (впоследствии – и кондитерскую фабрику) – в весьма успешные предприятия, а на 7000 акров земли организовала процветающее хозяйство с элементами социальной ориентации (с образцовой школой, больницей, детским садом, столовой, общежитием; водопроводом, электрификацией; жилищной ссудой для мастеров и инженеров), с животноводческой и коневодческой фермами, железной дорогой и т. д. [23]. Не можем удержаться от реплики: заслуживает восхищения...

В историографии отмечается, что в 90-е годы XIX в. не только столичное, но и региональное (провинциальное) женское предпринимательство в целом действительно несколько расширило свои границы и видовое разнообразие. Так, дополнительно к приведенным образцам следует упомянуть сибирскую купчиху М. А. Гусеву (мельничное и сахарное производства – с. Шушенское близ Минусинска Енисейской округи). Особо выделить – вдову и незамужних сестер Алексеевых (Анну, Любовь и Анфису) из Нижегородской губернии, коллективно владевших после мужа и отца производством (в около сотни кузниц) разнообразных ножей (столовых – с перламутровыми, стальными, костяными и другими черенками, а также и ножей перочинных), бритв, ножниц, хирургических, слесарных, плотничьих и прочих инструментов (их ножи славились и в Европе, получив медаль на всемирной выставке в Лондоне 1862 г.); за время данного коллективного женского управления годовое производство выросло в два раза; был также учрежден завод по изготовлению столовых приборов во Влади-

мирской губернии. К развитию писчебумажного и полиграфического дела провинциальные предпринимательницы также имели «прикосновение» (43 из 352 предприятий – по Перечню 1897 г. принадлежали им): из наиболее крупных – типография Е. Д. Безценной в Архангельске, С. Сыркиной – в Вильне, Е. И. Гребенщиковой – в Воронеже, Н. А. Сентяниной – в Орле и др. [18, с. 147–148].

Активность российских женщин (преимущественно предпринимательниц, но также и жен/вдов/дочерей, в ином качестве, не обусловленном бизнесом) проявляла себя в сфере не только социального служения в благотворительности (в форме перечисления средств), но и участия своим трудом в делах общественного призрения (в масштабах значительных), учительства, литературного творчества и др.¹⁰. При этом благотворительность в дореволюционной России в целом (без гендерной дифференциации) имела масштабы, вполне достойные. В исторических научных очерках приводится суждение одного из ученых-историков XIX в. (М. Погодина): «Наши купцы не охотники еще до истории. Они не считают своих пожертвований и лишают народную летопись прекрасных страниц. Если счесть все их пожертвования за нынешнее столетие, то они составили бы такую цифру, какой должна бы поклониться Европа» [24, с. 3]. И вновь не удержимся от реплики: душа воспаряет от прочитанного...

К социальному служению были приобщены жены чиновников высокого ранга, владельцев мануфактур и т. п. Например, Т. В. Голицына (жена генерал-губернатора Москвы Д. В. Голицына) содействовала развитию образования: в 1825 г. ею был организован Дом трудолюбия для дочерей младших офицеров и чиновников, на полном пансионе (в последующем – Елизаветинский институт, работавший вплоть до 1917 г.). М. К. Морозова (жена промышленника М. А. Морозова) была соучредителем религиозно-философского общества памяти В. Соловьева, покровительствовала известным композиторам и художникам. А. А. Абрикосова (жена фабриканта А. И. Абрикосова) открыла при фабрике мужа детский сад, организовала в Москве родильный приют. А. В. Алексеева (жена городского главы Москвы) также благотворительствовала образованию, а по завещанию оставила полтора миллиона рублей на содержание двух городских училищ [24, с. 5–8]. Немалые пожертвования были направлены на развитие Московского университета: княгиня Е. Р. Дашкова, Первый президент РАН, передала в дар редкости, собранные ею более чем за 30 лет (свыше 15 тыс. предметов); купчихи Кулакова – оборудование и 10 тыс. рублей (1826 г.), А. В. Алексеева – средства для 5 стипендий нуждающимся студентам юридического факультета (1831 г.), Ф. И. Ушакова – для стипендий студентам и преподавателям, готовившимся к профессорскому званию (1889 г.), В. А. Алексеева – средства на аналогичные цели; А. К. Медведникова, вдова

¹⁰ Домашний и крестьянский труд, часто весьма тяжелый, обременительный, оставляется нами за скобками, так как к категории «активности» не причисляется.

крупного промышленника, – для выплаты семи стипендий студентам медицинского, юридического, исторического, физико-математического факультетов; В. А. Морозова, владелица Тверской мануфактуры, пожертвовала полмиллиона рублей медицинскому факультету (для учреждения психиатрической клиники и проекта клинического городка – 1882 г.), а позднее – средства на строительство Ракового института (1903 г.); Ю. И. Базанова, потомственная почетная гражданка, оплатила строительство и обеспечение деятельности клиники ушных, носовых и горловых болезней (в итоге – более миллиона рублей (1894–1896 гг.); встречались и анонимные благотворительницы (1880, 1902 гг.) [25, с. 372–374, 376, 387–390]. Таким образом, женщины-«пассионарии» осуществляли социальное служение как в своем классическом (о ту пору) качестве, так и в рамках предпринимательской деятельности.

Своеобразной формой социального женского предпринимательства являлась деятельность некоторых женских объединений. Так, например, учрежденное в Ярославле «Общество взаимопомощи женщин» (1910 г.) для поддержки нуждающихся «сосестер» в качестве источника средств имело не только благотворительные взносы, но и доходы от благотворительных распродаж, концертов, лекционных курсов; при нем были организованы бюро для поиска работы женщинам «интеллигентного труда», коммиссионный отдел по продаже изделий ручного труда [26, с. 66] (чем не труда «самозанятых!»). В этом смысле подобные общественные учреждения явились как бы прообразом современных некоммерческих организаций социальной направленности, которые для реализации своих уставных целей (и в рамках учредительных документов) осуществляют ту или иную коммерческую активность – в качестве дополнительной и соответствующей букве и духу своего прямого предназначения (помощь многодетным семьям, гражданам с инвалидностью и т. д.). Сходную констатацию можно адресовать и частным школам (а также и частным детским садам), организованным и управляемым женщинами. Например, в г. Ярославле в начале XX столетия действовали три таких школы (П. Д. Антиповой, С. Г. Вахромеевой, О. Н. Корсунской), ремесленные классы Сорокиной и детский сад О. И. Нечаевой. (К слову следует заметить, что Ярославская губерния по уровню грамотности занимала четвертое место в Европейской России и первое – среди губерний с земствами и земскими школами, а в гимназиях обучалось в полтора раза больше девушек, нежели юношей (по состоянию на 1897 г.)) [27]. Однако при этом вынуждены констатировать, что подобные «некоммерческие организации» все же, как правило, были фактом и иллюстрацией мужского доминирования: как показывают результаты исследования таковых в ряде центральных губерний Российской империи (Владимирской, Костромской, Ярославской), «филантропические» общества в около 90 % случаев возглавляли мужчины – как и членствовали в них (конец XIX – начало XX в.), что объяснялось ценностными ориентирами

о предназначении женщины (хранительницы семейного очага и т. п.), хотя со временем женское присутствие все же достигло 50 % [28].

Предложенная «картина» истории женского предпринимательства и общественного (социального) служения в России, хотя и исполненная «отдельными мазками», тем не менее позволяет свидетельствовать о нескольких тенденциях и предпосылках в его эволюции: 1) российской истории известны яркие образцы инициативных, пассионарных женщин – участниц деловой и общественной активности; 2) означенная пассионарность нередко окрашивалась в благородные тона благотворительности и работы в сфере общественного призрения; 3) в качестве правовых предпосылок женского предпринимательства и служения явились «вольности», дарованные имперским законодательством женам, дочерям и вдовам в части владения и распоряжения собственным имуществом (чего не наблюдалось в «просвещенной Европе»); 4) в определенный период основными субъектами женского делового участия были вдовы из дворянского и купеческого сословий, однако к концу XIX в. представительство жен, дочерей, незамужних женщин расширилось, в том числе по возрасту, социальной структуре (к купчихам и поместным дворянкам добавились женщины из семей военных, чиновничьих, мещанских, крестьянских кругов, служивых дворян); субъектный состав также стал более полиэтническим; 5) предпринимательство и сопряженная с ним благотворительность расширяли, несмотря на институт власти отца и мужа, горизонты женского бытия, создавали основу для развития личности женщины, а нередко – и ее имущественного благополучия (или, по крайней мере, улучшения материальных условий жизни). К 1917 году российская женщина (пусть как некая абстракция, собирательный образ – в качестве этюдов к портрету) уже созрела для объявления и последовательной реализации равноправия в семье, труде и общественной деятельности. Впрочем, и через сто лет после формирования означенных предпосылок столь непростая в своем достижении цель выравнивания не только формально-юридических, но и конкретно-бытийных гендерных позиций продолжает оставаться «маяком эволюции» [29–30]. По-прежнему (и всегда) российским женщинам есть к чему стремиться, а российским политическим и общественным деятелям и законодателям, по мере сил и возможностей, следует оптимизировать все виды социальных практик, обеспечивающих «лучшей половине человечества» предпосылки для достойной самореализации в семье, общественной деятельности и деловой активности.

Ссылки

1. Сьюллеро Э. История и социология женского труда. М.: Прогресс, 1973. 239 с.
2. Пушкарева Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. 2010. № 2. С. 51–64.

3. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Учебникъ русскаго гражданского права. Казань, 1905. 795 с.
5. Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X – начало XIX в.). М.: Ладомир, 1997. 381 с.
6. Тарусина Н. Н. Одинокое материнство как социально-правовое явление // Журнал российского права. 2022. Т. 22, № 7. С. 68–84.
7. Тарусина Н. Н., Федотов А. К. Очерки женской и мужской ментальности в российских институтах супружества и родительства (до середины XIX в.) // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18, № 3. С. 426–439. DOI 10.18255/1996-5648-2024-3-426-439.
8. Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М., 2004. 318 с.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. 354 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).
10. Пушкарева Н. Л. Правовая основа женской имущественной самостоятельности и предприимчивости в Российской империи конца XVIII – начала XIX в. // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни России: история и современность: материалы международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова, отв. ред. В. А. Верременко. М., 2016. С. 346–351.
11. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. 224 с.
12. Тарусина Н. Н. Семейное право: очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. 616 с.
13. Керов В. В. Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ России XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Серия История России. 2008. № 3. С. 51–64.
14. Керов В. В. Мария Морозова и другие: гендерный аспект старообрядческого предпринимательства // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 60–69.
15. Ульянова Г. Дворянки – владелицы фабрик и заводов в Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века // Россия XXI. 2020. № 3. С. 50–81.
16. Ульянова Г. Н. Женщины – владелицы промышленных предприятий Москвы в XIX в. // Экономическая история: ежегодник. 2008. М.: РОССПЭН, 2009. С. 32–58.
17. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Петербурга и Москвы в 1860-е годы (по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства») // Экономическая история: ежегодник. 2014/15. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 54–82.

18. Ульянова Г. Н. Женщины-предприниматели Российской империи в 1890-е гг.: экономическая деятельность, социобиографические и этнические параметры // Экономическая история: ежегодник. 2016/17. М.: Институт российской истории РАН, 2017. С. 140–169.

19. Тарусина Н. Н. Субъективные заметки о юридических терминах // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 3. С. 115–122. DOI 10.26456/vtpravo/2022.3.115.

20. Зайцева О. М., Стрекалова Н. В. Женщина купеческого сословия г. Тамбова в конце XIX - начале XX века: штрихи к социальному портрету // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 171. С. 145–155. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-1(171)-145-155.

21. Обнорская Н. В. Ярославские промышленники Сорокины (история рода в первой половине XIX века) // Путь в науку: сб. науч. работ студ. и асп. / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1998. Вып. 4. С. 38–40.

22. Городская усадьба в архитектурной среде Ярославля: от классицизма до модерна. Ярославль: Ремдер, 2009. 166 с.

23. Заякина И. А., Давыдова А. Р. Женское предпринимательство в дореволюционной России (на примере Е. М. Ольденбургской) // Исследовательская инициатива. МНЦП «Новая наука». М., 2023. С. 42–52.

24. Зубанова С. Г. Опыт социального служения и частной благотворительности в России: исторический аспект // Актуальные вопросы социально-психологических исследований. М., 2015. С. 3–11.

25. Ульянова Г. Н. Благотворительные пожертвования Московскому университету (XIX – начало XX в.) // Экономическая история: ежегодник. Т.: 2004. 2004. С. 371–399.

26. Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Женщины и профессионально-политические организации в Ярославской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 60–69.

27. Марасанова В. М., Албегова И. Ф., Шаматонова Г. Л. Женщины и образование в конце XVIII – начале XX в. (На примере Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 44–54.

28. Котлова Т. Б., Добрынина А. М., Яковлева И. И. Ценностный подход в конкретно-исторических исследованиях (К вопросу о формировании нового типа женщины в России на рубеже XIX – XX веков) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 11–25.

29. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica. 2022. Т. 75, № 1. С. 131–146. DOI 10.17803/1729-5920.2022.182.1.131-146.

30. Tarusina N.N., Ivanchin A.V., Isaeva E.A., Koneva E.V., Simonova S.V. Women in the Domain of Law in Russia: Emancipation and Counter-Emancipation // Kutafin Law Review. 2022. Vol. 9, No. 4. P. 740–773. DOI 10.17803/2313-5395.2022.4.22.740-773.

Theoretical and methodological features of the study of the history of criminal-legal protection of spiritual and moral values

F. V. Chirkov¹

¹Adyge State University, Maykop, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-84-91

Research article
Full text in Russian

Historical and legal analysis of criminal and legal protection of traditional Russian spiritual and moral values requires clarification and development of the methodological foundations of criminal law. As a promising epistemological position, it is necessary to recognize the possibilities of socio-cultural understanding of law and civilizational logic of the historical process. They allow us to recognize: the presence of a unique set of value ideas that identify the Russian state as an independent civilization; the presence of eternal dynamics of civilizational Russian values while preserving their value core; understanding the inextricable connection of the dynamics of values, their emergence, selection, development and preservation, with the history of the Russian state and criminal law.

Keywords: methodology of criminal law; axiology of criminal law; traditional values; dynamics of values; historical and legal analysis

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Chirkov, Filipp V. | E-mail: Fil-chirkov@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Теоретико-методологические особенности исследования истории уголовно-правовой охраны духовно-нравственных ценностей

Ф. В. Чирков¹

¹Адыгейский государственный университет, Майкоп, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-84-91
УДК 343.211

Научная статья
Полный текст на русском языке

Историко-правовой анализ уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей требует уточнения и развития методологических оснований уголовного права. В качестве перспективной гносеологической позиции здесь следует признать возможности социокультурного понимания права и цивилизационной логики исторического процесса. Они позволяют признать наличие уникального набора ценностных идей, которые идентифицируют российское государство в качестве самостоятельной цивилизации; наличие вечной динамики цивилизационных российских ценностей при сохранении их ценностного ядра; понимание неразрывной связи динамики ценностей, их возникновения, отбора, развития и сохранения с историей российского государства и уголовного права.

Ключевые слова: методология уголовного права; аксиология уголовного права; традиционные ценности; динамика ценностей; историко-правовой анализ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чирков, Филипп Викторович	E-mail: Fil-chirkov@mail.ru Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного строительства и политологии, докторант кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, Заслуженный юрист Кубани
---------------------------	--

Исторический метод давно и прочно вошел в методический арсенал уголовно-правовых исследований. Глубокая проработка методологических особенностей сущности этого метода и организации историко-правовых исследований сопровождается активным использованием возможностей исторической методологии при изучении эволюции от-

расли права и ее структурных элементов. Накопленный опыт создает хорошие предпосылки для проведения исторического анализа проблем уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Вместе с тем абстрактность содержания традиционных ценностей и отсутствие их прямого текстуального отражения в историко-правовых памятниках требует предварительной проработки некоторых методологических вопросов проведения такого анализа.

Определенная сложность состоит в том, что углубление знаний о методологических основаниях исторического анализа уголовно-правовой охраны традиционных ценностей предполагает выход за пределы собственно юридической науки в более широкую область исторических, социологических, культурологических и философских знаний. Однако такое «отвлечение» от подчеркнуто уголовно-правового изложения вполне оправданно. Право (в том числе и уголовное) есть безусловный феномен истории, культуры и цивилизации, теснейшим образом связанный со всеми иными компонентами общественного развития. Потому одним из актуальных и перспективных направлений модернизации методологических основ его познания может (и должен) стать социокультурный подход, который определяет право как культурно-исторический феномен, обусловленный многообразными проявлениями культуры, его устойчивостью и изменчивостью, пространственно-временной и этнокультурной целостностью [1, с. 17].

Начать стоит с того, что концепт «традиционные ценности» имманентно включает в себя два компонента – аксиологический («ценности») и в значительной степени исторический («традиционные»). Уже один этот факт позволяет утверждать, что ценности – явление историческое, и, как всякое историческое явление, они динамичны. При этом логика линейного исторического анализа предполагает, что должна быть найдена или произвольно определена некая отправная точка, от которой, собственно, предстоит отсчитывать историю ценностей, ее этапы и все связанные с ними процессы, в том числе и уголовно-правовые. Такая логика сводит ценности к чему-то, что производно от источника исторического развития (будь то экономические отношения в марксизме или бог в теологии) и позволяет относительно успешно их классифицировать на ценности старые (читай – традиционные) и новые. Это, в свою очередь, заставляет позиционировать традиционные ценности в современном мире как нечто, что извлечено из глубин истории и актуализировано для целей решения текущего момента.

Именно на это обстоятельство делает акцент в своих рассуждениях о традициях британский культуролог и историк Э. Хобсбаум.

Он утверждает, что термин «традиция» (от себя добавим – и производный от него термин «традиционные ценности») имеет во многом манипулятивный характер. «Традиции, которые кажутся нам древними или заявляют о своей древности, часто имеют совсем недавнее происхождение, а иногда и вовсе являются изобретением». В этой связи автор различает «изобретенные традиции» и «подлинные». Связь первых с историческим прошлым по большей части фиктивная, поскольку они представляют собой «ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой». Подлинные же традиции – это «живые старые обычаи», которые не нужно ни возрождать, ни изобретать заново [2, с. 3].

С одной стороны, в этих рассуждениях есть важное рациональное зерно, заключающееся в признании самой возможности манипулятивного использования исторического опыта в современных условиях для решения политических и управленческих задач, в возможности легитимации управленческих решений ссылками на традиции, в том числе за счет наполнения старых традиций новым содержанием. Однако, с другой стороны, такой подход по сути обесценивает сами традиции, лишает их самостоятельного значения и самостоятельной истории, превращает исключительно в средство внешнего социального управления. Он «выводит» традиции и традиционные ценности за пределы внутренних факторов исторического развития, разрывает содержательную связь истории и традиционных ценностей. С точки зрения истории уголовного права это превращает ценности из детерминанты содержания уголовного закона в средство, которое используется для идеологического обоснования политико-правовых решений. И с этим едва ли можно согласиться.

По этой причине логика линейного исторического процесса не может быть признана подходящим методологическим инструментом для познания истинного значения традиционных ценностей как отдельного, самостоятельного и весомого фактора исторического и правового развития.

Концепт ценностей гораздо более успешно и эффективно функционирует в рамках цивилизационных теорий понимания истории, которые движущим фактором истории признают целостную совокупность прежде всего культурных факторов.

Собственно социологические, историософские проблемы истории цивилизаций со всей очевидностью не входят в предмет нашего исследования. Потому позволим себе ограничиться одним из существующих подходов, рассматривающих Россию как уникальное государство-цивилизацию, существующее благодаря своему цивилизационному ядру, в качестве которого выступает сильное государство, гражданское общество и православная церковь.

Такой подход получает философское обоснование [3]. Он был озвучен Президентом страны в его Послании Федеральному Собранию, где отмечалось, что «Россия веками развивалась как многонациональное государство (изначально так было), государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире»¹. Он же официально признан отправной точкой формирования внешней политики России: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»².

Концепт государство-цивилизация во многом предопределяет понимание специалистами основных этапов развития российской цивилизации. Так или иначе они во многом совпадают с историческими представлениями об этапах развития российского государства. Подходы здесь предложены разные. Некоторые авторы пишут, что в истории российской цивилизации достаточно отчетливо выделяются три неравных по времени исторических периода, соответствующие основным этапам ее политического развития: царский, советский и период современной России [4, с. 154]. Другие обосновывает пять этапов в истории русской цивилизации. С. Фарах среди них называет: а) этап Древней Руси; б) Московской Руси; в) Российской империи; г) Советской России; д) современной Евразийской России на орбите глобализации [5, с. 62]. Главное, что объединяет все известные периодизации истории российской цивилизации – это их связь с давно известными и общепризнанными этапами развития российского государства.

Такой подход сам по себе вполне допустим. Более того, он гармонично совпадает с известными в уголовно-правовой доктрине представлениями об основных этапах развития уголовного законодательства и уголовного права [6]. Однако, на наш взгляд, он имеет и некоторые ограничения.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012. № 287.

² Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31 марта 2023 г. № 229 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

Прежде всего он не позволяет в должной степени обсудить вопрос о том, как традиционные российские духовно-нравственные ценности связаны с этапами развития российской цивилизации и российского уголовного права, менялись ли они в истории, и если да, то как, и как их изменения отразились в уголовном законе.

Если ценностный код – это то, что обеспечивает восприятие цивилизации как единого и отдельного от других социально-исторического образования, то логично предположить, что они должны быть едиными на всем протяжении истории российской цивилизации. Но в таком случае вопрос о динамике традиционных ценностей может быть снят, а вместе с ним и вопрос о ценностной динамике уголовного закона трансформируется в проблему адекватного отражения властью в манипулятивно создаваемом уголовном законе каких-либо вечных, истинных ценностей, что опять же «выводит» ценности за пределы круга детерминант уголовного законодательства.

Напротив, если каждому этапу развития российского государства и цивилизации присущ свой специфический ценностный ряд, то тогда встает вопрос о единстве российской цивилизации как таковой, что неоднократно критически оценивалось в литературе. Д. В. Суворов, в частности, культурно-историческое развитие России представляет как дискретный процесс смены субцивилизаций: киевской, «ордынской», московской, петербургской, советской, постсоветской [7, с. 8]. Но если следовать такой культурно-исторической логике, то с необходимостью надо признать, что никаких традиционных, общих российских духовно-нравственных ценностей вовсе не существует, равно как и российской цивилизации как отдельного цивилизационного типа.

Как видим, такой подход содержит в себе глубокий методологический порок, выраженный либо в отказе от очевидного факта эволюции ценностей и их связи с правом, либо – от наличия уникального набора ценностей, присущих российской цивилизации как таковой на всем протяжении ее единой истории. Потому исходным методологическим принципом в исследовании проблем уголовно-правовой охраны традиционных духовно-нравственных ценностей должно стать признание одновременно: (а) наличия уникального для российской цивилизации набора ценностей, позволяющего идентифицировать саму российскую цивилизацию; (б) единства российской цивилизационной идентичности на всем протяжении тысячелетней истории России; (в) факта наличия динамики ценностей и их неразрывной связи с историей российской цивилизации.

Стоит особо подчеркнуть, что, поскольку структурирующими Россию ценностями всегда были бесконечное пространство и сильная власть, по-

стольку приоритет в системе цивилизационных ценностей у нас всегда отводился борьбе за выживание [8, с.8]. Отсюда – коллективизм русской культуры, основанный на компромиссе между естественными правами граждан и императивным правом государственной власти [9, с. 93–94]. Духовной основой коллективизма и единства выступала религиозность и русское православие. И не стоит думать, что эти ценностные нарративы были полностью разрушены советской властью. На протяжении всей российской истории духовно-нравственные ценности хотя и трансформировались, но заключали в себе некое общее цивилизационное ядро, выступая прочным фундаментом Российского государства.

Система ценностей, как видится, не есть застывшее образование, это система постоянно развивающаяся, но со своим стабильным ядром. История ценностей есть непрерывный процесс их формирования, селекции, трансформации.

Отталкиваясь от этих рассуждений, представляется возможным сформулировать несколько выводов, значимых для организации историко-правового анализа уголовно-правовой охраны традиционных российских духовно-нравственных ценностей:

– во-первых, необходимо подключать и объединять гносеологические возможности социокультурного подхода к пониманию права и цивилизационного подхода к пониманию исторического процесса;

– во-вторых, исходными принципами исследования должны стать: (а) понимание истории как процесса развития множества локальных и неповторимых цивилизаций, в котором Россия имеет специфический статус государства-цивилизации, (б) признание наличия уникального набора ценностных идей и ориентаций, которые позволяют идентифицировать российское государство и общество в качестве самостоятельной цивилизационной единицы на всем протяжении российской истории, (в) утверждение о динамичном, меняющемся характере цивилизационных российских ценностей при сохранении ценностного ядра, (г) понимание неразрывной связи динамики ценностей, их возникновения, отбора, развития и сохранения с историей российского государства и права, в том числе уголовного.

Ссылки

1. Гусейнов А. И.-о. Право как феномен культуры: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 48 с.

2. Hobsbaum E. Introduction: Inventing Traditions / E. Hobsbawm and T. Ranger (Eds) // The Invention of Tradition. 21st printing. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 1–14.

3. Спиридонова В. И., Соколова Р. И., Шевченко В. Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / отв. ред. В. И. Спиридонова, В. Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.
4. Доленко Д. В., Мальченков С. А. Россия в многоцивилизационном мире: этапы развития и взаимодействия // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19, № 2. С. 150–160.
5. Фарах С. Российская цивилизация: энергии пространства и человека. М.: ИД Академии Жуковского, 2022. 320 с.
6. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России: в 2 ч. М.: Юрлитинформ, 2014. Ч. 1. 750 с.
7. Суворов Д. В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России: автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006. 25 с.
8. Суркова Л. А. Трансформация ценностных ориентации личности в русской цивилизации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 21 с.
9. Багреева Е. Г. К вопросу о мобилизации граждан по сохранению традиционных ценностей // Евразийская адвокатура. 2023. № 4. С. 92–95.

The concept of applicable law in contracts complicated by a foreign element (on the example of an international electric energy transit agreement)

I. A. Asafina¹

¹University named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-92-99

Research article
Full text in Russian

In order to apply in legal regulations of the transit of electricity the article examines the theoretical difficulties in definition of the concept of applicable law. The term is actively used in Russian legislation, while its content is not disclosed. The author concludes that the applicable law, in addition to the national law of a particular country, should be understood as the norms of international law, as well as the customs of international trade. At the same time, the article focuses on the need to distinguish the concept of a national legal system, which, in addition to the norms of national (local) legislation, includes the norms of international law and other recognized legal principles, from the concept of a system of national law, which means domestic legislation.

Keywords: terminological issues; applicable law; private international law; transit of electrical energy

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Asafina, Inna A. | E-mail: AsafinaInna@yandex.ru
Cand. Sc. degree seeking applicant

Понятие «применимое право» в договорных отношениях, осложненных иностранным элементом (на примере договора международного транзита электрической энергии)

И. А. Асафина¹

¹Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-92-99
УДК 341.9.018

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются теоретические трудности, возникающие при определении понятия «применимое право» в целях регулирования правоотношений по транзиту электроэнергии, осложненных иностранным элементом. В российском законодательстве активно используется указанный термин, при этом его содержание не раскрывается. Автором делается вывод, что под применимым правом кроме национального права отдельной страны следует понимать нормы международного права, а также согласованные сторонами договора и действующие в пределах норм применимого международного и (или) национального права обычаи и обыкновения международной торговли. В статье делается акцент на необходимость отличать понятие «национальной правовой системы», в которую, помимо норм национального (внутригосударственного) законодательства, входят нормы международного права и иные признанные правовые принципы, от понятия «системы национального права», которая представляет собой внутригосударственное законодательство.

Ключевые слова: терминологические вопросы; применимое право; международное частное право; транзит электрической энергии

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Асафина, Инна Альферовна | E-mail: AsafinaInna@yandex.ru
Соискатель степени кандидата юридических наук

Одним из ключевых вопросов, возникающих еще на этапе заключения договора транзита электрической энергии между юридическими лицами разных правовых юрисдикций, является определение сторонами применимого права. В большинстве случаев транзит предполагает пере-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

мещение электрической энергии через территорию суверенного государства с целью доставки в третье государство. Например, электрическая энергия, произведенная в Российской Федерации, сначала является объектом регулирования российского права в процессе ее производства, затем в рамках заключаемых внешнеэкономических сделок электроэнергия пересекает границу и в процессе следования в конечный пункт назначения попадает на территорию другого государства с иным национально-правовым регулированием. В конечном итоге электроэнергия достигает пункта назначения в третьем государстве, где также имеется свое национальное право. При этом цепочка транзита может быть и длиннее.

В целях создания правовой определенности сложившихся отношений между юридическими лицами, являющимися национально-правовыми субъектами разных государств, необходимо определить применимое право. Однако только ли национальное право той или иной страны входит в понятие «применимого права» или указанное определение должно рассматриваться более объемно? Цель настоящей статьи состоит в выявлении терминологических проблем в использовании определения «применимое право» в договорных отношениях, осложненных иностранным элементом, в частности, в договорах транзита электрической энергии.

Право, подлежащее применению, имеет важное значение при исполнении условий договора, а также решающее значение в целях защиты нарушенных прав одной из сторон в судебном порядке. Актуальность настоящей статьи объясняется тем, что стремительное развитие международной торговли так и не привело к появлению ясности в толковании обозначенного термина.

Вопрос об определении понятия «применимое право» в академическом сообществе до настоящего момента является дискуссионным. Российское законодательство не раскрывает значение указанного термина. Коллизионные нормы Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) используют термин «применимое право» в целях определения именно национального права страны. Означает ли данный факт, что в российской правовой доктрине под термином «применимое право» можно понимать исключительно национальное право?

Т. В. Глинщикова, И. В. Волошина [1, с. 134] утверждают, что применимое право – это не только право отдельной страны, но и международное право и даже право субъекта федерации, которые стороны договора вправе определить, исходя из принципа автономии воли.

И. Б. Иловайский, Т. А. Гусейнов [2, с. 178] делают вывод, что применимым правом всегда будет являться национальное право какого-либо государства.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

Ряд авторов, например Г. М. Вельяминов [3, с. 134; 4, с. 81], А. Т. Казарян [5, с.77], сходятся во мнении, что в соответствии с нормами российского законодательства применимое право означает систему национального права страны. Указанный довод обосновывается положениями Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ), где фактически под «применимом правом» понимается внутригосударственное право отдельной страны. Кроме того, в соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации², статьей 7 ГК РФ, статьей 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»³ международные договоры Российской Федерации и общепризнанные нормы международного права причисляются к национальной правовой системе России. В связи с этим некоторые ученые полагают, что термин «применимое право» обозначает непосредственно систему национального права России.

С указанным утверждением сложно согласиться. Еще в начале становления международного частного права в России как самостоятельной отрасли права А. В. Макаров [6, с. 26] утверждал о необходимости отдельного подхода к международному и внутригосударственному правопорядку и о невозможности объединения указанных правовых систем. Данный принцип является общепризнанным. В российской правовой доктрине международное право и национальное право принято считать отдельными системами регулирования. Под национальным правом принято понимать право конкретной страны, регулирующее внутригосударственные отношения субъектов указанного права. При этом в качестве источников внутригосударственного права выступает волеизъявление данного государства, например нормативный акт. Международное право представляет собой систему регулирования межгосударственных отношений. Источниками международного права выступает формализованная воля нескольких государств, например международный договор.

Раздельность данных систем выражается в том числе в том, что международное и национальное право, являясь самостоятельными системами права, не составляют иерархическую структуру, не подчиняются друг другу и не могут быть взаимозаменяемыми. Нормы российского права не могут регулировать международные отношения, так же как нормы международного права не могут регулировать внутригосударственные отношения в Российской Федерации, если обязательность применения данных норм не санкционирована со стороны Российской Федерации.

При этом раздельность системы международного и национального права не означает, что правоотношения, осложненные иностранным элементом, в которых одной из сторон выступает российская компания, то есть

² Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

³ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

субъект национально-правового регулирования, не могут быть урегулированы полностью либо в части нормами международного права. Несмотря на обособленность международного и национального права, их нормы могут регулировать правоотношения сторон национально-правовых субъектов. В случае если правоотношения сторон прямо урегулированы положениями того или иного международного договора, то применяться будут именно положения международного договора (статья 7 ГК РФ), а не национальное право. Внутригосударственное право будет применяться тогда, когда положениями международного права правоотношения или их часть не будут урегулированы.

В качестве примера можно привести Конвенцию Организации объединенных наций о международных договорах купли-продажи товаров (Венская конвенция 1980)⁴, которая распространяет свое действие на правоотношения сторон договора купли-продажи, являющихся субъектами разных юрисдикций. При этом статьей 7 Конвенции установлено, что национальное право будет применяться к отношениям сторон в том случае, если указанные правоотношения прямо не урегулированы указанной Конвенцией.

В случае если правоотношения сторон прямо урегулированы международным правом, применение национального права не требуется. Поэтому нельзя не согласиться с мнением И. С. Зыкина [7, с.8] о том, что коллизионный вопрос и необходимость выбора национального права возникает только в отсутствие регулирующих норм международного права.

Следовательно, под определением «применимое право» нельзя понимать национальное право страны в контексте того, что международное право является его частью, так как это две отдельные системы права.

Указанный вывод также нашел свое отражение в правоприменительной практике. В целях формирования единообразия судебной практики Верховный Суд Российской Федерации разъяснил⁵, что при наличии в международных договорах Российской Федерации норм материального права, регулирующих правоотношения, при рассмотрении спора судам следует руководствоваться указанными нормами. Определение применимого права на основе коллизионных норм в данном случае не требуется.

Указанное толкование не противоречит статье 15 Конституции Российской Федерации⁶, статье 7 ГК РФ, а также статье 5 Федерального закона

⁴ Венская Конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12754/

⁵ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/

⁶ Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

«О международных договорах Российской Федерации»⁷, так как нормы международного права действительно являются частью правовой системы России и содержат нормы, регулирующие правоотношения сторон с иностранным элементом, где одной из сторон является российская компания. Но при этом нормы международного договора и международного права не относятся к внутригосударственному праву Российской Федерации, в связи с чем представляется целесообразным различать понятия «правовой системы» и «системы права». Зачастую учеными, например А. Т. Казаряном [5, с.77], Г. М. Вельяминовым [3, с. 134; 4, с. 81], данные дефиниции определяются как тождественные. С указанной точкой зрения нельзя согласиться. Под системой национального права следует понимать структуру, построенную на источниках российского права в целях регулирования внутригосударственных отношений. Понятие правовой системы более объемно по содержанию, оно включает в себя как систему национального права, так и иные источники и правовые явления. В. В. Гаврилов [8, с. 12] также подчеркивал, что в контексте российской правовой доктрины необходимо отличать понятия «системы права» и «правовой системы». По его мнению, в правовую систему могут входить регулирующие нормы, не относящиеся к источникам национального права.

Следовательно, в понятие «применимое право», регулирующее отношения сторон, осложненных иностранным элементом, входят отдельно как источники национального, так и международного права.

Применительно к договору транзита электрической энергии, одной из сторон которого является российское юридическое лицо, следует отметить, что существует ряд международных соглашений, регулирующих данные правоотношения, например Соглашение о транзите электрической энергии и мощности государств – участников Содружества Независимых Государств от 2000⁸, Протокол об общем электроэнергетическом рынке Евразийского экономического союза, который является Приложением № 21 к Договору о Евразийском экономическом союзе⁹. Однако положения указанных международных договоров будут применяться, только если сторонами договора транзита электрической энергии являются члены соответствующих объединений – Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза. В иных ситуациях, например при поставке электрической энергии из России в Турцию транзитом через Грузию, нормы указанных международных договоров неприменимы.

⁷ Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 № 101-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

⁸ Соглашение о транзите электрической энергии и мощности государств – участников Содружества Независимых Государств от 25.01.2000. URL: <https://base.garant.ru/1155337/>

⁹ Протокол об общем электроэнергетическом рынке Евразийского экономического союза, Приложение № 21 к Договору о Евразийском экономическом союзе. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/d2b40d935ef0a071df63572a3336ca4625b2764bf/

Означает ли это, что в случае отсутствия норм международного права, регулирующих отношения по транзиту, применяться будет лишь определенное национальное право?

Некоторые ученые, например Л. Н. Галенская [9, с. 20–31], М. И. Гагагуля [10, с. 39–45], склонны причислять к понятию применимое право также общие принципы права, обычаи и обыкновения международной торговли (*Lex mercatoria*). Они обосновывают свою точку зрения тем, что обычаи международной торговли были формализованы непосредственно с целью обобщить существующие правила поведения сторон внешнеэкономических сделок, поэтому указанные сделки могут и должны регулироваться по воле сторон данными обычаями.

Указанное мнение только отчасти справедливо. Выбор сторонами применимого права прежде всего имеет цель защиты интересов сторон при возможном нарушении условий договора. При этом защита нарушенных прав со стороны государства может быть гарантирована, только если указанные права и обязанности, установленные в договоре, соответствуют нормам, санкционированным самим государством. Правовые обычаи и правила международной торговли являются негосударственным регулятором. Поэтому обычаи международной торговли будут применяться к отношениям сторон не безусловно, как, например, нормы международного или национального права, а только лишь при явном выражении на то воли сторон в договоре и только если нормы международного и национального права не содержат положений, противоречащих тем, что установлены в обычаях торговли.

Так, например, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил¹⁰, что при использовании сторонами договора международных торговых терминов именно положения Инкотермс будут иметь приоритет перед диспозитивными нормами российского права. При этом Верховный Суд указал, что при наличии в российском законодательстве императивных норм суд при рассмотрении дела обязан их применить вне зависимости от регулирования сторонами договора отношений посредством Инкотермс.

Применимо к договору транзита электрической энергии правовые обычаи и правила международной торговли Инкотермс могут регулировать отношения сторон при их волеизъявлении, если это не противоречит нормам непосредственного применения, содержащимся в международных договорах или в национальном праве Российской Федерации.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что в целях регулирования правоотношений сторон в договоре транзита, осложненном иностранным элементом, под применимым правом кроме национального права отдельной страны следует понимать нормы международного права, а также

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/

согласованные сторонами договора и действующие в пределах норм применимого международного и (или) национального права обычай и обыкновения международной торговли.

Ссылки

1. Глинщикова Т. В., Волошина И. В. Автономия воли сторон как инструмент выбора применимого права в международном частном праве // *Modern Science*. 2021. № 1-1. С. 133–136.

2. Иловайский И. Б., Гусейнов Т. А. Выбор применимого права при заключении договоров в киберпространстве: за и против // *Парадигмы управления, экономики и права*. 2020. № 2. С. 173–179.

3. Вельяминов Г. М. Понятие международного частного права и наука о транс-национальных частнопровых отношениях // *Труды Института Государства и права Российской академии наук*. 2015. № 3. С. 127–146.

4. Вельяминов Г. М. Международные договоры в международном частном праве и его понятие // *Государство и право*. 2002. № 8. С. 79–84.

5. Казарян А. Т. Особенности национальной правовой системы России // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2017. № 4. С. 77–79.

6. Макаров А. Н. Основные начала международного частного права. М.: Наркомюст РСФСР, 1924. 151 с. URL: <https://www.cisg.info/dwn.php?id=941>

7. Зыкин И. С. Теория «lex mercatoria» // *Международное частное право: современные проблемы* / под ред. М. М. Богуславского. М.: ТЕИС, 1994. 405 с.

8. Гаврилов В. В. *Международное частное право*. М.: Норма, 2002. 385 с.

9. Галенская Л. Н. Действие общих принципов международного права в сфере международного частного права // *Журнал международного частного права*. 1996. № 1-2. С. 20–31.

10. Гарагуля М. И. Понятие применимого права во внешнеэкономических договорных отношениях // *Пространство экономики*. 2010. № 2-3. С. 39–45.

Controversial issues of defining the subject of legal technology

N. A. Kharlamova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-100-107

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the discussion regarding the subject of legal technology: can it be a lawyer or not only a lawyer? The author studies which criteria can be used as the basis for the classification of subjects of legal technology and comes to the conclusion that they can be considered in a narrow sense as a «subject-creating» and in a broad sense as a «subject-using», where the first defines rules, methods, techniques and algorithms, and the second uses them.

In addition, a controversial issue is raised about the possibility of artificial intelligence being the subject of legal technology. The author concludes that artificial intelligence has already become a subject of legal technology in a broad sense, which has a positive effect, but humanity should not allow artificial intelligence to become a subject of legal technology in a narrow sense.

Keywords: legal technique; legislative technique; subject of legal technique; artificial intelligence

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kharlamova, Nataliia A. | E-mail: bachigina95@mail.ru
| Postgraduate

Дискуссионные вопросы определения субъекта юридической техники

Н. А. Харламова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-100-107
УДК 343.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется дискуссия относительно субъекта юридической техники: может ли им быть юрист или не только юрист? Автор изучает, какие критерии могут быть положены в основу классификации субъектов юридической техники и приходит к выводу, что критерии могут быть рассмотрены в узком смысле как «субъект-создающий» и в широком – как «субъект-использующий», где первый определяет правила, способы, приемы и алгоритмы, а второй ими пользуется.

Кроме того, поднимается дискуссионный вопрос о возможности искусственного интеллекта быть субъектом юридической техники. Автор приходит к выводу: искусственный интеллект уже стал субъектом юридической техники в широком смысле, что имеет положительный эффект, однако человечество не должно допустить становление искусственного интеллекта субъектом юридической техники в узком смысле.

Ключевые слова: юридическая техника; законодательная техника; субъект юридической техники; искусственный интеллект

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Харламова, Наталия Алексеевна | E-mail: bachigina95@mail.ru
Аспирант

«Юридический закон – изменчивое творение рук человека» [1, с. 2], – меткое замечание классика прошлого столетия П. И. Люблинского, который наверняка не мог и предположить, что когда-либо технологии настолько прочно войдут в жизнь человека, что актуальным станет вопрос: только ли плодом человеческой мысли и действия может быть создание и реализация права либо искусственный интеллект настолько совершенен, что его абсолютная объективность совместно с неограниченной памятью дадут более совершенный результат?

На сегодняшний день искусственный интеллект стал одной из злободневных тем во всем мире. Большую популярность набирают вопросы о его значении и возможностях: является ли он великим достижением цивили-

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

лизации либо его возможности столь безграничны, что плавно, но результативно он становится конкурентом естественного разума, имеющим все шансы на выход (выйти) из-под его контроля? Такая важная тема не могла обойти стороной и юриспруденцию. И если вопросы о сущности искусственного интеллекта исследуются достаточно давно, то тема о возможности искусственного интеллекта быть субъектом юридической техники требует разработки.

Дискуссия о субъекте юридической техники во многом связана с разными подходами к ее соотношению с техникой законодательной. До 2000 г. в отечественной догматике преобладал подход, их отождествляющий. Практически все видные ученые разрабатывали вопросы, связанные только с законодательной техникой, и лишь О. А. Красавчиков и С. С. Алексеев начали делать революционные по своей новизне шаги в расширении объема изучаемого понятия. Переломным моментом, как указывает М. Л. Давыдова, стало опубликование на заре миллениума сборника статей «Проблемы юридической техники», после чего узкий подход к пониманию юридической техники остался одной из страниц истории [2, с. 46]. Конечно, единичных сторонников этого подхода можно встретить в научных публикациях и сегодня, однако означенные позиции подвергаются жесткой критике. Действительно, само слово «юридический» является более объемным, включающим, помимо законодательных, множество иных вопросов права.

Имеющуюся полисемию мнений относительно субъекта юридической техники упорядочил В. М. Баранов. Он предложил два подхода: первый – публично-правовой «властный», согласно которому субъектом юридической техники являются только органы власти, второй – частно-правовой «невластный», где субъектом может быть любой, кто так или иначе прикоснулся к созданию правового материала [3, с. 41–43]. Данная точка зрения активно разрабатывалась А. Ф. Черданцевым, О. А. Красавчиковым, С. С. Алексеевым. Важно учитывать, что вторая позиция является не антагонистом первого подхода, она лишь расширяет его [4, с. 277]. При анализе второго подхода М. В. Баранов поднимает вопрос: юрист или не только юрист является субъектом использования и применения юридической техники? Спор этот уходит корнями далеко в прошлое. Например, Р. Иеринг в своей работе «Юридическая техника», которая в общем-то и положила начало разработке данного учения, четко разграничивал и даже превозносил деятельность юриста, указывая, что «тщетны были попытки засыпать пропасть, разделяющую юриста от не-юриста» [5, с. 6], подчеркивая у первого особую способность восприятия, воспитываемую многолетней практикой. Однако, анализируя подход Р. Иеринга, необходимо учитывать, что, хотя его работа и была посвящена юридической технике, в ней рассматривалась только одна ее разновидность – законодательная. Тот же факт следует иметь в виду при анализе «властного» подхода, так как его сторонники рассматривали только одну разновидность юридической техники – законодательную.

Сам В. М. Баранов считает, что, несмотря на то что обывателем может быть интуитивно составлен правильный юридический документ, это не делает его субъектом юридической техники, так как перед ней стоят более гло-

бальные задачи: она отвечает за реализацию стратегической цели, установленной правовой политикой государства. Соответственно, субъектом юридической техники может быть только профессиональный юрист, имеющий фундаментальные юридические знания, специальную подготовку, которые обеспечивают «формирование профессионального правового мышления, усвоение системы юридических ценностей и аксиом, понимание принципов действия различных правовых механизмов» [3, с. 45].

Оригинальная теория принадлежит В. Н. Карташову: он различает субъектов и участников юридической технологии. Безусловно, мы сразу оговоримся, что юридическая техника является лишь одним из компонентов более объемной категории «технология».

Субъект, по его мнению, основной, ведущий носитель правовых отношений, без которого немислимо существование любой технологии. Это физическое или должностное лицо, обладающее необходимой компетенцией. В качестве примера он приводит Конституционный Суд в Конституционном судопроизводстве. Участниками же являются отдельные лица, их коллективы и организации, которые содействуют субъектам в выполнении юридических действий и вынесении решений, например стороны, представители, свидетели, эксперты, переводчики в конституционном судопроизводстве [6, с.17]. Таким образом, ученый также пришел к выводу, что субъектом юридической технологии, а соответственно, и юридической техники как более узкого понятия может быть только компетентное лицо.

Анализ имеющихся точек зрения показывает, что абсолютное большинство исследователей склоняются к тому, что субъектом юридической техники может быть только профессиональный юрист. С одной стороны, действительно, бесспорным является тот факт, что профессионал, на протяжении многих лет углубляющий свои познания в любой из отраслей, может овладеть юридической техникой на уровне, недостижимом для не-профессионала. Вместе с тем, на наш взгляд, решение дискуссионного вопроса кроется в том, рассматривается ли субъект юридической техники в широком смысле слова как «субъект-использующий» или в узком как «субъект-создающий».

Полагаем, что в широком смысле слова субъектом юридической техники является носитель и пользователь инструментария юридической техники. И здесь деление субъектов по критерию наличия юридического образования вызывает целый ряд вопросов, дискуссия по которым может быть бесконечной и в некотором роде бессмысленной. Может ли быть субъектом (в смысле носителем и пользователем) применения юридической техники студент последнего курса юридического факультета, являющийся помощником адвоката, активно участвующий в судебных заседаниях, оказывающий консультационные услуги, составляющий юридические документы? Если провести черту только по наличию юридического образования, то получается, что субъектом юридической техники можно считать выпускника юридического факультета, пусть даже и отработавшего определенный период времени юристом, но давно не практиковавшего, не отслеживающего

изменения в законодательстве, судебную практику. В то время как не будет являться субъектом юридической техники человек, пусть и не получивший диплома о высшем юридическом образовании, но ежедневно практикующий, например осуществляющий юридическое сопровождение сделок с недвижимостью. Список этих вопросов можно продолжать еще очень долго, и они возрастают прямо пропорционально повышению качества дистанционного образования.

Сторонники иного подхода могут возразить, что лицо, получившее юридическое образование, имеет представление обо всем праве в целом, а не об отдельных его отраслях. Но есть два контраргумента. Во-первых, глядя реальности в глаза, необходимо признать, что качество юридического образования во многих, даже высших, учебных заведениях оставляет желать лучшего. И сегодня сложно найти, например, специализирующегося на семейно-правовых вопросах юриста, готового вступить в дискуссию по сложным вопросам уголовного права. Во-вторых, в настоящее время отсутствует монополия адвокатов на оказание услуг правового характера, а также требование о наличии высшего юридического образования, за исключением представления интересов доверителя в судебных процессах (и то не всех).

Кроме того, для объективности диспута обратимся к толковому словарю для определения значения слова профессионал, под которым понимается следующее: тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей профессией, хороший специалист¹. Человек, сделавший какое-н. занятие своей постоянной профессией². То есть под профессионалом понимается лицо, получающее оплату за свои услуги. А как указано ранее, монополии адвокатов на оказание правовой помощи нет, соответственно, любое лицо может стать профессионалом в сфере юриспруденции, исходя из трактовки толковых словарей. Остается неясным, почему тогда сегодня идет разделение на людей, являющихся и не являющихся субъектами юридической техники в широком смысле слова по критерию наличия юридического образования, если по сути не-юрист, занимающийся много лет оказанием услуг правового характера, также в совершенстве может овладеть всеми инструментами юридической техники, как и юрист, точно так же специализирующийся на одной отрасли права и имеющий закономерные пробелы в знаниях, связанные с отсутствием практики в иных отраслях права. (

Резюмируем: субъектом юридической техники в широком смысле слова, то есть пользователем и носителем ее инструментов, может являться любое лицо, обладающее достаточными для этого навыками, полученными в результате опыта и/или обучения, и/или практики.

Если же рассматривать субъекта юридической техники в узком смысле слова, не в качестве использующего, а в качестве создающего, то, естественно, требования к его квалификации совершенно иные, ведь в его руках создание

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвист. исследований / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma354012.htm?cmd=0&istext=1>

² Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова, 1935–1940. Т. 3. М., 1939 г. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/16/us3a3503.htm?cmd=0&istext=1>

инструментов для достижения безукоризненно функционирующей системы права. Подчеркнем, что в данном случае субъект входит в круг непосредственных создателей инструментов юридической техники, он вырабатывает средства, приемы и алгоритмы для каждого из этапов юридической деятельности: законотворчества, применения и интерпретации права. Данную деятельность можно сравнить с искусством, а его субъектом является лишь настоящий творец, демиург, мастер. Очевидно, презюмируется наличие высшего юридического образования, знание истории развития правовых институтов, судебной практики, доктрины, наличие достижений в области науки и т. п. Кроме того, он должен соответствовать высоким стандартам морали и нравственности.

Образно говоря, субъект юридической техники в узком смысле слова задает правила игры, а субъект юридической техники в широком смысле слова по ним играет, используя свой опыт и навыки.

В свете изложенного предлагаем вступить в еще более острую дискуссию: субъект юридической техники – человек или не только человек? Согласимся, что вопрос звучит несколько пугающе. Однако человечество подошло к той точке, когда невозможно игнорировать развитие искусственного интеллекта до столь высокого уровня, что вряд ли можно найти хоть какую-то отрасль науки и человеческого бытия, которую не затронули бы эти изменения. Актуальность темы подтверждает и прошедшее в 2018 г. первое в мировой истории состязание между естественным и искусственным интеллектом в рамках смоделированного судебного процесса. Он был выигран человеком, однако искусственный интеллект продемонстрировал возможность юридического мышления. Победитель противоборства, Р. С. Бевзенко, высоко оценивший работу искусственного интеллекта, в своем интервью сказал, что «единственное, что не смогут делать роботы – это придумывать что-то новое, что не основано непосредственно на предшествующем знании»³, однако настораживает то, что на сегодняшний день искусственный интеллект не просто воспроизводит те команды и действия, которые были загружены человеком, он создает собственные алгоритмы, уже позволившие обойти лучших представителей человечества в игре в шахматы, го, сеги, покер [7, с. 163–164].

Поле для дискуссии открывает и официальное определение искусственного интеллекта, данное в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»⁴, пункт 5 которого гласит: «Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопостави-

³ Роман Бевзенко: Как я победил судебного робота-юриста и почему это будет длиться недолго. URL: <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles-comments-interviews/roman-bevzenko-how-i-beat-trial-of-robot-lawyer-and-why-it-will-not-last-long/>

⁴ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

мые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Вдуматься только: превосходящие их! Да, мы вынуждены признать, что у искусственного интеллекта есть неоспоримые преимущества: он объективен, объемы его памяти безграничны, результаты его работы не подвластны усталости, стрессу, личным предпочтениям, за кратчайший промежуток времени он способен проанализировать немыслимый для человека объем информации. Казалось бы, вот то, что необходимо, – программа, не отягощенная пережитым опытом, религиозными взглядами, психологическими установками и эмоциональными переживаниями, способная воплотить огромное количество задач, каждый день объем которых увеличивается. Но так ли все очевидно?

Сам термин «искусственный интеллект» был предложен в 1956 г. в Стэнфордском университете, а наука оформилась в самостоятельную отрасль лишь в середине века, она поставила перед собой задачу моделирования функций мозга. Однако сегодня ученые, имеющие в своем арсенале мощнейшую технику, приходят к выводу, что природа сознания непостижима, ибо оно «определяется не просто работой мозга (хотя без этой работы оно невозможно), а отношением познающего и действующего агента к внешнему миру, включающему как мир природного окружения, так и в случае человека мир, созданный самим человеком — мир культуры» [7, с. 15]. Не подчиняется правилам и решение творческих задач – все попытки разработать «логику творчества» оказались безуспешными. Кроме того, искусственному интеллекту недоступны такие качества, как эмпатия, сострадание, сопереживание, стремление к справедливости, потому что отсутствует алгоритм их исполнения. А если мы говорим о творце, субъекте юридической техники в узком смысле слова, можно ли упустить из виду, что все эти свойства доступны только человеческой природе? Это абсолютно недопустимо, поскольку, как мы указывали ранее, в его руках важнейшая задача – достижение безукоризненно функционирующей системы права.

Да, искусственный интеллект – хороший помощник, и мы вынуждены признать, что субъектом юридической техники в широком смысле он уже стал. С помощью специальных алгоритмов могут быть составлены проекты иска, жалобы, судебного акта. Существуют специальные боты, например, бот-юрист «Гражданин», составленный по технологии NLP, отвечающий на правовые вопросы граждан и помогающий им составить юридические документы [8, с. 13]. В июле 2024 г. в Аргентине в структуре министерства безопасности создано подразделение искусственного интеллекта по обеспечению безопасности, в задачи которого входит в том числе предсказание еще не совершенных преступлений. Такой опыт уже известен США, Израилю, Нидерландам и др. странам. Таким образом, искусственный интеллект без труда играет по заданным правилам, но можно ли позволить ему эти правила создавать? Ведь уже сегодня искусственный интеллект с легкостью может действовать не только в рамках заданных параметров, но и конструировать их.

Мы полагаем, что, несмотря на заманчивость этой идеи, человечество должно прийти к однозначному категоричному отрицательному ответу. В тот день, когда искусственный интеллект получит власть в виде создания обязательных алгоритмов, методов и способов, принятия обязательных решений, обязательных правовых актов и т. д., наступит точка невозврата, потому что нельзя допускать конкуренцию искусственного и естественного разума.

Несмотря на то что искусственный интеллект направлен на моделирование деятельности человеческого разума, эта задача является недостижимой. «Даже самые мощные нейрокомпьютеры несравнимы по своей сложности даже с нервной системой муравья, – куда уж там до человека!» [9, с.114]. Ученые не в силах достоверно установить, что происходит в сознании человека, когда он испытывает стыд, чувство сожаления, муки совести и прочее. Соответственно, это нельзя воспроизвести в качестве способности искусственного интеллекта. Таким образом, моральная ответственность ему незнакома, а механизм привлечения к юридической ответственности отсутствует. И вряд ли он может быть разработан в совершенном виде. Предоставить же искусственному интеллекту возможность создания каких бы то ни было обязательных правил, алгоритмов, методов и т. д. без возможности привлечения его к ответственности недопустимо.

Резюмируя изложенное, мы приходим к выводу, что быть субъектом юридической техники в узком смысле слова искусственный интеллект не может. Точнее, этого нельзя допустить. Иначе управление человеком и контроль за ним будет во власти хоть и мощного, но все же искусственного интеллекта, у которого отсутствуют принципы и чувства, а в какой-то момент может измениться и цель служить во благо человечеству.

Ссылки

1. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса: пособие к практическим занятиям по уголовному праву. Петроград, 1917. 268 с.
2. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 318 с.
3. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. М.: Проспект, 2021. 648 с.
4. Кожокарь И. П. О научном содержании понятия «юридическая техника» // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27, № 2. С. 273–287.
5. Иеринг Р. Юридическая техника. О существе юридического формализма / пер. А. В. Полякова. М., 2014. 163 с.
6. Карташов В. Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 16–24.
7. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. акад. РАН В. А. Лекторского. СПб.: Юридический центр, 2022. 328 с.
8. Кривенков А. Д., Казанкова Т. Н. Актуальные возможности применения искусственного интеллекта в юриспруденции // Вопросы экономики и права. 2024. № 187. С. 11–20. DOI 10.14451/2.187.11.
9. Боровская Е. В., Давыдова Н. А. Основы искусственного интеллекта: учебное пособие. 4 -е изд. М.: Лаборатория знаний, 2020. 130 с.

Nationality clauses in sports as an exhibition of the public differentiation of the labor rights of athletes

I. O. Kilipchenko¹

¹HC Lokomotiv Association, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-108-115

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the nationality clauses in Russian sports, its impact on the labor rights of athletes. According to the author, nationality clauses doesn't violate the labor rights of foreign athletes, but acts as an exhibition of public differentiation of labor rights. At the same time, the current nationality clauses unlawfully restrict the labor rights of Russian athletes. The author has formulated proposals to eliminate the shortcomings of the nationality clauses in Russian sport and improve it.

Keywords: nationality clause; discrimination; labor rights of athletes; legal personality; citizenship; sports citizenship

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kilipchenko, Ivan O. | E-mail: ivankilipchenko@gmail.com

Лимит на легионеров в спорте как проявление публичной дифференциации трудовых прав спортсменов

И. О. Килипченко¹

¹Ассоциация ХК «Локомотив», Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-108-115
УДК 349.227

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется лимит на легионеров в российском спорте, его влияние на трудовые права спортсменов. По мнению автора, лимит на легионеров не нарушает трудовые права иностранных спортсменов, а выступает проявлением публичной дифференциации трудовых прав. При этом действующие правила лимита неправомерно ограничивают трудовые права российских спортсменов. Автором сформулированы предложения по устранению недостатков лимита на легионеров и его совершенствованию.

Ключевые слова: лимит на легионеров; дискриминация; трудовые права спортсменов; правосубъектность; гражданство; спортивное гражданство

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Килипченко, Иван Олегович | E-mail: ivankilipchenko@gmail.com
Юрисконсульт

В январе 2024 года Дисциплинарный комитет КХЛ аннулировал результаты четырех матчей с участием ХК «Сибирь» за нарушение последним правил лимита на легионеров – допустимого количества иностранных игроков, заявленных на отдельный матч чемпионата¹. При этом легионером был признан Ф. Гордеев – гражданин России. Из-за невозможности полноценного участия игрока в чемпионате с ним был расторгнут контракт².

Лимит на легионеров является ограничением количества иностранных спортсменов, имеющих право принимать участие в национальных

¹ ХК «Сибирь» присуждено четыре технических поражения за нарушение лимита на легионеров. URL: <https://www.khl.ru/news/2024/01/17/526248.html>

² Хоккейный клуб «Сибирь» расторг контракт с Фёдором Гордеевым. URL: <https://tass.ru/sport/19963897>

чемпионатах по командным видам спорта. Практика его установления получила широкое распространение в отечественном спорте. При этом вопрос о правомерности и целесообразности таких ограничений остается дискуссионным.

Критики квот на иностранных спортсменов настаивают, во-первых, на их неправомочности. По их мнению, такие ограничения противоречат Конституции РФ³ и международным соглашениям, ратифицированным Россией [1], нарушают основные трудовые права спортсменов [2, с. 262], принцип свободы труда и запрета дискриминации [3, с. 490-491; 4, с. 33].

Во-вторых, противники лимита на легионеров говорят о его негативном влиянии на спорт. Они отмечают, что в условиях ограничений возрастает риск стагнации спорта [5, с. 99] и снижения общего уровня спортивного мастерства игроков, из-за чего наиболее талантливые спортсмены могут покинуть внутренний чемпионат в целях поиска лучшей среды для развития [6, с. 29–30].

В-третьих, к негативным последствиям введения лимита на легионеров его критики относят искусственное необоснованное повышение трансферной стоимости (и заработной платы) спортсменов, детерминированной исключительно их национальной принадлежностью [6, с. 25; 7, с. 24–25].

Сторонники квот на иностранных спортсменов, напротив, не видят в них нарушения Основного закона. Лимит на легионеров, по их мнению, не является запретом на вступление в трудовые отношения, но выступает ограничением, продиктованным национальной сущностью соревнования, и устанавливается в интересах российских спортсменов, спортивных федераций и государства в достижении высоких результатов на международных соревнованиях [8, с. 80–81]. По этой же причине проponentы лимита на легионеров отрицают наличие в нем дискриминационных начал [9].

Установление таких ограничений объясняется созданием карьерных лифтов и новых рабочих мест для талантливых выпускников спортивных школ, которые в отсутствие лимита не получают возможности проявить себя на взрослом уровне⁴, а также необходимостью повышения общего уровня спортивного мастерства иностранных спортсменов, приглашаемых для участия во внутреннем чемпионате [6, с. 25].

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек., № 237.

⁴ Владислав Третьяк: сокращение лимита на легионеров необходимо для развития хоккея в России. URL: <https://tass.ru/interviews/16401483>

Столкновение представленных позиций на практике имело место в «деле Босмана»⁵⁶, рассмотренном ЕСПЧ в 1995 году. По итогам рассмотрения дела суд высказался против лимита на легионеров, обратив при этом внимание на то, что подобные ограничения могут иметь место только тогда, когда обусловлены не экономическими, а спортивными причинами (например, в матчах между сборными командами на международных соревнованиях).

По нашему мнению, лимит на легионеров не нарушает трудовые права иностранных спортсменов и не является дискриминацией. Напротив, он выступает примером дифференциации трудовых прав публичного характера, обеспечивающего общественно значимые интересы [10, с.103–104].

Мы считаем, что при решении вопроса о целесообразности установления рассматриваемых ограничений в отечественном спорте следует учитывать важные отличительные черты спорта высших достижений.

Во-первых, спорт высших достижений крайне политизирован. Страны традиционно стремятся к достижению высоких спортивных результатов на крупных международных соревнованиях. Их мотивация в подготовке местных спортсменов для своей сборной команды очевидна.

Практике известны случаи, когда государства, не достигая желаемых результатов в определенном виде спорта путем подготовки собственных атлетов, приглашают для участия в сборной страны иностранных спортсменов. Как правило, причина их выступления за национальную сборную другого государства – непривлечение в сборную своей страны [11, с. 306–307]. Считаем, что такие меры способны усилить национальные сборные, однако не могут приблизить их к достижению высоких результатов на международном уровне. Политическая функция спорта в этом случае ограничена.

Во-вторых, финансирование спорта высших достижений в нашей стране остается преимущественно государственным: осуществляется государством напрямую [12, с. 48] или через государственные корпорации посредством заключения спонсорских соглашений со спортивными федерациями, лигами и клубами [13, с. 85–87]. Этот фактор играет, по нашему мнению, ключевую роль в вопросе целесообразности установления ограничений на участие иностранных спортсменов в чемпионатах России.

Цикл подготовки спортсмена высокого класса не ограничивается его обучением в спортивной школе. При отсутствии лимита на легионе-

⁵ Case C-415/93 Union Royale Belge des Sociétés de Football Association and others v Bosman and others. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61993CJ0415&qid=1727954988409>

⁶ Case C-415/93 Union Royale Belge des Sociétés de Football Association and others v Bosman and others. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61993CJ0415&qid=1727954988409>

ров переход спортсмена на взрослый уровень затруднен. В этих условиях государственные инвестиции в детский спорт не оправдываются в полной мере.

Однако достигает ли лимит на легионеров своих целей? На наш взгляд, до сих пор не утратило актуальности замечание о том, что лучшей концепции его применения не выработано [14, с. 124], а ограничения не избавились от своего главного изъяна – возможности обойти их с помощью натурализации.

Но какие же ограничения имели место в случае Ф. Гордеева? Почему игрок, имеющий российское гражданство с рождения, был признан легионером, а канадец Б. Лайпсик, вступивший в него в 2023 году⁷, нет?

Проблема действующего лимита на легионеров заключается в отсутствии должного основания деления (дифференциации) спортсменов на легионеров и не легионеров. На сегодняшний день им выступает факт наличия или отсутствия у атлета спортивного гражданства России – права участвовать в соревнованиях в составе российской сборной [15, с. 55].

Именно спортивное гражданство сыграло решающую роль в случае Ф. Гордеева: игрок, имеющий также гражданство США, до возвращения в КХЛ играл в Северной Америке и по правилам ИИХФ⁸ утратил право выступать за сборную России. Б. Лайпсик, напротив, до вступления в российское гражданство, провел несколько сезонов в КХЛ, поэтому получил право выступать за российскую сборную одновременно с получением российского паспорта.

Пример Ф. Гордеева – это иллюстрация того, как действующий лимит на легионеров неправомерно ограничивает трудовые права российских спортсменов. Расторжение контракта с игроком произошло по обстоятельству, которое не зависело от воли сторон. Вместе с тем его нельзя отнести ни к общим (ст. 83 ТК РФ⁹), ни к специальным¹⁰ основаниям прекращения трудового договора между спортсменом и работодателем.

По своим признакам оно совпадает с приведением численности работников, являющихся иностранными гражданами и лицами без гражданства, в соответствии с ограничениями на осуществление трудовой деятельности (ст. 327 ТК РФ) – единственному основанию, которое резонирует лимиту на легионеров [16, с. 284].

⁷ Канадский хоккеист СКА получил российское гражданство. URL: <https://www.rbc.ru/sport/09/01/2024/659d02f09a79477391e27630>

⁸ Устав и уставные нормы Международной федерации хоккея на льду (2021–2024). URL: <https://fhr.ru/hockey-of-russia/docs/international/>

⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 2001. 31 дек, № 256.

¹⁰ См., например: ст. 31.1 Правового регламента КХЛ (утв. Советом директоров ООО «КХЛ» (Протокол № 119 от 27 июня 2021 г.) (в ред. от 28.03.2024). URL: <https://www.khl.ru/official/documents/>

Последнее является элементом специальной трудовой правосубъектности [10, с. 167] иностранных граждан и лиц без гражданства. Ф. Гордеев не мог быть отнесен к ним в силу ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ»¹¹. Следовательно, его трудовые права были ограничены без какого-либо юридического основания.

На текущий момент правила лимита не распространяются на граждан Республики Беларусь и граждан стран – участниц ЕАЭС. Включение оговорок об этом в приказы Минспорта обусловлено Консультативным заключением Суда ЕАЭС¹², согласно которому российский лимит на легионеров (в его прежнем виде, без оговорки) нарушал Договор о ЕАЭС¹³.

В результате на сегодняшний день для допуска к участию в чемпионатах России к российским спортсменам со вторым гражданством предъявляются дополнительные требования, связанные с определением их спортивного гражданства. Белорусские же спортсмены и спортсменки из стран – членов ЕАЭС, напротив, получают право беспрепятственно принимать в них участие только в силу наличия у них гражданства соответствующего государства.

Считаем, что это исключение противоречит целям лимита и является контрпродуктивным, а его включение в соответствующие подзаконные акты Минспорта имеет политические причины и недопустимо.

По нашему мнению, представленные недостатки лимита на легионеров можно устранить, положив в основание классификации спортсменов факт наличия или отсутствия конституционного российского гражданства как наиболее стабильного правового статуса по сравнению со спортивным гражданством.

Во-первых, это приведет к гармонизации правил лимита с ТК РФ и ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ».

Во-вторых, это поможет повысить эффективность таких ограничений и позволит государству приблизиться к достижению целей их введения.

Для борьбы со злоупотреблением процедурой натурализации предлагаем усложнить ее, введя дополнительный (временной) критерий – период «спортивной ассимиляции». Так, иностранный спортсмен, вступивший в российское гражданство, сможет утратить статус легионера только по-

¹¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 31 июля, № 140.

¹² Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 07.12.2018 № СЕ-2-2/5-18-БК «О разъяснении применения пункта 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств – членов ЕАЭС, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к данной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности» // СПС Консультант плюс.

¹³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // СПС Консультант плюс.

сле проведения в чемпионатах России определенного количества матчей или спортивных сезонов. Такая мера позволит исключить моментальный результат от использования этой процедуры – получение преимущества недобросовестным спортивным клубом над другими участниками чемпионата.

Вместе с тем для повышения уровня отечественных чемпионатов важно привлекать к участию в них высококвалифицированных иностранных спортсменов. Интерес представляет балльная система, введенная в английском футболе. Так, при допуске иностранного спортсмена до участия во внутреннем чемпионате учитывается опыт его выступлений в международных соревнованиях, уровень лиги и клуба, из которого переходит спортсмен, его статистику и пр. [6, с. 21].

В заключение отметим, что на сегодняшний день лимит на легионеров является актуальным инструментом для развития отечественного спорта и повышения эффективности государственных инвестиций в данную сферу общественных отношений. Определение должного основания дифференциации спортсменов – один из шагов к его совершенствованию. Мы считаем, что лимит на легионеров способен не только оказать положительный эффект на уровень спортивного мастерства российских спортсменов, но и дать импульс развитию чемпионатов страны, что приведет к росту зрительского интереса и коммерческой привлекательности отечественного спорта.

Ссылки

1. Прокопец М. А. Лимит на легионеров в РФ. Проблемы и перспективы // СПС Консультант плюс.
2. Чеботарева А. А. Лимит на легионеров как неправомерное ограничение возможности выполнения профессиональными спортсменами своей трудовой функции // Трудовые и социально-обеспечительные отношения: практика правоприменения: сборник работ участников Четырнадцатой международной межвузовской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, 22 апреля 2019 года / под ред. д-ра юрид. наук, проф., завкафедрой трудового права НИУ ВШЭ М. О. Буяновой. М., 2019. С. 262–269.
3. Некоторые особенности регулирования труда иностранных футболистов в Российской Федерации / А. В. Завгородний [и др.] // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2018. № 4. С. 484–500.
4. Крусь А. С. Лимит на легионеров как возможное ограничение свободного передвижения футболистом своих услуг // Молодой ученый. 2016. № 3-2. С. 30–33.
5. Милюков А. И., Еремин М. В. Особенности программы развития футбола в Китае // Инновационные технологии в науке нового времени: сборник статей Международной научно-практической конференции (1 февраля 2017 г., г. Уфа): в 3 ч. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. Ч. 2. С. 97–100.

6. Walter Champion & Daniel Lee. A New Order in a World in Motion: Brexit and its Impact on the British Premier League // Jeffrey S. Moorad Sports L.J. 2023. Vol. 30, No. 1. P. 1–34.
7. Андреева К. А. Регулирование трансферного рынка в профессиональном российском футболе: воздействие лимита на легионеров в 2005–2016 годах // Russian Journal of Economics and Law. 2017. № 2. С. 19–38.
8. Зайцев Ю. В., Рогачев Д. И. Трудовые будни в мире спорта: Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров. М.: Статут, 2012. 182 с.
9. Парамузова О.Г., Яковлев Д.А. Концептуальный анализ правовых дефиниций «спортивное гражданство» и «конституционное гражданство» (международно-правовые аспекты). // Международное право. 2023. № 4. С. 92-103. DOI 10.25136/2644-5514.2023.4.69029.
10. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право: учебник. М.: Проспект, 2022. 786 с.
11. Захаренко К. В. Институт спортивного гражданства в международной спортивной деятельности // XXXV Международные Плехановские чтения: сборник статей аспирантов и молодых ученых, Москва, 07–08 апреля 2022 года. М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2022. С. 305–309.
12. Дудус А. Н. Экономическое состояние и меры государственной поддержки спорта в России // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2021. № 4. С. 47–52.
13. Спортивное право: договорные отношения в спорте: учебное пособие для вузов / С. В. Алексеев, М. О. Буянова, А. В. Чеботарев; под ред. С. В. Алексеева. М.: Юрайт, 2020. 107 с.
14. Бабаев Р. Ю. К вопросу о понятии легионер и его правосубъектности в сфере физической культуры и спорта // Право и государство: теория и практика. 2013. № 11. С. 123–127.
15. Сердюков А. В. «Спортивное гражданство»: отражение классического правового института в спортивном праве // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 52–59.
16. Алексеев С. В. Спортивное право. Трудовые отношения в спорте : учебник / С. В. Алексеев; под. ред. П. В. Крашенинникова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013. 647 с.

General Management Styles as a Determinant of the Functional Organization of the Metacognitive Sphere of Personality

A. A. Karpov¹, A. I. Kalacheva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl state University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-116-123

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of a study of the functional organization of metacognitive processes and personality traits in management activity. The patterns consisting in the determinative role of metacognitive parameters in the disclosure of certain management styles are described. It is proved that the measure of the structural organization of metacognitive determinants is different for each general management style. The ideas about the weak role of the permissive style in management activity are substantiated, taking into account a number of relevant conditions for its implementation in modern organizations.

Keywords: metacognitive sphere of personality; management activity; metasystem approach; metacognitive regulation; functional organization; management style; structural organization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Karpov, Alexander A. | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
D. Sc. (Psychology), Associate Professor, Professor
of the Russian Academy of Education

Kalacheva, Anastasiya I. | E-mail: kulakova1992@yandex.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Funding: Russian Science Foundation (grant 24-78-10047, <https://rscf.ru/project/24-78-10047/>)

Общеуправленческие стили как детерминанта функциональной организации метакогнитивной сферы личности

А. А. Карпов¹, А. И. Калачева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-116-123
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлены результаты исследования функциональной организации метакогнитивных процессов и качеств личности в управленческой деятельности. Описаны закономерности, состоящие в детерминационной роли метакогнитивных параметров в раскрытии определенных стилей управления. Доказано, что мера структурной организации метакогнитивных детерминант различна для каждого общеуправленческого стиля. Обоснованы представления о слабой роли попустительского стиля в управленческой деятельности с учетом ряда актуальных условий ее осуществления в современных организациях.

Ключевые слова: метакогнитивная сфера личности; управленческая деятельность; метасистемный подход; метакогнитивная регуляция; функциональная организация; стиль управления; структурная организация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карпов, Александр | E-mail: karpov.sander2016@yandex.ru
Анатолевич | Доктор психологических наук, доцент, профессор РАО

Калачева, Анастасия | E-mail: kulakova1992@yandex.ru
Игоревна | Кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии труда и организационной психологии

Финансирование: Российский научный фонда (грант № 24-78-10047, <https://rscf.ru/project/24-78-10047/>).

Введение

Как известно, в современной психологии особое внимание все больше уделяется исследованиям междисциплинарного характера, что позволяет развиваться двум и более направлениям одновременно. Не исключением является и развитие потенциала метакогнитивизма и психологии управ-

ленческой деятельности, а также их взаимосвязи. Несмотря на имеющиеся к настоящему времени результаты исследований метакогнитивной регуляции управленческой деятельности, ряд вопросов остается до сих пор открытым. Во многом это обусловлено следующим принципиально важным обстоятельством. Деятельность управленческого типа неизбежно претерпевает изменения в связи с различными объективно складывающимися изменениями в «мире профессий» и в эволюции типов, видов и классов профессиональной деятельности, связанными, главным образом, с усилением места и роли средств информационно-коммуникационного плана и цифровизации в целом. Это, в свою очередь, содействует укреплению позиций нового субъектно-информационного класса профессиональной деятельности, центральным атрибутом которого является не объект, но и не субъект, а информация. Она же оказывается в состоянии сигнифицировать как объект, так и субъект труда, усиливая тем самым сложность данного класса, в том числе в отношении исключительно психологических механизмов, лежащих в его основе. Более того, управленческая деятельность вполне очевидно обретает черты сразу трех классов: субъект-объектного, субъект-субъектного и субъектно-информационного.

В этих условиях складывается достаточно убедительное предположение, что целый ряд параметров, характеризующих управленческую деятельность (особенности реализации основных управленческих функций, пол, профессиональный стаж, возраст и др.), испытывает некоторые трансформации. Они же, по-видимому, становятся еще более рельефными в контексте когнитивной, регулятивной, рефлексивной и метакогнитивной регуляции деятельности управленческого типа.

В наших предыдущих работах [1] было установлено, что общим методологическим подходом, который наиболее конгруэнтен природе управленческой деятельности, выступает метасистемный подход. Главное место в нем занимает так называемый «алгоритм системного исследования», включающий себя ряд основных гносеологических планов (этапов): метасистемный, структурный, функциональный, генетический и интегративный [2]. При реализации одного из аспектов исследования – функционального – были получены результаты, позволившие установить некоторые процессуальные характеристики, в частности их специфическую именно по отношению к управленческой деятельности разновидность – стилевые характеристики. Эти данные были получены в специальном цикле исследований. При этом необходимо отметить, что респонденты-руководители были подобраны таким образом, чтобы включить в состав выборки управленцев, чей «бюджет времени» в основном составляет дистанционная работа.

Организация процедуры и методы исследования

Процедура эмпирического исследования была организована следующим образом. Вначале испытуемые ($n = 100$, руководители высшего зве-

на ряда коммерческих предприятий и фирм) были продиагностированы на предмет стилевых различий их деятельности. В этих целях реализовывалась методика А. Л. Журавлева – А. П. Захарова [3]. В результате выборка была дифференцирована на три подгруппы в соответствии с двумя общеуправленческими стилями: коллегиальным и директивным. Следует особо подчеркнуть, что ситуация сложилась таким образом, что в пределах данной выборки испытуемых-руководителей число тех, для которых был установлен попустительский стиль, оказалось крайне мало и не позволило, таким образом, включить их в реализацию последующих этапов процедуры исследования с математико-статистической точки зрения.

Далее по отношению ко всем испытуемым была применена совокупность психодиагностических методик опросного типа, направленных на установление уровня развития основных параметров метакогнитивной сферы личности: методика «Метакогнитивной включенности в деятельность» (Metacognitive Awareness Inventory – MAI) [4–5]; методика диагностики рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева), включающая субшкалы определения ретроспективной рефлексивности, рефлексии настоящего, рефлексии будущего, а также интегральную оценку развития рефлексивности [4]; методика определения уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта, включающая субшкалы диагностики саморефлексии и социорефлексии (по [4–5]); методика Д. Эверсон на диагностику меры и характера метакогнитивного мониторинга в части двух ее субшкал – «планирование действий» и «самопроверка» (по [4–5]); методика определения индивидуальной степени выраженности процессов метамышления (А. А. Карпов) [6]; опросник степени выраженности средств антирефлексивной направленности (А. А. Карпов) [6].

Вначале был проведен статистический анализ данных по U-критерию Манна–Уитни, эмпирическое значение которого составило – ($U_{\text{эмп}} = 114$). В результате следует констатировать, что различия между совокупностью результативных показателей по всем используемым в исследовании методикам оказались статистически значимы, так как $U_{\text{кр}} > U_{\text{эмп}}$.

Далее, все полученные результаты были подвергнуты стандартной процедуре обработки и интерпретации, предусмотренной методологией структурно-психологического анализа. Это означает, что были рассчитаны матрицы интеркорреляций исследуемых метакогнитивных детерминант и построены соответствующие им структурограммы (рис. 1).

Результаты и их обсуждение

Важнейшую роль в решении задач представленного цикла исследования выполняет сравнительный анализ структурных индексов, характерных для каждого из двух общеуправленческих стилей (табл. 1).

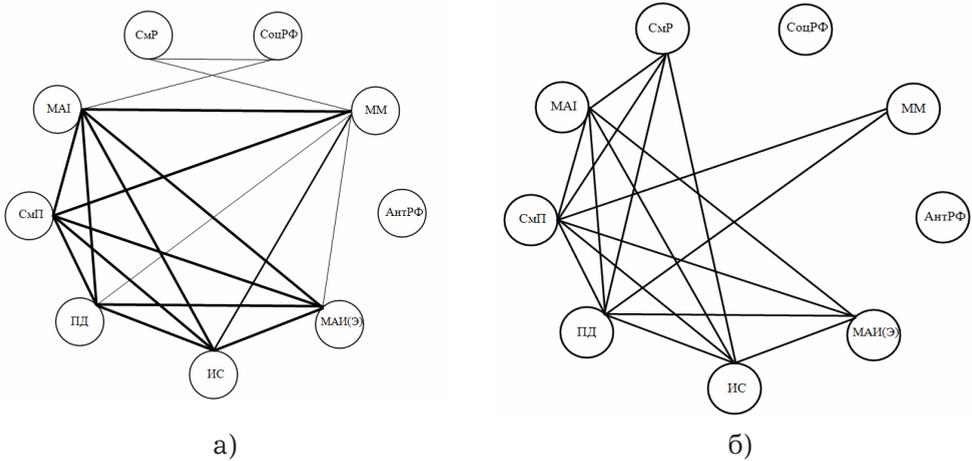

Рис. 1. Структурограммы метакогнитивных детерминант в группах испытуемых – руководителей с коллегиальным (а) и директивным (б) общеуправленческими стилями: СмР – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия, ММ – степень выраженности процессов метамышления, АнтРФ – антирефлексия, МАИ(Э) – метакогнитивная включенность в деятельность (опросник Д. Эверсон), ИС – использование стратегий, ПД – планирование действий, СмП – самопроверка, МАИ – метакогнитивная включенность в деятельность

Таблица 1

Сводная таблица индексов структурной организации в группах руководителей с директивным и коллегиальным стилями управления

Индексы	Стиль	
	Директивный	Коллегиальный
ИКС	66	86
ИДС	0	0
ИОС	66	86

Совокупность полученных результатов позволяет констатировать, что для большинства представителей исследуемой выборки руководителей характерны локально-коллегиальный, интегративно-коллегиальный или метаколлегиальный уровни процессов принятия управленческих решений [7]. Этим, по всей видимости, объясняются высокие и выше среднего показатели параметров социорефлексии, антирефлексии и всех иных метакогнитивных параметров, связанных с социальными метакогнициями. В конечном итоге, в том числе за счет этого, достигается и высокая мера интегрированности структуры. Вместе с тем равный нулю показатель индекса дивергентности (ИДС) и высокие показатели индекса когерентности (ИКС) и индекса общей организованности (ИОС) в обеих структурах свидетельствуют о высокой роли интегративных механизмов синергетического плана в метакогнитивной регуляции управленческой деятельности при полном отсутствии дезинтегративных тенденций. Объясняя полу-

ченный результат, отметим, что сама природа метакогнитивных процессов и качеств предполагает усиление ресурсных возможностей психики, ее интегративных механизмов. По этой причине можно предположить, что именно метакогнитивные параметры выступают в роли действенных и конструктивных средств реализации управленческой деятельности. Таким образом, все метакогнитивные параметры функционируют «во благо общего дела», укрепляя потенциал ментальных ресурсов личности.

В то же время для директивного стиля такие интегративные тенденции были выражены гораздо слабее, что, вероятно, обусловлено главными и наиболее общими характеристиками этого стиля, отличающегося чрезмерной централизацией власти, самовластным решением всех вопросов, касающихся деятельности организации, ограничением контактов с подчиненными, «автономией» и даже «вакуумом» лидерства. Полагаем, автократичный характер принятия управленческих решений во многом избавляет руководителей с директивным стилем от раскрытия и применения метакогнитивных стратегий, навыков и др., связанных в основном с социальными взаимодействиями.

Наряду с этим, обращают внимание низкие значения структурного веса у параметров антирефлексии, социорефлексии и степени выраженности процессов метамышления в структуре метакогнитивных параметров в директивном стиле. Будучи объективно принципиально важными для осуществления этого стиля управления, они тем не менее обладают очевидно низкой ролью в организации структуры. Такая ситуация, по нашему мнению, не содержит в себе противоречий, поскольку низкий показатель структурного веса или его отсутствие в ряде случаев свидетельствует о ведущей роли этого компонента в системе. Этот результат вполне соотносится с содержанием директивного стиля и в значительной мере определяет место и роль в нем социальных взаимодействий по вектору «руководитель-подчиненный».

Вместе с тем нельзя не отметить и то, что большая часть представителей коллегиального стиля управления является работниками экспертной службы. Известно, что экспертная деятельность требует высокой степени метакогнитивной включенности во время выполнения работы, но здесь также имеют место специфические особенности в отношениях между руководителем и подчиненными. В данном случае каждую экспертизу выполняют два сотрудника, для того чтобы исключить субъективный фактор оценивания материала. Руководитель не в состоянии повлиять на мнение эксперта, особенно с учетом факта работы двух сотрудников над одним и тем же материалом. В связи с этим в данной сфере деятельности для успешного функционирования отдела руководителю, по-видимому, важно придерживаться коллегиального стиля руководства, который, как оказалось, для своей реализации требует высокого уровня развития метакогнитивных характеристик у руководителя.

Тем не менее полагаем, что различия полученных данных не являются принципиальными и коренятся, скорее, не в отличительных характеристиках раскрытия тех или иных метакогнитивных детерминант в отдельных стилях и степени их структурной организации, а в том, что показатели этой структурной организации метакогнитивных параметров у разных стилей отличаются не слишком значительно. Это в очередной раз свидетельствует о своеобразной общности метакогнитивного потенциала независимо от того или иного общеуправленческого стиля – о необходимости высокой интеграции метакогнитивных детерминант как в коллегиальном, так и в директивном стилях.

Наконец, нельзя не отметить отдельные весьма важные следствия полученных в работе результатов. Во-первых, обращает внимание крайне малая представленность руководителей с попустительским стилем. Этому, на наш взгляд, может способствовать сразу несколько причин, часть из которых обусловлена обстоятельствами, прямо связанными с внешнеорганизационными факторами и современными социально-технологическими условиями функционирования организаций различных типов. Это, в свою очередь, решающим образом оказывает влияние на предпочтение того или иного стиля. Другие же причины могут заключаться исключительно в особенностях подбора выборки, чей качественный состав относительно предпочитаемых стилей руководства оказался случайным и не свидетельствует о снижении роли попустительского общеуправленческого стиля в современных организациях.

Во-вторых, как уже отмечалось ранее, возможно, определяющее значение в снижении численного представительства попустительского стиля имеет усиление позиций субъектно-информационного класса профессиональной деятельности и постепенное «приращение» к нему деятельности управленческого типа. Вероятно, ее осуществление в дистанционном формате требует как можно более полного исключения признаков, характерных для попустительского стиля (ведение дел «на самотек», гиперделегирование, ингибция социальных контактов, уход от принятия решений (элиминативное поведение) и от ответственности и мн. др.), ввиду вынужденного ослабления контроля, вызванного переходом в дистанционные формы реализации управленческих функций.

Наряду с этим, в качестве дополнительного метода, позволяющего оценить меру различий между исследуемыми структурами, был применен метод χ^2 в экспресс-варианте для определения степени гомогенности-гетерогенности матриц интеркорреляций. Согласно его содержанию ранжируются структурные веса всех элементов двух исследуемых структур (групп испытуемых) в отдельности. После присвоения рангов проводится корреляционный анализ каждой из структур. Таким образом, в случае получения значимых корреляций между группами испытуемых можно говорить лишь о количественных различиях между структурами. И, наоборот,

незначимые различия будут свидетельствовать о качественных изменениях внутри рассматриваемых структур. В результате было установлено, что различия между структурами метакогнитивных детерминант в группах, дифференцированных согласно критерию общеуправленческого стиля, являются значимыми, то есть в данном случае имеют место лишь количественные перестройки структур, которые оказались принципиально гомогенными – подобными. Следовательно, целесообразно констатировать, что полученный результат является вполне закономерным, поскольку вновь с очевидностью отражает общий интегральный характер метакогнитивного потенциала, о чем было сказано выше.

Выводы

1. Теоретический анализ современного состояния метакогнитивной психологии и психологии управления показал необходимость интеграции исследовательских данных этих крупных направлений, в том числе с позиций объективно складывающихся изменений в «филогенезе деятельности» посредством формирования и распространения нового субъектно-информационного класса.

2. По результатам исследования установлено, что управленческие стили имеют структурную, а не аналитическую детерминацию в отношении тех метакогнитивных параметров, на основе которых они формируются.

3. Основные общеуправленческие стили значимо различаются по всем трем структурным индексам.

4. Существует закономерное соответствие структурной организованности метакогнитивных детерминант эффективности содержательным особенностям самих общеуправленческих стилей.

5. Структуры метакогнитивных параметров испытуемых, принадлежащих к группам, дифференцированным согласно критерию общеуправленческого стиля и пола, оказались принципиально гомогенными, что отражает общий интегральный характер метакогнитивного потенциала.

Ссылки

1. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 784 с.

2. Карпов А. В. Психология деятельности: в 5 т. Т. 1: Метасистемный подход. М.: РАО, 2015. Т. 1. 546 с.

3. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия. М.: Институт психологии РАН, 2004. 474 с.

4. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Институт психологии РАН, 2005. 325 с.

5. Карпов А. А., Карпов А. В. Введение в метакогнитивную психологию: учебное пособие. М.: МПСУ, 2015. 512 с.

6. Карпов А. А. Новые методики исследования метакогнитивной регуляции управленческой деятельности: учебное пособие. М.: МПСУ, 2019. 115 с.

7. Карпов А. В. Психология менеджмента: учебник. М.: Гардарики, 1999. 582 с.

Relation of teachers of elementary and high school to education digitalization

G. V. Akopov¹, L. S. Akopyan¹, V. A. Biryulin¹, E. L. Chernyshova¹

¹Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-124-133

Research article
Full text in Russian

Preliminary results of use of the Questionnaire of the relation of teachers to digitalization of education in the context of moral development of pupils are given in article (Bryksina O.F., Akopov G. V., Biryulin V. A., Lubovsky D. V.). The questionnaire is focused on identification of the attitude of teachers towards various results of interaction of subjects of the digital educational environment in aspects emotional and estimated, cognitive, organizational and communicative, activity and style and personal (concerning trainees) components. This, in particular, emotional acceptance or rejection of the digital environment of training, feature of style of interaction of the teacher with children and teenagers; dynamics of formation of those, or other personal qualities of pupils; the creative tasks arising at the teacher in work with students in the conditions of digitalization, etc. The average approximate picture of the relation to digitalization of education of teachers of elementary and high school of three Volga regions is revealed.

Keywords: education digitalization; relation of teachers; structure of the Questionnaire; results

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Akopov, Garnik V. | E-mail: akopovgv@gmail.com
D. Sc. (Psychology), Professor

Akopyan, Lubov S. | E-mail: akolubov@mail.ru
D. Sc. (Psychology), Professor

Biryulin, Vladimir A. | E-mail: cobra77@inbox.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Chernyshova, Evgeniya L. | E-mail: chernyshova@pgsga.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Funding: Ministry of Education of the Russian Federation (State assignment No. 073-00029-24-04 dated 2024/08/23).

Отношение педагогов начальной и средней школы к цифровизации образования

Г. В. Акопов¹, Л. С. Акопян¹, В. А. Бирюлин¹, Е. Л. Чернышова¹

¹Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-124-133
УДК 159.9

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье приводятся предварительные результаты использования Опросника отношения учителей к цифровизации образования в контексте нравственного развития учащихся (Брыксина О. Ф., Акопов Г. В., Бирюлин В. А., Лубовский Д. В.). Опросник ориентирован на выявление отношения учителей к различным результатам взаимодействия субъектов цифровой образовательной среды в аспектах эмоционально-оценочной, когнитивной, организационно-коммуникативной, деятельностно-стилевой и личностной (относительно обучаемых) составляющих. Это, в частности, эмоциональное принятие или отвержение цифровой среды обучения, особенность стиля взаимодействия учителя с детьми и подростками; динамика становления тех либо иных личностных качеств учащихся; творческие задачи, возникающие у педагога в работе с обучающимися в условиях цифровизации, и др. Выявлена ориентировочная картина отношения к цифровизации образования учителей начальной и средней школы трех приволжских городов.

Ключевые слова: цифровизация образования; отношение учителей; структура Опросника; результаты

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопов, Гарник Владимирович | E-mail: akopovgv@gmail.com
Доктор психологических наук, профессор

Акопян, Любовь Суреновна | E-mail: akolubov@mail.ru
Доктор психологических наук, профессор

Бирюлин, Владимир Андреевич | E-mail: cobra77@inbox.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Чернышова, Евгения Леонидовна | E-mail: chernyshova@pgsga.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Финансирование: Министерство просвещения Российской Федерации
(Государственное задание № 073-00029-24-04 от 23.08.2024).

© ЯрГУ, 2025

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Введение

Под термином «цифровая трансформация образования» сегодня понимается обновление планируемых образовательных результатов, содержания образования, методов и организационных форм учебной работы, а также оценивания достигнутых результатов в быстроразвивающейся цифровой среде для кардинального улучшения образовательных результатов каждого обучающегося [1–3].

Процесс цифровизации образования получил новый импульс развития в ходе реализации федерального проекта «Цифровая образовательная среда», ориентированного как задача-минимум на совершенствование цифровой образовательной среды образовательных организаций и как задача-максимум, на цифровую трансформацию системы образования. В течение пяти лет (2019–2024 гг.) в рамках проекта велась активная работа по оснащению школ современным цифровым оборудованием, разработке и внедрению отечественных программных продуктов и сервисов, цифровых платформ с уникальными образовательными ресурсами [4–7].

Цель исследования

Целью исследования является определение представлений учителей начальной и средней школы о влиянии цифровизации образования на различные стороны профессиональной деятельности педагогов общеобразовательной школы, включая развитие нравственной сферы личности школьника. Группа респондентов – это педагоги общеобразовательных школ Волгограда, Новокуйбышевска, Самары и Ярославля общим количеством 23 человека, имеющие стаж работы не менее 5 лет.

Структура Опросника включает аффективное (эмоциональное) отношение педагога к цифровизации образования. Речь идет не столько о дидактическом эффекте, а об эмоциональном выражении общего отношения учителя, которое может быть определено целым рядом факторов, включая изменение способов взаимодействия между субъектами образовательного процесса. Рассматриваются следующие варианты эмоциональных откликов (отношение и общая оценка): с воодушевлением, позитивно, спокойно, с беспокойством, неопределенно, нейтрально, амбивалентно, негативно, безразлично. Следующим компонентом структуры Опросника выступают вопросы осведомленности учителей по вопросам цифровизации образования. При этом респондентам предлагается детализировать ответ с объяснением своей позиции. Это позволяет для определенной группы учителей, например с беспокойством воспринимающих процесс информатизации, выявить непосредственные причины этого беспокойства и в определенной логической последовательности представить эти причины с помощью количественных характеристик. Таким образом, наряду с эмоционально-оценочной составляющей в Опроснике представлен когнитивный компонент [4, 8, 9].

Важной составляющей в структуре Опросника является блок вопросов, определяющих мнение педагогов относительно стиля взаимодействия субъектов образовательного процесса в условиях цифровизации образования (согласно О. Ф. Брыксиной). Именно стиль взаимодействия чаще всего меняется в сетевой среде, определяя эмоциональный фон общения и, следовательно, влияя на личностные качества обучающегося. Стилевая – шире коммуникативно-педагогическая – составляющая модели включает также постановку вопроса «как, по Вашему мнению, меняется взаимодействие учителя со школьниками» и предполагает выбор педагогом нескольких ответов по своему усмотрению (желательно не более трех, чтобы выявить доминирующие изменения). Это взаимодействие становится более регламентированным; более диалогичным (паритетным); более обязывающим (и учителя, и обучающихся); менее зависимым (учеников от учителя); более открытым (для всех субъектов); другое.

Четвертым структурным аспектом (компонентом) выявления позиции учителей является фиксация мнения педагогов относительно того, как влияет цифровизация на личностные качества учащихся, т. е. личностная составляющая Опросника. Предложены следующие формулировки: «Школьники становятся более: автономными (самостоятельными); раскрепощенными; мотивированными; инициативными; излишне самоуверенными; снисходительными; стрессоустойчивыми; тревожными; другое».

Цифровая среда оказывает значительное влияние и на межличностные отношения детей и подростков, изменяя традиционные способы общения и взаимодействия. В этой, пятой, структурной составляющей расширенного варианта Опросника присутствуют следующие позиции:

- расширение круга общения;
- присвоение новой социальной компетентности, связанной с письменной коммуникацией и, как следствие, социализация в виртуальной среде;
- повышение самостоятельности (независимости, прежде всего, педагогов, например, в поиске информации);
- навыки самопрезентации (демонстрация, продвижение в сети своих личностных качеств);
- использование сети для продвижения собственных интересов;
- присоединение к различным референтным группам по интересам, принадлежность к различным сетевым сообществам, группам;
- возможность позитивно/негативно соотнести социальную и личностную самоидентификации в процессе сетевого общения;
- другое.

Особое внимание обращено на показатели духовно-нравственных ориентаций учащихся в представлениях и оценках учителей, что важно для позитивной (социально одобряемой) динамики выстраивания отношений педагогов со школьниками в условиях все более расширяющейся и усложняющейся цифровой образовательной среды, а также на шестой

аспект связанный с отношением учителей к рискам тех или иных девиаций поведения детей и подростков, возникающих в условиях цифровой среды. Известно, что факторы безопасности могут быть сдерживающими, в частности, вхождение в социальные и ассоциированные с образованием сети. Предполагаемые варианты ответов:

- быстрая письменная коммуникация существенно снижает богатство эмоциональных переживаний и не позволяет в полном объеме продемонстрировать индивидуальное своеобразие человека, что может индуцировать девиантные проявления у школьников;
- неоднозначность прочтения некоторых цифровых текстов, восприятия эмодзи и других символов, используемых иллюстраций и т. п. могут создавать сложность в общении, индуцируя неуместные реакции, вплоть до агрессии;
- анонимность общения снижает степень ответственности за распространение заведомо ложной информации, что порождает безнаказанность, например, за оскорбление в сети (троллинг);
- уход от «живого» общения и связанные с этим проблемы социализации в обществе;
- погружение в виртуальное взаимодействие влияет на формирование мировоззрения и ценностных установок;
- другое.

Модель опросника предполагает включение также открытых вопросов с развернутым ответом. Например:

- приведите примеры поведения в сети подростков (школьников, о которых Вы знаете из круга ваших коллег и друзей), определяющие нравственную позицию/личностные качества/поступки детей и подростков. Дайте им оценку;
- выразите свое отношение к проявлению Добра/Зла в процессе сетевой коммуникации и др.

В перспективе включение в структуру Опросника вопросов на ранжирование, оценивание по многомерным шкалам позволит применить более сложные программы математико-статистической обработки и получить показатели психологического влияния цифровизации на личность подростка, его внутреннюю нравственную позицию.

Результаты

В опросе приняли участие 23 педагога общеобразовательных школ Самары (5 человек), Новокуйбышевска (Самарская область) (8 человек), Волгограда (2 человека), Ярославля (8 человек). Стаж работы учителей – от 4 до 14 лет.

1. В первом вопросе определяется эмоционально-личностное отношение респондентов к цифровизации образования по шкале. Получено следующее распределение оценок: с воодушевлением – 11, спокойно – 9,

с беспокойством – 3; при этом наибольшее число участников опроса, с воодушевлением определяющих свое отношение к цифровизации образования, представлено в школе Ярославля, в ней же – один обеспокоенный педагог. Комментируя свое отношение, учитель из Волгограда отмечает: «Сначала думаешь – ничего не получится, но, вникая, изучая ..., – становится интересно»; другой учитель из этой же школы: «Мне нравится все новое, интересное..., постоянно изучаю».

2. Определяя **изменения**, которые вносит цифровизация образования в деятельность педагогов и учащихся, респонденты выделили следующие пункты опросника:

- оснащение школы новыми техническими устройствами и программами – 11;
- уменьшение рутинных видов работы учителей – 5;
- увеличение рутинных видов работы учителей – 4;
- значительное увеличение занятости учебной работой школьников – 2;
- значительное уменьшение занятости учебной работой школьников – 1;
- изменение своей подготовки к этим видам деятельности школьников – 13;
- изменение отношения педагогов к содержанию, планированию, организации учебной активности школьников – 6;
- существенное расширение доступа к системам научных и методических знаний – 15;
- изменение отношения школьников к своей учебной и внешкольной социальной активности – 10.

3. Характер **взаимодействия** с учащимися, по мнению учителей, становится:

- более обязывающим в учебной активности – 4;
- более динамичным, экономится время учителя и ученика – 1;
- более свободным, спонтанным, творческим – 11;
- более регламентированным – 9;
- более зависимым от системы – 4.

Поясняя свое мнение, респонденты отмечают, что «Главное ... учителям их заинтересовать...и ученик становится более свободным, ...урок становится интересным для учеников»; «Результат работы зависит от ответственного отношения ученика в выполнении задания. При этом ученики могут откладывать решение задач на удобное для них время»; «Ученик имеет возможность получить информацию в любое время. Обучение на разных платформах стало увлекательным»; «Повышение мотивации»; «Изучение предметов становится более интересным, творческим, дети сами подбирают нужную информацию для уроков»; «Увеличивается доверительное отношение между учеником и учителем, возможность управления образовательным процессом»; Школьники становятся «зависимыми, т. к. все время на связи в мессенджерах».

4. *Характеризуя межличностные отношения учителя и учащихся, респонденты отмечают, что учащиеся становятся:*

- безразличными – 3;
- автономными – 10;
- самостоятельными, мотивированными, интересующимися, увлечёнными – 16.

Поясняя свои оценки, некоторые педагоги фиксируют, что ученики стали «во взаимодействии более зависимыми от уточнений, доп. поощрений. В целом, интересуются больше жизнью учителя, его интересами»; «Ввиду частого контакта отношения становятся более сложными, не соблюдается субординация, однако это регулируется»; «Отношения такие же, но привносится живой контакт».

5. *Характеризуя межличностные отношения детей в условиях цифровизации, практически все учителя констатируют те или иные изменения:* Дети и подростки «группируются по интересам, стали более осведомленными в плане поиска информации»; «Дети живут и учатся в цифровом пространстве..., что влияет на коммуникативную, эмоциональную, психологическую сферу развития»; они «более общительны, развиты во всех отношениях, не всегда это хорошо сказывается на поведение детей и восприятию окружающего мира»; они «менее социализированы, у них хуже здоровье»; «Дети меньше общаются друг с другом, общаются онлайн»; «Цифровые технологии изменили способ обучения, поскольку появилась возможность общаться с помощью голосовых сообщений и видео»; «Ученики, не видя лица одноклассников в сетях, фривольно общаются друг с другом»; «Дети не боятся кого-то обидеть, т. к. не видят реакцию собеседника; дети не умеют общаться «очно», не могут сходу подобрать слова или удобнее обдумать фразу перед написанием её в чате»; «Дети перестали общаться между собой»; «Сплочение небольших групп при выполнении групповых или творческих работ. Либо наоборот, формируется нежелание общаться со сверстниками»; «В онлайн-пространстве дети могут быть жертвами кибербуллинга, также дети всё больше общаются в онлайн-пространстве. Это открывает возможности для коммуникаций»; «Нет личного контакта/общения»; «Становятся менее сплочёнными»; «Изменения в социальном поведении поколения Z, у них цифровая вовлечённость и стремление оттягивать во взрослую жизнь. Это говорит о проблемах социализации и созидания в цифровом мире».

6. Более развернутые высказывания и суждения были получены в ответах на шестой вопрос: *способствует ли цифровизация развитию социально приемлемых нравственных представлений и поведения школьников в контексте отношения детей и подростков к проявлениям Добра и Зла?:*

«Добро способствует моральному совершенствованию человека, Зло способствует моральной деградации. Цифровизация способствует, как про-

явлению Добра, так и Зла. Добро – воспитание нравственных качеств, Зло приводит к суициду и т. д. Подростковые игры часто несут отрицательные примеры»; «Все ученики обязаны быть в Сферуме. Сферум привязан к социальным сетям. Контакт, не всегда это хорошо влияет на психику ученика»; «Я думаю, конфликты часто начинаются с общения в сети. Доброта тоже широко рекламируется (сбор средств больным детям)»; «Ученики самостоятельно находят и подбирают материал для классных часов, бесед, снимают видео для конкурсов с соответствующей тематикой, что способствует нравственному развитию»; «Нет, потому что цифровизация не контролируется в большинстве случаев»; «Появилось больше представлений о зле, больше стало «насилия», «унижения» и т. д.»; «У детей всё меньше живого общения и больше киберобщений, представляющих опасность»; «Развитие в информационном ключе несёт положительные стороны: развитие мышления, освоение IT-технологий, творчество»; «Цифровизация – мощный фактор, влияющий на формирование представлений о добре и зле. Однако влияние неоднозначно, сочетая в себе положительные и отрицательные аспекты: Положительные: дети могут прочесть про героев и деятелей, проявляющих добро; Отрицательные: дезинформация и манипуляции в цифровом мире»; «Не способствует»; «Просмотр видеороликов способствует проявлению более чутких проявлений отзывчивости и доброты»; «Способствует»; «Добро и Зло присутствуют везде. Когда дети что-то видят, даже когда в Интернете показывают бездомных животных, они обсуждают и делают выводы и, надеюсь, тоже будут поступать, совершая добрые дела»; «Цифровизация создает иллюзорный мир, дети теряют реальность, становятся более равнодушными, отрываются от реальности, тем самым стирается грань в понимании хорошо/плохо»; «Ситуация значительно ухудшается»; «Открытый доступ к социальным сетям негативно влияет на психику детей, также развивает буллинг в детских и подростковых коллективах»; «Скорее в отрицательном ключе. Ученик приносит негатив в класс, но это регулируемо. Ввиду доверительных отношений с учителями есть возможность заложить верные ориентиры»; Помогают «мультфильмы, задания на интерактивной доске, квесты»; «Думаю да, т. к. они большую часть проводят в интернете, они видят множество видеофильмов на разную тему и могут сделать вывод: кто прав или виноват».

7. Педагоги, за исключением двоих, оценили уровень своей цифровой компетентности следующим образом: средний – 9 человек; выше среднего – 8 человек; высокий – 4 человека; также (за исключением 4 респондентов) примерный уровень цифровизации своей школы: низкий – 3; средний – 13; высокий – 2; очень высокий – 1.

В целом, на основании выявленных оценок и мнений (пока достаточно ограниченной выборки) учителей общеобразовательных школ трех приволжских мегаполисов и одного крупного нефтехимического центра, «не-

равнодушного» к нуждам города по ряду социальных программ, включая образование, можно сделать некоторые предварительные выводы:

- педагоги в своем большинстве с воодушевлением либо спокойно относятся к цифровизации образования; некоторые отмечают свой интерес к цифровым программам для постоянного изучения и их привлекательность;

- отмечая изменения, которые вносит цифровизация в школьное образование, учителя чаще всего указывают на существенное расширение доступа к системам научных и методических знаний, а также оснащение школ новыми техническими устройствами и программами, затем свою подготовку и свои исполнительные функции в отношении к работе в условиях цифровизации; не менее часто отмечается изменение отношения школьников к своей учебной и внешкольной социальной активности. Существенно реже фиксируются такие негативные стороны цифровизации, как увеличение рутинных видов работы учителей и значительное увеличение занятости учебной работой школьников;

- определяя особенности взаимодействия с учениками, педагоги считают, что в условиях цифровизации характер этих взаимодействий становится более свободным, спонтанным, творческим и вместе с тем, с позиций других учителей, более зависимым от системы, регламентированным, обязывающим, а в одном отклике – более динамичным, поскольку экономит время учителя и ученика. Это может достигаться, как отмечают педагоги, в силу того, что «изучение предметов становится более интересным, творческим, дети сами подбирают нужную информацию для уроков»; «увеличивается доверительное отношение между учеником и учителем, возможность управления образовательным процессом»;

- в подавляющем большинстве учителя в условиях цифровизации видят учащихся самостоятельными, мотивированными, интересующимися, увлечёнными, автономными и за редкими исключениями – безразличными;

- конкретизируя негативные моменты личностных проявлений школьников в условиях цифровизации, учителя отмечают: издержки социализации, ухудшение здоровья, коммуникативные нарушения, обедненность личных контактов/общений, склонность к девиациям в условиях анонимности сетевого общения, потерю богатства интонаций и содержания устного и письменного речевого онлайн-общения и др. В отношении нравственного развития школьников характерна оценка одного из учителей: «Цифровизация создает иллюзорный мир, дети теряют реальность, становятся более равнодушными, отрываются от реальности, тем самым стирается грань в понимании хорошо/плохо»;

- отношение учителей к цифровизации образования косвенно присутствует также в оценках своей цифровой компетентности: большинство педагогов выбирают среднюю оценку и выше средней, в оценке же уровня цифровизации своей школы доминируют средние оценки.

Ссылки

1. Анализ представлений учителей о воздействии цифровых образовательных продуктов на когнитивно-личностную и деятельностную сферу обучающихся / Е. Б. Пучкова, Л. В. Темнова, Е. А. Сорокоумова [и др.] // Перспективы науки и образования. 2021. № 6. С. 110–125. DOI 10.32744/pse.2021.6.8.
2. Индустрия российских медиа: цифровое будущее / Е. Л. Вартанова, А. В. Вырковский, М. И. Макеенко, С. С. Смирнов. М.: МедиаМир, 2017. 160 с.
3. Елшанский С. П. Когнитивные механизмы школьников в условиях цифровизации // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2020. № 1. С. 97–106. DOI 10.24411/2712-827X-2020-10110.
4. Литвин Д. В. Открытое цифровое окружение: условие или фактор развития личности? // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023): сборник статей IV Международной научно-практической конференции, 16–17 ноября 2023 г. / под ред. В. В. Рубцова, М. Г. Сороковой, Н. П. Радчиковой. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 505–512.
5. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 107–113.
6. Рубцова О. В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (Часть первая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 3. С. 117–124. DOI 10.17759/chr.2019150312.
7. Рубцова О. В. Цифровые технологии как новое средство опосредования (статья вторая) // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 4. С. 100–108. DOI 10.17759/chr.2019150410.
8. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. А. Ю. Уварова, И. Д. Фрумина. Издательский дом Высшей школы экономики. М., 2019. С. 15. 343 с.
9. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе / Т. А. Аймалетдинов, Л. Р. Баймуратова, О. А. Зайцева [и др.]; Аналитический центр НАФИ. М.: Изд-во НАФИ, 2019. 84 с.

The value differences of the commander depending on the chosen role model in the process of performing service and combat tasks

M. I. Fedorishin¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-134-143

Research article

Full text in Russian

The article examines the value differences of a commander depending on the chosen role model in the process of performing service and combat tasks.

It has been established that the most effective roles for cadets in solving simulated service and combat situations are the role of a father, reflecting the principle of leadership and commitment to the traditions and symbols of the military collective, and the role of a hero, which is a guarantee of survival in an extreme situation. The role model of a hero to the greatest extent reflects the role of a serviceman striving for personal success in accordance with the standards of military-professional activity.

The results of the study showed that when solving complex service and combat tasks associated with personnel injuries, in the process of interaction, servicemen exchange values that become personally significant for them, are built into the personality structure and determine role behavior. In turn, in the process of role interaction, specified by certain role models, servicemen implement very specific values, which are actualized in their military-professional activity.

Keywords: acculturation; constructive conflict; predictor; thinking; conflict; teacher; students

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Fedorishin, Michael I. | E-mail: maskarad14@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Ценностные различия командира в зависимости от выбранной ролевой модели в процессе выполнения служебно-боевых задач

М. И. Федоришин¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-134-143
УДК 159.964

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются ценностные различия командира в зависимости от выбранной ролевой модели в процессе выполнения служебно-боевых задач.

Установлено, что наиболее эффективными при решении смоделированных служебно-боевых ситуаций курсантами являются две роли: роль отца, отражающая принцип руководства и приверженности традициям и символам воинского коллектива и роль героя, являющаяся гарантией выживания в экстремальной ситуации. Ролевая модель героя в наибольшей степени отражает роль военнослужащего, стремящегося к личному успеху в соответствии со стандартами военно-профессиональной деятельности.

Результаты исследования показали, что при решении сложных служебно-боевых задач, связанных с травматизацией личного состава, в процессе взаимодействия военнослужащие обмениваются ценностями, которые становятся лично-значимыми для них, встраиваются в структуру личности и определяют ролевое поведение. В свою очередь, в процессе ролевого взаимодействия, заданного определенными ролевыми моделями, военнослужащими реализуются совершенно конкретные ценности, которые у них актуализируются в военно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: роли; коллективная ментальная модель; индивидуальная ментальная модель; ценности; военнослужащие; курсанты

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федоришин, Михаил Иванович	E-mail: maskarad14@mail.ru Кандидат психологических наук, доцент кафедры практической и специальной психологии факультета психологии
-------------------------------	---

Введение. Постановка проблемы исследования

Понятие военными служащими сущности ценностей в процессе принятия решения выполнения служебно-боевых задач как в мирное, так и в военное время постоянно нуждается в системном и всестороннем изучении. Вместе с тем множество задач в военно-профессиональной деятельности непосредственно связано с выбором между жизнью и смертью, а сам выбор военному служащему необходимо сделать мгновенно, основываясь лишь на ценностных, личностных и жизненных установках [1]. Сегодняшняя растущая сложность военных операций, возможно, создает большую двусмысленность, так как военнослужащие Росгвардии часто выполняют задачи, связанные с установлением порядка внутри страны. В этой связи «врагом» становится собственный народ, что способствует актуализации ценностных дилемм в военно-профессиональной деятельности [2–3]. Действительно, исследование М. С. de Graaff с соавторами [3] показало, что командиры подразделений в процессе реализации решения выполнения служебных, специальных и должностных задач военно-профессиональной деятельности систематически встречаются с ценностно-моральным выбором.

Командиры подразделений должны подавать личный пример, если они ожидают от своих подчиненных проявления мужества, ответственности, инициативности, компетентности, преданности делу и честности [4]. В научной литературе, связанной с военными исследованиями, указывается, что эффективное командование личным составом является одним из основных компонентов способствующему успешности выполнения служебно-боевых задач [5]. Для того чтобы роль командира была эффективной, необходимо в военных институтах организовывать практику по обучению курсантов командной деятельности, ориентируясь на личность офицера как на ролевую модель [1]. Таким образом, как показывают исследования, реализация и практика командования при выполнении задач зависит от ролевой модели командира. Большинство эмпирических исследований восприятия ролевых моделей основывается на теории организационной социализации [6], утверждающей, что командиры подразделений с разными ролевыми моделями при выполнении задач отличаются ценностными ориентациями [7].

F. Ebinger, S. Veit, B. Strobel [8] при изучении восприятия ролей опираются на работу [9], в которой определены десять типичных ролей, организованных в две группы: реактивные и активные роли. *Реактивные роли* отражают модели, обращенные внутрь себя [10], направлены на служение общественным целям и ценностям и являются ведущими в процессах принятия коллективных решений. К ним относятся пять ролей: роль эксперта, роль посредника, роль исполнителя целей, роль доверенного лица и роль законника. *Активные роли* отражают ролевую модель с направленностью на служение целям и ценностям какой-либо специфической группе. Активными ролями являются следующие пять ролей: роль адвоката, роль фасилитатора/агента, роль наблюдателя, роль контролера и роль инициатора.

Различные функции организации способствуют формированию восприятия роли и отношения к ней отдельных членов организации.

Однако ни в одной из работ, применяющих ролевые модели [10], не рассматривается такая переменная, как ролевая мультивариативность в ее динамическом аспекте. В частности, не учитывается, как изменяется ролевая модель в ролевом профиле в зависимости от ситуации или сферы жизнедеятельности. Основания, связанные с такими аспектами, как выбор актуальной для конкретной ситуации роли и их обусловленность определенными личностными особенностями (например, ценностями или потребностями), в меньшей степени подвергались эмпирической проверке. Насколько нам известно, ни одно исследование не отражает изучение ролевых моделей военнослужащих во взаимосвязи с ценностными ориентациями. Мы, опираясь на одну из современных концепций относительно ролевой социализации [11], предполагаем, что выполнение военнослужащими задач предусматривает учет ролевой модели и определение ценностных ориентаций, связанных с реализацией военно-профессиональной деятельности. Концепция ролевой социализации содержит понимание роли в качестве модели, образца поведения. При этом данные роли относятся автором к метауровню, что отражает их универсальность. Представленные в концепции ролевые модели подразделяются на мужские и женские роли, а также дифференцированы по возрастному диапазону (детство, молодость, зрелость, старость). Кроме того, в концепции содержится информация о том, что одна из десяти базовых ролей активизируется в зависимости от определенной ситуации и от ценностных ориентаций индивида.

Концептуально Ш. Шварц [12] определяет ценности как идеалы, которые служат руководящими принципами человеческой жизни с различной степенью важности и изменяются в зависимости от желаний и обстоятельств. С социологической точки зрения ценность относится к обобщенным моральным принципам или убеждениям, отражающим общие чувства, мысли, цели и интересы какой-либо социальной группы или сообщества, которые признаются истинными и необходимыми большинством членов для поддержания существования, единства, функционирования и преемственности социальной группы или сообщества. М. Рокич [13] выделил два вида ценностей: терминальные и инструментальные. Одна из наиболее полных классификаций ценностей была предложена Ш. Шварцем [12]. Она включала в себя десять основных ценностей. Следовательно, ценности личности консолидируются в типы, которые, в свою очередь, формируют мотивационно-ценностную подсистему коллективной ментальной модели военнослужащего. Ценности личности отражают её жизненные смыслы и имеют прямое взаимодействие с осознанной мотивацией индивидуальной активности [8]. Установлено, что в ценностно-мотивационной структуре личности именно универсализм, самостоятельность и стимуляция обладают самым высоким рейтингом. По данным А. В. Спирина с соавторами [7],

такие личностные качества военнослужащего, как чувство патриотизма, дисциплинированность и офицерская честь являются структурообразующими компонентами ценностной структуры курсантов с высоким уровнем саморегуляции. Также отмечено, что личностные ценности являются детерминантами саморегуляции, в процессе ролевого взаимодействия военнослужащих. С другой стороны, согласно исследованию Н. С. Мекебаева с соавторами [1], социальные роли являются ресурсами для трансформации ценностей и потребностей курсантов. Проведенные исследования свидетельствуют, что ролевое поведение реализуется в рамках заданных воинским коллективом ценностных ориентиров.

В то же время в научной литературе имеются различные как теоретические, так и экспериментальные исследования о корреляции ценностных ориентаций и выбора ролей военнослужащими в процессе выполнения служебно-боевых задач. Таким образом, **цель** нашего исследования состоит в изучении функциональности отражения личностных ценностей командира, обусловленных выбранной ролью в процессе выполнения смоделированных вводных (нестандартных служебно-боевых ситуаций). В свою очередь, именно ролевая модель военнослужащего является одним из элементов индивидуальной ментальной модели задачи.

Методология и методы исследования

Испытуемые. Исследование проводилось на базе НВИ войск национальной гвардии. Выборка представлена курсантами пятого курса обучения в количестве 71 военнослужащего, в возрастном диапазоне от 21 до 27 лет.

Оборудование и стимульный материал. В рамках реализации данной цели проведено эмпирическое исследование. Первый этап исследования направлен на выбор адекватных методов для оценки коллективных ментальных моделей у военнослужащих. В контексте метасистемного подхода [3] сконструированы три кейса, предполагающие решение неспецифических ситуаций при выполнении военно-профессиональных обязанностей. Решение вышеуказанных кейсов основывалось на алгоритме выполнения мероприятий при нарушении требований безопасности подчиненного воинского коллектива. Второй этап исследования включал в себя прохождение курсантами группового тестирования по опроснику «Ценности» Ш. Шварца в адаптации В. Н. Карандашева [12-14].

Процедура. Курсантам необходимо было предложить решение для каждого кейса. Кроме того, согласно структуре коллективных ментальных моделей, курсантам нужно было определить роль командира при решении этих задач в конкретной ситуации из 10 предложенных фигур (стимульный материал методики «Калейдоскоп».

Третьим этапом проводился однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), в котором группирующей переменной был выбран признак «роль», имеющий четыре градации, а зависимыми переменными – ценности.

Результаты исследования и их анализ

В процессе применения ANOVA (однородность дисперсий была установлена по критерию Leven) было обнаружено пять статистически значимых различий в ценностях (табл. 1).

Таблица 1

Оценка различий в ценностях в зависимости от ролевой модели командира

Признаки	Leven		ANOVA	
	F	p	F	p
Традиции	1,64	0,204	7,38	0,000
Доброта	2,24	0,115	1,61	0,190
Универсализм	2,12	0,072	0,05	0,986
Самостоятельность	1,65	0,234	0,49	0,687
Стимуляция	2,72	0,074	7,19	0,000
Гедонизм	2,52	0,089	12,77	0,000
Достижения	1,73	0,186	6,93	0,000
Власть	2,29	0,110	4,55	0,005
Безопасность	1,12	0,272	1,19	0,315

Итак, в зависимости от ролевой модели командира различаются ценности традиции ($F=7,38$ при $p=0,000$), стимуляции ($F=7,19$ при $p=0,000$), гедонизм ($F=12,77$ при $p=0,000$), достижения ($F=6,93$ при $p=0,000$), власти ($F=4,55$ при $p=0,005$). По остальным ценностям статистически значимых различий не было обнаружено.

Апостериорные сравнения по критерию LSD (критерий наименьших значимых значений Фишера, критерий наименьших значимых различий) показали, что курсанты, которые в качестве командира ассоциируют себя с ролевой моделью мальчика и отца, имеют наибольшую выраженность ценности традиции ($M=75$ баллов и $M=71,3$ балла соответственно) (табл. 2).

Таблица 2

Попарные сравнения ценностей «традиции» и «стимуляция» в зависимости от ролевой модели командира

Ценности {номер группы}	Традиции				Стимуляция			
	{1} - M=71,3	{2} - M=54,1	{3} - M=51,4	4} - M=75,	{1} - M=43,5	{2} - M=47,2	{3} - M=51,9	{4} - M=16,7
отец {1}		0,021*	0,000*	0,077		0,287	0,004*	0,003*
трикстер {2}	0,021*		0,384	0,009*	0,287		0,177	0,001*
герой {3}	0,000*	0,384		0,003*	0,004*	0,177		0,000*
мальчик {4}	0,077	0,009*	0,003*		0,003*	0,001*	0,000*	

Статистически значимо высокие результаты обнаружены у курсантов с ролью отца по ценности гедонизм (M=61,8 баллов (табл. 3)). Ценности стимуляции, достижения и власти наиболее выражены у курсантов, идентифицирующих себя с ролью героя в статусе командира (M=51,9 баллов, M=58,9 баллов и M=61,1 балл соответственно (табл. 3).

Таблица 3

Попарные сравнения ценностей «гедонизм» и «достижения» в зависимости от ролевой модели командира

Ценности {номер группы}	Гедонизм				Достижения			
	{1} - M=61,8	{2} - M=48,1	{3} - M=47,7	{4} - M=58,3	{1} - M=51,3	{2} - M=42,4	{3} - M=58,9	{4} - M=43,8
отец {1}		0,000*	0,000*	0,648		0,019*	0,014*	0,426
трикстер {2}	0,000*		0,875	0,195	0,019*		0,000*	0,885
герой {3}	0,000*	0,875		0,164	0,014*	0,000*		0,108
мальчик {4}	0,648	0,195	0,164		0,426	0,885	0,108	

Ценность власти в большей степени представлена в структуре личности курсантов с ролью трикстера в статусе командира (M=51,9 баллов и M=58,9 баллов соответственно (табл. 4)).

Таблица 4

Попарные сравнения ценности «власть» в зависимости от ролевой модели командира

Ценности {номер группы}	{1} - M=58,4	{2} - M=62,9	{3} - M=61,1	{4} - M=41,7
отец {1}		0,063	0,190	0,007*
трикстер {2}	0,063		0,439	0,001*
герой {3}	0,190	0,439		0,002*
мальчик {4}	0,007*	0,001*	0,002*	

Таким образом, полученные результаты показали, что ролевая модель героя, идентифицируемая курсантами со статусом командира в служебно-боевых ситуациях «Травматизм личного состава в военно-профессиональной деятельности» связана с такими ценностями, как стимуляция, достижения и власть. Указанные ценности относятся к двум блокам: открытость изменениям (стимуляция) и самовозвышению (достижение и власть). Эти два блока не входят в конфликтные отношения. В этом случае можно утверждать, что ценностная структура у курсантов с ролью героя в статусе командира не является конфликтной. Действительно, по данным авторов [15], роль героя в наибольшей степени отражает роль военнослужащего, герой стремится к победам, достижениям, преодолению

нию препятствий, к сражению с мнимым или реальным врагом, что соответствует заданной ситуации. Данная ролевая модель связана с потребностью доминировать над людьми и ресурсами (власть), добиваться личного успеха в соответствии со стандартами военно-профессиональной деятельности, в стремлении к новизне и глубоким переживаниям. Это позволяет военнослужащим с выбранной ролью героя, с одной стороны, эффективно организовать управление подразделением в экстремальной ситуации, а с другой стороны, проникнуться их болью и переживаниями, быть включенным в трудности подчиненных. Это кардинально отличает их от курсантов, выбравших роль трикстера для статуса командира, которые руководствуются в своей деятельности таким императивом, как власть. В свою очередь, власть основывается на реализации значимого статуса, а также на руководстве и управлении личным составом воинского подразделения. Эта группа курсантов будет в большей степени стремиться к общественному признанию и сохранению доминантной позиции в процессе выполнения служебно-боевой задачи, тогда как курсанты с ролью героя стремятся к компетентности в военно-профессиональной деятельности.

Курсанты, идентифицировавшие себя с ролью отца, в статусе командира имеют наибольшую выраженность в ценностях гедонизм и традиции, которые связаны с уважением и принятием ответственности за выработанные в воинском коллективе нормы, обычаи, идеи и традиции с одновременным наслаждением жизнью. Эта ролевая модель – руководителя, контролирующего и несущего ответственность за своих подчиненных [15] – связана с выработкой и поддержанием воинских символов и ритуалов. Их роль, а также функциональные обязанности основывались на личном опыте и взаимодействии со своими сослуживцами в процессе военно-профессиональных задач. Вместе с тем их индивидуальное поведение детерминировано воинской культурой и ритуалами. Классическая манера поведения у курсантов, которые выбирают роль отца в процессе выполнения служебно-боевых задач, основывается на взаимопомощи своим товарищам внутри воинского коллектива. Это выражается в обращении к ценностям и гарантией действий с целью сохранения жизни в экстремальной ситуации.

Заключение

Таким образом, эмпирическое исследование доказало, что наиболее эффективными при решении смоделированных служебно-боевых ситуаций курсантами являются, во-первых, роль отца, отражающая принцип руководства и приверженности традициям и символам воинского коллектива; во-вторых, роль героя, являющаяся гарантией выживания в экстремальной ситуации; данная роль в наибольшей степени отражает роль военнослужащего, стремящегося к личному успеху в соответствии со стандартами служебно-боевой задачи.

В процессе военно-профессиональной деятельности военнослужащие обращаются к индивидуальным ценностям, которые для них являются основополагающими, встраиваются в структуру личности и определяют ролевое поведение. В свою очередь, в процессе ролевого взаимодействия, заданного определенными ролевыми моделями, военнослужащими реализуются совершенно конкретные ценности, которые у них актуализируются в военно-профессиональной деятельности.

Ссылки

1. Мекебаев Н.С., Перевозкина Ю.М., Федоришин М.И. Конфигурации коллективных ментальных моделей при решении служебно-боевых задач курсантами Росгвардии // Российский психологический журнал. 2022. № 19. С. 50–59. DOI 10.21702/rpj.2022.2.4.

2. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход. М.: Изд. дом РАО, 2016. 644 с.

3. De Graaff M. C., Schut M., Verweij D. E. M., Vermetten E., Giebels E. Emotional Reactions and Moral Judgment: The Effects of Morally Challenging Interactions in Military Operations // Ethics and Behavior. 2014. Vol. 26. No. 1. P. 14–31. DOI 10.1080/10508422.2014.975815.

4. Федоришин М. И. Взаимосвязь саморегуляции и индивидуализации в процессе обучения у курсантов ВООВО // Ярославский психологический вестник. М.; Ярославль: Российское психологическое общество, 2018. Вып. 2. С. 86–90.

5. Федоришин М. И., Спиринов А. В., Чайковский П. В. Особенности индивидуальности личности курсантов с высоким уровнем саморегуляции // Человеческий фактор: социальный психолог. 2019. № 1. С. 423–435.

6. Спиринов А. В., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Ценностные детерминанты саморегуляции в ситуации ролевого взаимодействия военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. № 1. С. 69–76.

7. Перевозкина Ю. М., Спиринов А. В., Федоришин М. И. Ценностно-рефлексивные детерминанты саморегуляции курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 106–113. EDN BVCFOM.

8. Ebinger F., Veit S., Strobel B. Role Models in the Senior Civil Service: How Tasks Frame the Identification of Senior Bureaucrats with Active and Reactive Roles // International Journal of Public Administration. 2022. Vol. 5, Issue 14. P. 991 –1002. DOI 10.1080/01900692.2021.1945623.

9. Перевозкина Ю. М. Психосемантика мифа: монография / Ю. М. Перевозкина. Новосибирск : НГТУ; НГИ, 2013. 144 с.

10. Trondal J., Murdoch Z., Geys B. On Trojan horses and revolving doors: Assessing the autonomy of national officials in the European Commission // *European Journal of Political Research*. 2015. Vol. 54, Issue 2. P. 249–270. DOI 10.1111/1475-6765.12080.

11. Спирин А. В., Перевозкина Ю. М., Федоришин М. И. Взаимообусловленность ролевого структурирования и саморегуляции курсантов с позиции диахронического подхода (на материале исследования курсантов НВИ ВНГ РФ) // *Человеческий фактор: Социальный психолог*. 2020. № 1. С. 432–443.

12. Schwartz S., Boehnke K. Evaluating the structure of human values with confirmatory factor analysis // *Journal of Research in Personality*. 2004. Vol. 38, Issue 3. P. 230–255. DOI 10.1016/S0092-6566(03)00069-2.

13. Rokeach M. *The nature of the human values*. The Free Press, A Davidson of Macmillan Publishing Co., Inc. New York, 1973. P. 30–55.

14. Kjærgaard A., Leon G. R., Venables N. C., Fink B. A. Personality, Personal Values and Growth in Military Special Unit Patrol Teams Operating in a Polar Environment // *Military Psychology*. 2013. Vol. 25, No. 1. P. 13–22. DOI 10.1037/h0094753.

15. Перевозкина Ю. М., Перевозкин С. Б., Федоришин М. И. *Ментальные модели социального взаимодействия в служебной деятельности: электронное учебное пособие*, Новосибирск, 2023. 226 с.

Features of the intellectual sphere and social adaptation of migrant workers

O. V. Filatova¹, S. V. Pogorelaya¹

¹Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-144-151

Research article
Full text in Russian

The authors of the article substantiate the need for cultural and social adaptation of labor migrants taking into account their personal potential. The article describes and interprets the results of a psychodiagnostic study of intellectual characteristics and socio-psychological adaptive resources and abilities of labor migrants. Intellectual characteristics are interpreted by the parameters: «free», «coherent» and general level of intelligence; and adaptive characteristics: adaptation / maladaptation, emotional comfort / discomfort, internal / external control, dominance / follower, escapism, behavioral regulation (BR) / NPU, communicative potential (CP), moral normativity (MP), personal adaptation potential (PAP). The research results described in the article allow developing programs for psychological, social and cultural adaptation and integration of labor migrants.

Keywords: labor migration; intelligence; adaptation; potential; culture; socialization

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Filatova, Olga V. | E-mail: ofilvladimir@yandex.ru
Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor

Pogorelaya, Svetlana V. | E-mail: pogorelayasvet@yandex.ru
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

Funding: Ministry of Internal Policy of the Vladimir Region (project on the priority area of the competition - Interethnic cooperation).

Особенности интеллектуальной сферы и социальной адаптации трудовых мигрантов

О. В. Филатова¹, С. В. Погорелая¹

¹Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-144-151
УДК 316.6

Научная статья
Полный текст на русском языке

Авторы статьи обосновывают необходимость культурной и социальной адаптации трудовых мигрантов с учетом их личностного потенциала. В статье описаны и проинтерпретированы результаты психодиагностического исследования интеллектуальных особенностей и социально-психологических адаптационных ресурсов и способностей трудовых мигрантов. Интеллектуальные особенности проинтерпретированы по параметрам: «свободный», «связный» и общий уровень интеллекта; адаптационные – по параметрам: адаптация / дезадаптация, эмоциональный комфорт / дискомфорт, внутренний / внешний контроль, доминирование / ведомость, эскапизм, поведенческая регуляция (ПР) / НПУ, коммуникативный потенциал (КП), моральная нормативность (МП), личностный адаптационный потенциал (ЛАП). Результаты исследования, описанные в статье, позволяют разрабатывать программы психолого-социальной и культурной адаптации и интеграции трудовых мигрантов.

Ключевые слова: трудовая миграция; интеллект; адаптация; потенциал; культура; социализация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филатова, Ольга Валерьевна | E-mail: ofilvladimir@yandex.ru
Кандидат психологических наук, доцент

Погорелая, Светлана Владимировна | E-mail: pogorelayasvet@yandex.ru
Кандидат философских наук, доцент

Финансирование: Министерство внутренней политики Владимирской области (проект по приоритетному направлению конкурса «Межнациональное сотрудничество»).

Введение

В современном мире трудовая миграция – неотъемлемая часть общественных процессов стран с развитой экономической, социальной и политической системами. Переезд в другую страну для трудового мигранта, с одной стороны, осмысленное и мотивированное решение. С другой стороны, это событие затрагивает различные компоненты психологической структуры его личности. Переезд и адаптация к новым социокультурным условиям жизнедеятельности требуют определенного уровня психологической готовности, что, в свою очередь, связано с интеллектуальным уровнем личности трудового мигранта. На начальном этапе адаптации важное значение имеют такие факторы, как знание языка, на котором разговаривают коренные жители, или способность к его изучению; умение выстраивать на нем коммуникации; знакомство и усвоение правовых и культурных норм страны – нового места жительства.

Наше исследование проводилось на базе миграционного центра Владимирской области с участием 150 мигрантов-мужчин в возрасте от 18 до 65 лет из Узбекистана. Диагностика проводилась в первые пять дней после приезда мигрантов на территорию России в рамках проекта «Спортивные и культурные практики как средство межнациональной интеграции», направленного на установление долговременных и прочных социально-экономических и культурных связей между мигрантами и населением г. Владимира и Владимирской области, на поддержание межнационального и межрелигиозного мира и согласия, профилактику психологических проблем, производственных конфликтов, девиантного поведения в среде мигрантов, создание условий для их адаптации к жизни в регионе.

В рамках проекта было намечено несколько направлений работы, в числе которых – изучение особенностей интеллектуальной сферы и психологических характеристик трудовых мигрантов.

Проблема интеллекта и интеллектуальных способностей личности – одна из центральных в психологии. Данные понятия, несмотря на многочисленные исследования, так и не имеют в психологической науке общепризнанного определения. Многочисленные методологические подходы, теории и концепции усложняют и в то же время определяют перспективы и вариативность изучения данных феноменов.

В нашем исследовании для изучения интеллекта трудовых мигрантов был взят «Культурно-свободный тест интеллекта» Р. Кеттелла [1]. В ходе исследования мы анализировали особенности «свободного» и «связного» интеллекта, согласно двухфакторной модели автора. Первый –

это способности человека к выполнению таких мыслительных операций, как анализ, синтез, индукция, дедукция, пространственные отношения. Данный параметр проявляется в особенностях восприятия человека. При оценке «связного интеллекта» анализируется словарный запас, умение оперировать числами, адекватность оценок и суждений об окружающем мире и социальных явлениях, механические умения и т. д. Этот параметр развивается в различных видах деятельности человека: игровой, учебной, трудовой и др.

Результаты и их обсуждение

Результаты нашего исследования показали, что у трудовых мигрантов преобладает низкий уровень как свободного, так и связного интеллекта с незначительным преобладанием второго (табл.1).

Таблица 1

Результаты диагностики по методике «Культурно-свободный тест интеллекта» Р. Кеттелла

Шкала	Среднее групповое значение
«Свободный» интеллект	16,79
«Связный» интеллект	19,02
Общий уровень интеллекта	35,8
IQ	68,13

Трудовые мигранты лучше демонстрируют свои трудовые практические навыки, являющиеся результатом и спецификой обучения, воспитания и усвоения опыта, передаваемого от поколения к поколению. Особенности данного вида интеллекта обусловлены и личностными характеристиками, такими как мотивация, функционирование памяти и внимания; важное значение имеют интересы и ценностные ориентации человека.

В ходе опроса мигранты особенностями «свободного» и «связного» интеллекта продемонстрировали предрасположенность и настроенность на выбор и предпочтение работ, связанных с напряжением мышечной силы в промышленной или строительной отрасли; с применением ручных, машинно-ручных или механизированных средств и способов труда. Большинство изъявило желание найти работу по той же специальности, по которой они работали ранее или у себя в стране до переезда в Россию.

Трудовая миграция – это смена страны, места жительства, круга общения. Интеллект позволяет человеку адаптироваться в социальных ситуациях, выстраивать общение и участвовать в совместной деятельности. Адаптационные способности трудовых мигрантов анализировались по результатам, полученным по методике «Диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда» [2] и многоуровневому личностному опроснику (МЛО) «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина [3].

По методике «Диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда» полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что только 13 % от выборки недостаточно правдиво отвечали на вопросы, не всегда объективно оценивали собственные способности, особенности и психологические состояния, стремились дать «социально-желательные ответы». При этом показатели по шкале дезадаптивность у 98 % респондентов находились в пределах нормы. Стоит отметить также, что лишь 2 % опрошенных находились в полной растерянности и говорили о переживаемой ими сложной жизненной ситуации (табл. 2).

Таблица 2

**Результаты диагностики по методике
«Диагностика социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда»**

Показатель	Среднее групповое значение
Дезадаптивность	96,4±3,2
Эмоциональный комфорт	25,7±0,6
Эмоциональный дискомфорт	20,6±0,8
Внутренний контроль	55,7±1,3
Внешний контроль	25,4±0,9
Ведомость	20±0,6
Эскапизм (уход от проблем)	18±0,5
Лживость	32,4±0,9

У большинства трудовых мигрантов наблюдается ощущение эмоционального комфорта при нахождении в России. Это зафиксировано у 78 % респондентов. Многие говорили об имеющемся опыте такой миграции в прошлые годы, присутствию здесь рядом с ними их друзей, близ-

ких родственников или работодателей, у которых работали ранее они сами или их друзья из Узбекистана. Беседа с трудовыми мигрантами показала, что они, как правило, едут в такие города и организации, где работодатели, а также сотрудники предприятий уже взаимодействовали с работниками из других стран. Работодатель имеет юридический опыт, созданы условия для обустройства быта иностранных работников, нет языковых проблем и с местными жителями.

При этом у 97 % ярко выражен показатель интернальности, сформированности внутреннего контроля за собственным поведением, деятельностью, общением. Определено отсутствие стремления к доминированию, при этом наблюдается склонность к ведомости, управлению ими, организации их жизнедеятельности другими; нежелание принимать ответственные решения, напротив, от них исходят корректные и адекватные обращения за советами и информационной помощью.

Большинство мигрантов объективно оценивают собственное положение и осознают проблемы, с которыми им предстоит встретиться в период работы в России. Многие говорили о родственниках и друзьях, о которых они будут часто вспоминать и скучать; о необходимости терпеливого отношения с их стороны к отсутствию времени на отдых и развлечения, поскольку основная цель их приезда – зарабатывание средств и отправка их родным. Лишь 7,3 % мигрантов оценили ситуацию приезда в Россию как новый этап в жизни, который может способствовать началу чего-то интересного, перспективного.

Применение многоуровневого личностного опросника (МЛО) «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина позволило получить результаты, представленные в табл. 3. Результаты 24 % опрошенных сразу были исключены из дальнейшей обработки, поскольку по шкале «Достоверность» у них наблюдалось стремление представить себя в социально-привлекательном виде.

При обработке индивидуальных значений 76 % респондентов, имеющих допустимый уровень достоверности представленных ответов по шкалам методики, был зафиксирован у опрошенных преобладающий оптимальный уровень поведенческой регуляции. Данный уровень характеризуется наличием адекватности самооценки и реального восприятия действительности, но в неблагоприятных и сложных жизненных ситуациях существует вероятность определенной склонности к нервно-психическим срывам у человека.

**Результаты диагностики с применением многоуровневого
личностного опросника (МЛО) «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина**

Показатель	Среднее групповое значение
Достоверность	$6 \pm 0,3$
Поведенческая регуляция (ПР) / НПУ	$41,6 \pm 1,1$
Коммуникативный потенциал (КП)	$15 \pm 0,3$
Моральная нормативность (МП)	$11,6 \pm 0,3$
Личностный адаптационный потенциал (ЛАП)	$25,6 \pm 1,5$

У 52,6 % трудовых мигрантов – средний уровень коммуникативного потенциала (на русском языке), у 47,4 % – низкий. Несмотря на преобладание среднего уровня, необходимы программы адаптации и развития данного потенциала у трудовых мигрантов, поскольку низкий уровень данных способностей затрудняет построение новых контактов с работодателем, сотрудниками, местными жителями и, как следствие, снижает качество жизни человека.

Для 54 % респондентов характерны неправильное понимание структур и отношений в современных организациях, низкий уровень знания истории и культуры страны-реципиента, а также норм и правил поведения на новом месте проживания. При общении с мигрантами обращает на себя внимание их высказывания о том, что нахождение на территории России они расценивают как непродолжительный промежуток времени, за которым последует возвращение домой. Лишь немногие мигранты рассматривают Россию и город их нахождения как будущее место их постоянного жительства. В период миграции они планируют вести закрытый образ жизни, минимизируя общение с местными жителями, участие в жизни города, общества и взаимодействуя в основном со своими согражданами.

Заключение

Таким образом, трудовая миграция – это сложная жизненная ситуация, требующая высокой интеллектуальной, мотивационной и эмоциональной мобилизации личностного ресурса. В ходе исследования были выделены лишь 11 % трудовых мигрантов, для которых характерен средний уровень личностного адаптационного потенциала. Успех их адаптации зависит от социальных факторов и условий их жизнедеятельности.

Они обладают определенным уровнем эмоциональной устойчивости, но у них возможны эмоциональные срывы, проявление конфликтности. Все мигранты требуют индивидуального подхода для их адаптации и интеграции в новое социальное, культурное пространство и общество.

Ссылки

1. Денисов А. Ф., Дорофеев Е. Д. Культурно свободный тест интеллекта Р. Кеттелла: (Руководство по использованию). СПб.: Иматон, 1996. 17 с.

2. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. 490 с.

3. Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина // Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2006. С. 549–672.

A study of the homogeneity of perception and assessment of organizational culture by employees at an online trading enterprise

Y. Vasyuta¹, V. V. Kiselev¹

¹Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-152-165

Research article
Full text in Russian

The article presents the results of an empirical study of the subdominant features of the perception of organizational culture by employees in the online trading sector. It was revealed that the low level of the position held by the respondents contributes to their idea of the organizational culture as strict and formal (hierarchical), which leads to weak involvement in organizational processes and enhances their ability to adapt to the conditions of activity at the enterprise. At the same time, employees working remotely demonstrate a higher level of consistency, despite a relatively low understanding of the organization's mission. They assess the management style as more loyal, and the typology of organizational culture as adhocracy. The data obtained indicate the importance of understanding the psychological essence of differences in the perception of organizational culture to create a favorable working environment that contributes to the overall effective functioning of the enterprise and the psychological comfort of employees. The identified problem opens up new directions for further study of the psychological features of involvement in the organizational culture of the subject of labor in the context of a dynamic transformation of the working environment, and the results obtained can be used in the practical activities of corporate psychologists and HR consultants.

Keywords: organizational culture; subdominant features of organizational culture; superiority of perception; online trade workers; job level; work form; subculture

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vasyuta, Yulia | E-mail: vasyuta.didgitalpsy@gmail.com

Kiselev, Vadim V. | E-mail: quisellov@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Исследование однородности восприятия и оценки организационной культуры работниками на предприятии сферы онлайн-торговли

Ю. Васюта¹, В. В. Киселев¹

¹Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-152-165
УДК 159.99

Научная статья
Полный текст на русском языке

Представлены результаты эмпирического исследования субдоминантных особенностей восприятия организационной культуры работниками сферы онлайн-торговли. Выявлено, что низкий уровень занимаемой должности у респондентов способствует их представлению об организационной культуре как строгой и формальной (иерархической), что приводит к слабой вовлеченности в организационные процессы и усиливает их способность адаптации к условиям деятельности на предприятии. При этом сотрудники, работающие удаленно, демонстрируют более высокий уровень согласованности, несмотря на относительно низкое понимание миссии организации. Они оценивают стиль руководства как более лояльный, а типологию организационной культуры – как адхократическую. Полученные данные свидетельствуют о важности понимания психологической сущности различий в восприятии организационной культуры для создания благоприятной рабочей среды, способствующей общему эффективному функционированию предприятия и психологическому комфорту работников. Обозначенная проблема открывает новые направления для дальнейшего изучения психологических особенностей вовлеченности в организационную культуру субъекта труда в условиях динамичной трансформации рабочей среды, а полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности корпоративных психологов и HR-консультантов.

Ключевые слова: организационная культура; субдоминантные особенности организационной культуры; однородность восприятия; работники онлайн-торговли; уровень должности; формат работы; субкультура

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васюта, Юлия | E-mail: vasyuta.didgitalpsy@gmail.com
ассистент кафедры психологии труда и психологического консультирования

Киселев, Вадим Васильевич | E-mail: quisellov@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования

Введение

В современных условиях важность обеспечения роста экономической эффективности за счет использования инструментов онлайн-торговли требует серьезного подхода к стратегическому менеджменту, который обязательно должен учитывать психологические особенности влияния цифровизации на субъект труда и результаты его профессиональной деятельности. В этом контексте ключевую роль может играть организационная культура как одно из важнейших условий управления человеческими ресурсами. Являясь мотивационно-смысловым «пространством» взаимодействия сотрудников, организационная культура позволяет управлять их самооощущением и поведением посредством своей ценностной основы, идеологии, принципов взаимодействия, функций, философии, тем самым задавая темпы роста результатов и эффективности. Однако на практике её восприятие и оценка работниками практически всегда отличается от эталонного декларируемого образца, транслируемого корпоративными сайтами, а также устанавливаемого положениями и локальными нормативными актами предприятия. Все вышеперечисленное позволило сформулировать проблему настоящего исследования.

Актуальность данной статьи обусловлена текущими тенденциями бизнеса, отражена в инициативах государственных стратегических проектов [1–2], а также заключается в необходимости научного углубления и расширения понимания психологической сущности организационной культуры, подверженной влиянию глобализации и цифровой трансформации в важных отраслях экономики.

В качестве методологической опоры настоящего исследования за основу взяты труды, максимально объективно и точно раскрывающие проблему, с высокой доказательной и аналитической базой. Из зарубежных источников в контексте восприятия организационной культуры внимание было обращено к фундаментальной работе Э. Шейна [3, с. 117], глобальному верифицированному исследованию Д. Денисона [4, с. 207], концепции конкурирующих ценностей К. Камерона и Р. Куинна [5, с. 94].

В отечественной психологии отмечается концептуальный подход А. Н. Занковского, который особую роль при исследованиях организационной культуры отводит обязательному совместному с ней изучению лидерства и стиля управления [6, с. 87].

Попытка исследования однородности восприятия организационной культуры и ее психологической сущности в торговой отрасли проанализирована в статье Ю. И. Мельника, где автор представил результаты выявленной им рассогласованности представлений об организационной культуре у сотрудников торгового предприятия [7, с. 93].

Суть дефиниций самоощущения работника, работающего удалённо, рассмотрена в работах М. С. Притчина и С. А. Горина [8, с. 26], а также аналитической статье И. М. Гуровой [9, с. 130]. Авторы отмечают неизбежность изменений психологической структуры личности и управленческих основ предприятий в целом под влиянием цифровой трансформации условий осуществления профессиональной деятельности.

Важная научно-методологическая роль в замысле настоящего исследования отводится подходу Т. О. Соломанидиной [10, с. 74], в котором подчеркивается значимость изучения степени совпадения ценностей субкультуры и организационной культуры с учетом структурных элементов и уровней её носителей, что, на наш взгляд, наиболее полно раскрывает феноменологическую сущность данной предметной категории науки.

Опираясь на результаты теоретического анализа, было выдвинуто предположение, что не только отдельная формальная/неформальная группа или объединение «по интересам» внутри компании могут отражать проявленность субкультур, но и сам работник как штатная единица, в зависимости от занимаемого им уровня должности (или формата работы), может проявлять и воспринимать организационную культуру по-своему. Эта вероятность обусловлена штатной иерархией, в которой работник как субъект труда занимает определенную должностную роль, что влияет на его самоощущение и формирует определённые паттерны поведения, восприимчивости и реакций на происходящие процессы внутри организации. Однако в рамках данного предположения не хватало методологической опоры, при ссылке на которую можно было бы провести обоснованное психологическое исследование и выявить психологическую своеобразность субъекта труда, интегрированного в ту или иную должностную роль. Поэтому обращаясь к разработанной в СССР, но утратившей юридическую силу в настоящее время «Инструкции по статистике численности и заработной платы рабочих и служащих на предприятиях, в учреждениях и организациях» [11], в 2021 году была разработана уровневая модель категоризации персонала, которая по своей сущностной структуре является универсальным исследовательским инструментом, позволяющим применять её во множестве областей, при этом максимально фрагментарно раскрывать изучаемые явления и процессы [12, с. 73]. В рамках нашего исследования мы также опирались на основные термины и положения, изложенные в ГОСТ Р 51303-2013. Торговля [13] в таких разделах, как «Формы и виды торговли» [13, с. 6], «Торговые структуры и их виды» [13, с. 2], «Типы торговых предприятий» [13, с. 4].

Организация и методы исследования

В рамках эмпирического исследования проблемы было принято решение, что все выявленные психологические аспекты однородности восприятия и оценки организационной культуры должны иметь свою терминологическую опору, поэтому мы их обозначили «субдоминантными» (от лат. «sub» – «под», «dominans» – «господствующий»).

Цель исследования заключалась в изучении и анализе влияния уровня должности и формата работы в компании на восприятие и оценку организационной культуры.

Гипотеза исследования: в сфере онлайн-торговли организационная культура характеризуется неоднородными, субдоминантными особенностями проявления в восприятии работников в зависимости от уровня занимаемой ими должности и формата осуществления трудовой деятельности, проявляясь свойствами субкультуры.

Помимо теоретического анализа в число *исследовательских методов* данной работы входят:

-эмпирические методы: беседа с владельцем предприятия, и такие тестовые инструменты, как методика «Диагностика стилей руководства» А. Л. Журавлева [14, с. 169], методика оценки организационной культуры «OCAI» К. Камерона и Р. Куинна [5, с. 218], модель диагностики «DOCS» Д. Денисона (модификация То Т. Ч.) [15, с. 5];

-статистические методы: описательные статистики данных, тест Левена, ANOVA (двухфакторный дисперсионный анализ) с последующим апостериорным сравнением групп между собой с использованием поправки Холма. Обработка полученных данных произведена самостоятельно с помощью программы Jamovi, а также MS Excel.

Эмпирическая база представлена работниками одной организации из сферы онлайн-торговли, локализирующейся в Московской области (табл. 1). Общее количество испытуемых – 106 человек, что составило 84 % от общего количества штатных сотрудников. Стаж работы – от 1 месяца до 12 лет, возраст и гендерные параметры респондентов учету не подлежали. Исследование проводилось в период с ноября 2021 по май 2023 года.

Результаты

Следует отметить, что представителем У-1 (топ-менеджмент) в настоящем исследовании выступает владелец компании, поэтому результаты, полученные в ходе работы с ним, не учитываются в процессе статистического анализа ввиду несопоставимости групп: $n_1=1$ (топ-менеджмент) и $n_2=105$ (руководители структурных подразделений, ведущие/старшие

специалисты и рядовые работники). В целом в беседе им отмечалось, что ещё у истоков формирования бизнеса (2012 год) он старался использовать коллегиальные принципы управления и на момент интервьюирования оценивал их таковыми. По ценностному содержанию организационная культура им была охарактеризована как рыночная, среднего уровня развития.

Таблица 1

Структура эмпирической выборки

Уровень занимаемой должности	Численность респондентов среди работников предприятия онлайн-торговли	
	работающих в офисе	работающих удаленно
Топ-менеджмент: CEO (У-1)	1	
Руководитель отдела, начальник департамента, директор (У-2)	10	8
Ведущий/старший специалист (У-3)	23	18
Рядовые сотрудники (У-4)	24	22
<i>Общая численность</i>	58	48

Приступая к непосредственному статистическому анализу по остальным респондентам, при обработке данных ANOVA, мы произвели предварительный расчет критерия Левена для оценки равенства дисперсий как вводного условия применения двухфакторного дисперсионного анализа и избежания ошибки I типа (False Positive). Итоги расчетов показали допустимые уровни значений (в 73 % переменных дисперсии были равны), после чего было принято решение компенсировать точность данных применением поправки Холма, являющейся очень строгим математическим критерием.

В нашем исследовании за основу разъяснения взяты только данные статистически значимых всеобъемлющих моделей и результаты апостериорного сравнения групп между собой. Принцип сравнения в программе Jamovi был следующий: с учетом уровневой структуры должностей работающие в офисе сравнивались с работающими в офисе, работающие удаленно – с работающими удаленно и работающие в офисе – с работающими удаленно.

Для лучшей наглядности и уменьшения интерпретационной нагрузки результаты представлены в виде *дисперсионных апостериорных матриц различий* с визуализацией статистически значимых от-

личий в восприятии оцениваемых признаков (в зависимости от уровня занимаемой должности и формата работы).

По оценке стиля руководства (табл. 2) как управленческой основы организационной культуры выявлены статистически значимые различия. Так, восприятие директивности возрастает «сверху-вниз», поэтому представители категории ведущих/старший (У-3) и рядовые работники (У-4), трудящиеся в офисе, оценивают его как директивный, в отличие от тех же категорий, работающих удаленно, воспринимающих стиль руководства как коллегиальный. Непосредственное руководство (У-2) вышеперечисленных категорий сотрудников с сильным статистическим эффектом (Коэн d =1.876), также как и представители удалённого формата У-3 и У-4, определяет стиль руководства в компании как коллегиальный.

Таблица 2

Различия восприятия стилей руководства (p-Holm)

Директивный

Всеобъемлющая модель $F(5, 100) = 52,68, p < .001; \eta^2 = 0.079$	офис	офис		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3	$p < .001$		
	У-4	$p = 0.05$	$p < .001$	
	офис	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3		$p = 0.05$	
У-4			$p < .001$	

Коллегиальный

Всеобъемлющая модель $F(5, 100) = 12,59, p < .001; \eta^2 = 0.149$	удаленно	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3			
	У-4			
	офис	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2		$p = 0.05$	
	У-3		$p < .001$	
У-4			$p < .001$	

Важными результатами являются данные ANOVA по методике «OCAI» (табл. 3), раскрывающей ценностно-типологическую суть восприятия организационной культуры. Примечательно, что по полученным расчетам категория офисных руководителей (У-2) характеризует организационную культуру как *адхократическую* (умеренная свобода, креативность, инициативность), не отличаясь от аналогичных позиций сотрудников, работающих удаленно, но при этом их непосредственные офисные подчинённые (усиление по градации «сверху-вниз») характеризуют её строгой *иерархической* бюрократической системой с жесткими установками и требованиями. С сильным статистическим эффектом (Коэн $d = -2,138$) рядовые работники (У-4), осуществляющие трудовую деятельность удаленно, также отличаются восприятием организационной культуры (как адхократической) от уровня ведущих удаленных специалистов (У-3) и представителей аналогичного уровня, трудящихся в офисе.

Таблица 3

Различия восприятия типов организационной культуры (p-Holm)

Иерархическая

Всеобъемлющая модель $F(5, 100) = 23,67, p < .001; \eta^2 = 0.265$	офис	офис		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3	$p < .001$		
	У-4	$p < .001$	$p = 0.05$	
	офис	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3			$p = 0.05$
	У-4			$p < .001$

Адхократическая

Всеобъемлющая модель $F(5, 100) = 27,03, p < .001; \eta^2 = 0.129$	удаленно	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3			$p = 0.05$
	У-4			
	офис	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3			$p = 0.05$
	У-4			$p < .001$

Различия восприятия параметров организационной культуры (p-Holm)

Способность к адаптации

Всеобъемлющая модель $F(5, 100) = 4,63, p < .001; \eta^2 = 0.081$	удаленно	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3			
	У-4	$p < .001$	$p = 0.05$	
	офис	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			$p = 0.05$
У-3			$p = 0.05$	
У-4			$p = 0.05$	

Согласованность

Всеобъемлющая модель $F(5, 100) = 2,84, p = 0.020; \eta^2 = 0.065$	офис	офис		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3			
	У-4			
	офис	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
У-3				
У-4			$p = 0.05$	

Миссия

Всеобъемлющая модель $F(5, 100) = 2,54, p = 0.033; \eta^2 = 0.088$	офис	офис		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3			
	У-4		$p = 0.05$	
	офис	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
У-3		$p = 0.05$		
У-4				

Вовлеченность

Всеобъемлющая модель $F(5, 100) = 8,28, p < .001; \eta^2 = 0.138$	офис	офис		
		У-2	У-3	У-4
	У-2			
	У-3			
	У-4		$p = 0.05$	
	офис	удаленно		
		У-2	У-3	У-4
	У-2	$p < .001$		
У-3	$p < .001$			
У-4	$p < .001$			

По обобщенным шкалам модели «DOCS» Д. Денисона различия выявлены по всем измерениям, входящим в модель (табл. 4). Так, представители рядового уровня (У-4) демонстрируют крайне высокую степень способности к адаптации как показателя организационной культуры в отличие от иных категорий работников. При этом у сотрудников, работающих в офисе (У-4), это значение выше, чем у работающих удаленно.

Категория офисных ведущих/старших специалистов (У-3) отличается высокими показателями понимания миссии предприятия, в то время как удаленные респонденты этой категории имеют очень низкие значения.

По показателю согласованность апостериорные тесты зафиксировали различия только по оценке и восприятию данной шкалы в зависимости от формата работы. У рядовых сотрудников, работающих удаленно, (У-4) согласованность значительно выше, чем у офисных.

По уровню вовлеченности как концептуальной основы организационной культуры офисные работники (У-4) отличаются особо низкими показателями, при этом офисные ведущие/старшие имеют очень высокий уровень вовлеченности, но ниже, чем У-3 удаленного формата.

Интегральный показатель организационной культуры по модели DOCS (уровень развития) имеет следующее значение всеобъемлющей модели: $F(5, 101) = 8,28, p < .001; \eta^2 = 0.138$. Для большей наглядности различия в восприятии продемонстрированы в виде графика предельных средних на рис. 1.

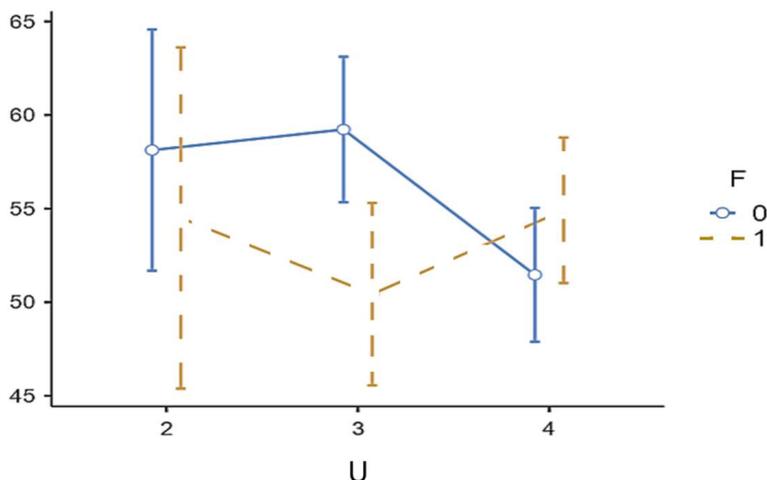

Рис. 1. Различия восприятия и оценки организационной культуры работниками (по модели DOCS) на предприятии онлайн-торговли:

У – уровень должности, F – формат работы (0 – в офисе; 1 – удаленно)

Стоит отметить, что в основном результаты отличаются от субъективного мнения топ-менеджера (У-1), что является признаком «разрыва» эталонного представления в восприятии между руководством и реальной ситуацией, демонстрируемой подчинёнными. В целом выдвинутая нами гипотеза нашла своё подтверждение.

Обсуждение результатов

Итоги статистического анализа полученных эмпирических данных, представленные в данной статье, дополняют исследование Ю. И. Мельника в рамках схожей проблематики [7]: наше исследование позволило установить, что в сфере онлайн-торговли должностная роль (уровень занимаемой должности) и формат работы занимают доминирующее положение в формировании представления об организации, о её руководстве и психологической обстановке в целом. Достаточно сильные различия в оценке организационной культуры позволяют прийти к заключению, что отдельный работник в индивидуальном порядке может быть источником субкультуры для своих коллег, о чем говорят выявленные нами субдоминантные особенности в восприятии. Этот факт расширяет научные представления о принципах формирования данного явления, поскольку ранее считалось, что носителем субкультуры могут быть только групповые субъекты – коллективы структурных подразделений, малые группы или неформальные объединения.

Особого внимания к себе требует выявленная дифференциация восприятия у рядовых сотрудников, работающих в офисе, ввиду того что их результаты фиксируют слишком явное искажение, которое может иметь негативное влияние как на них самих, так и на функционирование организации. Отсутствие целостного восприятия психологического культурного пространства на предприятии онлайн-торговли свидетельствует о наличии проблемы разрыва коммуникаций, неравенстве в возможностях для выполнения задач, слабо развитой внутриорганизационной идентичности, низком качестве стратегии управления и конфликтности рабочей среды. Для решения описанных нами проблем требуется психологическое обеспечение вовлеченности всех сотрудников в организационную культуру и сохранение единства корпоративных ценностей.

Рассматривая выявленные нами в ходе исследования субдоминантные особенности, отметим, что работники онлайн-торговли часто имеют большую степень свободы в организации своего рабочего времени и пространства. Эта автономия способствует формированию восприятия организационной культуры как демократичной, а сами работники в большей степени осознают персональную ответственность за решение

своих трудовых задач. В офисах, наоборот, часто присутствует высокая степень стресса из-за необходимости следовать строгим регламентам и выполнять задачи в условиях постоянного контроля, что приводит к восприятию стиля управления как авторитарного или бюрократического, снижая уровень вовлеченности работников из-за негативной оценки организационной среды.

Заключение

Подводя итог проведенного нами исследования, можно прийти к следующим выводам:

1. Организационная культура современного предприятия онлайн-торговли – динамичная, неоднородная психологическая структура, которая постоянно трансформируется под влиянием разнообразных факторов, таких как усиленная цифровизация и быстро меняющиеся рыночные условия. В рамках одной организационной среды может находиться множество субкультур, наличие которых обусловлено особенностями восприятия работниками миссии и целей компании, исходя из своей должности или формата работы. Это создает как возможности для технологизации и креативности, так и вызовы в управлении трудовым коллективом, поскольку наличие субкультурных различий приводит к формированию инновационно и консервативно настроенных групп работников, противодействующих друг другу;

2. Выявленные субдоминантные особенности восприятия организационной культуры работниками сферы онлайн-торговли требуют от руководства предприятия постоянного мониторинга настроений в организации и адаптации стратегий управления к быстро меняющимся условиям трудовой деятельности;

3. Представители руководящих должностей находятся в поле высокого карьерного статуса и, как правило, имеют доступ к более широкой информации о стратегических целях компании, поэтому у них более позитивное восприятие уровня и ценностной основы организационной культуры;

4. Работники, находящиеся на рабочем месте в офисе, имеющие непосредственный контакт с вышестоящим руководством, получают больше контролирующего внимания, а потому имеют высокую степень способности к адаптации (способность к консенсусу) и низкий уровень вовлеченности в организационную культуру, что обусловлено активизацией концентрации их внимания на выполнении конкретных трудовых операций.

Данная публикация является фрагментом научного исследования, посвященного психологическим особенностям вовлеченности работников

в организационную культуру. Само содержание выявленных субдоминантных особенностей восприятия организационной культуры предполагается получить через проведение корреляционного анализа и учет критериев эффективности деятельности.

Ссылки

1. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // Правительство Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>
2. Проект стратегии развития торговли в Российской Федерации до 2025 года // Официальный портал органов государственной власти Еврейской автономной области. URL: https://www.eao.ru/upload/medialibrary/5c3/Стратегия_развития_торговли_до_2025_года.pdf
3. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство: пер. с англ. / под ред. В. А. Спивака. СПб.: Питер, 2002. 336 с.
4. Denison D. R., Haaland S., Goelzer P. Corporate culture and // Advances in Global Leadership. Emerald Group Publishing Limited, 2003. Vol. 3. P. 205-227. DOI 10.1016/s1535-1203(02)03011-3.
5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и измерение организационной культуры. СПб.: Питер, 2001. 320 с.
6. Занковский А. Н. Организационное лидерство в пространстве корпоративной культуры: специальность 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика»: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2012. 333 с.
7. Мельник Ю. И. Представления об организационной культуре сотрудников торгового предприятия: интеграция, дифференциация или фрагментация? // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 1. С. 89–105.
8. Притчин М. С., Горин С. А. Перспективы развития института удалённой работы в России // Московский экономический журнал. 2020. № 9. С. 26–31. DOI 10.24411/2413-046X-2020-10604.
9. Гурова И. М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11, № 2. С. 128–147. DOI 10.18184/2079-4665.2020.11.2.128-147.
10. Соломанидина Т. О. Организационная культура в таблицах, тестах, кейсах и схемах: учебно-методические материалы. М.: ИНФРА-М, 2020. 395 с.

11. Инструкция по статистике численности и заработной платы рабочих и служащих на предприятиях, в учреждениях и организациях (утв. Госкомстатом СССР 17.09.1987 № 17-10-0370) (в ред. писем Госкомстата СССР от 13.12.90 N 17-24/6-72, Госкомстата РФ от 20.04.93 N 6-1-1/87) // Консультант Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11/f7edef9d64f905eddb3694de153da23ffca49b18/

12. Васюта Ю. Ключевые аспекты и методология изучения организационной культуры российских предприятий: от актуальности до практик ориентированности // Человеческий капитал. 2022. № 1. С. 68–78. DOI 10.25629/НС.2022.01.07.

13. ГОСТ Р 51303-2013. Торговля. Термины и определения: нац стандарт Российской Федерации: утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28. авг. 2013 № 582-ст. // Юридическая информационная система «Легалакт: сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-51303-2013-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii/>

14. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие для студентов вузов. М.: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2002. 488 с.

15. То Т. Ч. Интегральная методика исследования организационной культуры // Интернет-журнал «Наукovedение». 2015. Т. 7, №1, С. 1–17. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/115EVN115.pdf>. DOI 10.15862/115EVN115.

Thirty years in the service of social psychology in the law enforcement system

V. I. Nazarov¹, S. A. Kornev¹, S. V. Pantyushina¹, I. Y. Kiselev²

¹Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

²P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-166-176

Research article
Full text in Russian

The article analyzes the relevance of using the textbook "Fundamentals of socio-psychological theory" in professional education. The authors emphasize that the textbook in question, being supplemented with modern scientific material, can be used to study modern social psychology. The main task of the jubilee book remains relevant - to help students understand the complex variety of socio-psychological processes, phenomena and phenomena. During the period of socio-social transformations, the Fundamentals of Socio-Psychological Theory not only described the theory and methodology of its application in the educational process, but also became an indispensable practical guide for citizens in the field of professional activity related to the psychology of society. The authors of the article analyze the structure of the manual in question, and note that its release served as an impulse to such a popular and productive direction in modern domestic social psychology as metacognitivism.

Keywords: social psychology; textbook; socio-psychological processes; metacognitivism

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Nazarov, Vladimir I. | E-mail: vi-nazarov@yandex.ru
D. Sc. (Psychology), Professor

Kornev, Sergey A. | E-mail: kornevbox@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Pantyushina, Sofiya V. | E-mail: politpsich@mail.ru
Cand. Sc. (Psychology)

Kiselev, Igor Y. | E-mail: kisselev@uniyar.ac.ru
D. Sc. (Sociology), Professor

Тридцать лет на службе социальной психологии в системе правоохранения

В. И. Назаров¹, С. А. Корнев¹, С. В. Пантюшина¹, И. Ю. Киселёв²

¹Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

²Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2025-1-166-176
УДК 316.6

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье анализируется актуальность использования в профессиональном образовании учебного пособия «Основы социально-психологической теории», написанного авторским коллективом. Авторы статьи подчеркивают, что рассматриваемое учебное пособие, будучи дополнено современным научным материалом, может использоваться для изучения современной социальной психологии. Актуальной остается главная задача книги-юбилера – помочь обучающимся разобраться в сложном многообразии социально-психологических процессов, явлений и феноменов. В период социально-общественных трансформаций «Основы социально-психологической теории» не только описывали теорию и методiku ее применения в образовательном процессе, но и становились незаменимым практическим руководством для граждан в сфере профессиональной деятельности, связанной с психологией общества. Авторы статьи проводят анализ структуры рассматриваемого пособия и отмечают, что его выход послужил импульсом к такому популярному и продуктивному направлению в современной отечественной социальной психологии, как метакогнитивизм.

Ключевые слова: социальная психология; учебное пособие; социально-психологические процессы; метакогнитивизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Назаров, Владимир Иванович | E-mail: vi-nazarov@yandex.ru
Доктор психологических наук, профессор

Корнев, Сергей Александрович | E-mail: kornevbox@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования

Пантюшина, София Владимировна | E-mail: politpsych@mail.ru
Кандидат психологических наук, доцент кафедры непрерывного психолого-педагогического образования

Киселёв, Игорь Юрьевич | E-mail: kisselev@uniyar.ac.ru
Доктор социологических наук, профессор

В 2025 году исполняется 30 лет со времени публикации и внедрения в образовательный процесс учебного пособия «Основы социально-психологической теории» (Рязань: Рязанский ин-т права и экономики МВД РФ, 1995). Издание вышло под редакцией А. А. Бодалева и А. Н. Сухова и до настоящего времени остается уникальным примером использования отечественных методических принципов в исследованиях дидактики сложных социально-психологических процессов, общественных явлений и феноменов [1].

Надо сказать, что в научный оборот пособие было введено очень вовремя, как бы в ответ и насущным научным потребностям, и общественным запросам периода 1990-х годов, по известным причинам крайне непростого и для России, и для постсоветского пространства. Своевременным и необходимым оказалось оно и с практической точки зрения.

Между тем, как известно по результатам исследований, к 1994 году в российском социуме стали проявляться признаки относительной адаптации граждан к происходящим в стране реформам, начатым еще в эпоху горбачевской Перестройки, а соответственно, намечалась определенная стабилизация общественно-социальных процессов [2]. Однако это движение к стабильности оказалось довольно кратковременным, не переросло в устойчивую тенденцию. Уже в конце 1994 года уровень стабилизации вновь стал снижаться, что грозило новым обострением проблем социального характера, в том числе и ростом криминогенности. (Кстати, последовавший вскоре дефолт можно считать не только венцом этого нового обострения, но и предпосылкой нарастания дальнейших витков социальной нестабильности).

Общественная нестабильность 1990-х годов закономерно отражалась и на системе профессионального образования и, быть может, особенно на её структурах, обеспечивающих подготовку специалистов для правоохранительной системы. Здесь явно требовалась уже совершенно иная дидактика. И «Основы социально-психологической теории» вовремя предложили ее. Во всяком случае, материалы данного пособия способствовали углубленному пониманию принципов и закономерностей происходящих социально-общественных процессов. В свою очередь, система профессионального образования, в том числе получив это научно-теоретическое и методико-практическое подспорье, начала вырабатывать соответствующий императив, который позволил ей в дальнейшем готовить специалистов к профессиональной деятельности с учетом быстро изменяющихся и в силу этого более трудных условий жизни социума.

Иными словами, выход пособия в существенной мере отвечал своего рода социальному заказу. В «Основах социально-психологической теории» не только разработаны так необходимые специалистам (социальным психологам) теория и методика ее применения в образовательном процессе. Они стали незаменимым практическим руководством для граждан (далеко не только правоохранителей) в сфере их профессиональной деятельности, связанной с психологией общества (тех или иных социальных групп и сообществ).

В связи с вышеизложенным стоит отметить, что и современная ситуация также повышает актуальность рассматриваемого учебного пособия как своеобразного аналога и путеводителя в море проблем и вопросов социальной психологии, когда главной трудностью становится не столько поиск необходимой и достоверной информации, сколько ее конкретика, полнота и качество. Актуальной до сего дня остается и главная задача книги-юбилея – помочь обучающимся разобраться в сложном многообразии социально-психологических процессов, явлений и феноменов, найти пути и методы, способные привести к уменьшению их пагубного влияния в социуме.

При этом будущих специалистов «Основы социально-психологической теории» настраивают на активное использование в своей профессиональной деятельности прежде всего результатов социальной психологии как науки об обществе и результатах его трансформаций. Целый ряд установленных и выявленных новых закономерностей социально-психологического плана стал в пособии фактической базой для обобщения и применения в образовательной сфере. Так, содержащиеся в нем материалы указывают на ограниченность роли ряда прежних, еще недавно казавшихся незыблемыми постулатов, а в частности, так называемого экономического детерминизма, сводящего проблемы социума только к экономике. Авторы «Основ социально-психологической теории» убедительно доказывают, что экономика, при всем ее значении и важности, далеко не единственная составляющая, определяющая общественные процессы, влияющая на происходящие реформы и формирующиеся следствия.

Большому авторскому коллективу (42 человека) издания удалось аккумулировать, а также наглядно и доступно представить и изложить профессионально заинтересованным читателям по сути весь наиболее передовой на тот момент научный опыт отечественных лабораторий, а также академический опыт группы авторов и редакторов под руководством академика А. А. Бодалева. Особенно важно подчеркнуть, что все представленные исследования и разработки были выполнены и обобщены в сложный период социально-психологических трансформаций, происходивших в России конца XX века. Соответственно, второй редактор пособия проф. А. Н. Сухов отметил в предисловии к изданию: «Подлинно отечественную социальную психологию как направление научного знания могут создать те, кто знает действительность не теоретически, а изнутри. Это не отрицание мировой социально-психологической теории, а констатация фактов. Нельзя в современных социально-исторических условиях исходить из сложившихся в прошлом теоретических схем» [1].

Наглядно была отражена в «Основах социально-психологической теории» эволюция новых экспериментальных взглядов: от изучения поведения субъектов (групп) к исследованию организации систем на все более глубоких уровнях человеческой сущности (ценностей, смыслов, идеалов и др.), показана динамика исследовательского интереса к психологическому аспекту поведения – то, как на протяжении многих десятилетий этот интерес то поч-

ти исчезал, то возрождался. В частности, в 1990-е годы в отечественной науке о человеке социума было принято говорить как «думающем», «реагирующем», «социальном и экономическом» субъекте, стремящемся сохранять этническую принадлежность и др. В этой связи А. Л. Журавлев и др. [3–5] отмечали, что в повседневной жизни представитель социума сталкивается с разнообразными, но важными для научного познания общества социально-психологическими явлениями, которые возникают в силу общения на базе новых ценностей. Это происходит в ролевых и межличностных, межгрупповых отношениях, в конфликтах и т. п. явлениях. В каждом случае социального взаимодействия людей процессы переплетены и не ограничены влиянием только психологии. Однако большинство подобных явлений как возможная информационно-результативная база остаются недостаточно изученными, т. е. составляют императив для новых изысканий.

«Основы социально-психологической теории» одними из первых указали и на необходимость исследования явлений и процессов «нового социума», на недостаточную взаимосвязь между «теоретиками» и «практиками» в социальной психологии. Подчеркивалось, что многие прогнозы и гипотезы, решения и рекомендации, которые были сделаны ранее, надо уже признавать несостоятельными в силу устаревших взглядов, не способствующих преодолению разрыва теории и практики. Соответственно, осознавалась насущная потребность в пересмотре ряда позиций социально-психологической теории с учетом меняющихся реалий и того, что стали называть «переустройством мира», включая глубокие социальные трансформации 1990-х годов. Данными факторами вполне объясняется то, что рассматриваемое учебное пособие отстывает от традиционных канонов научного изложения.

В целом концепция «Основ социально-психологической теории» отражает многообразие психологических процессов социально-общественной жизни, включая вопросы криминогенного характера, а структура издания раскрывает исследовательскую логику авторов в анализе эволюции современной социальной психологии – от характеристики явления (феномена) к последовательному анализу его элементов.

Пособие включает шесть разделов, логически связанных и построенных по единой схеме с отражением новаций и характеризующих их обобщений. Обращают на себя внимание достаточно новые для отечественных изданий того да и частично текущего периода параграфы: «Структура социально-психологической теории и её значение для деятельности органов внутренних дел», «Характеристика социально-психологических типов личности», «Социально-психологическое понятие отклоняющегося поведения», «Понятие и виды малых неформальных групп, возникновение и развитие малой неформальной группы», «Социально-психологическая классификация преступных общностей», «Семья как объект социально-психологических исследований», «Понятие и классификация общностей и социальных институтов», «Социально-психологическое консультирование», «Социально-психологический анализ компонентов массовой коммуникации», «Понятие

и функции моды и рекламы», «Теории социально-психологического воздействия», «Техника установления психологического контакта и доверительно-го общения» и др.

Таким образом, «Основы социально-психологической теории» представляют собой комплексный продукт, в котором материал изложен системно, с применением взаимосвязанных критериев для конкретных условий, что доказывает правомерность и практичность предлагаемого авторами подхода к обучению профессиональным решениям социально-психологических задач по охране правопорядка.

При этом в пособии, подчеркнем это еще раз, намечены выходы к аспектам социальной психологии, интересным не только с точки зрения правоохранения. Однако криминологический уклон пособия позволил авторам нагляднее и убедительнее представить своим профессионально ориентированным читателям особенности и драматизм ситуации тех лет, когда фундаментальные изменения происходили глобально, а нравственный и духовный кризис в виде коррупции, наркомании и роста преступности представлял для современников большую угрозу, быть может даже сопоставимую с угрозой ядерного конфликта. Попытки осмысливать и решать подобного рода вопросы привели к выявлению недостатков в социальной психологии того периода теоретических подходов и средств коррекции негативных явлений. В перспективе, несмотря на свой тридцатилетний возраст, «Основы социально-психологической теории», будучи дополнены современным научным материалом с учетом теоретических подходов настоящего периода, могут использоваться для изучения современной социальной психологии, причем психологии самых разных общественных групп. По сути, последнее уже и доказывается новейшими научными исследованиями. Ведь в них реализуются в том числе идеи и пути, явно или неявно высказанные или только пунктирно намеченные в «Основах социально-психологической теории». Разработчики пособия продемонстрировали свое богатое творческое начало и умение предвидеть будущие социально-психологические трансформации.

Сегодня, спустя три десятилетия, уже не приходится особенно доказывать, что решение редакторов и авторов пособия-юбиляра содержательно и иллюстративно основывалось на результатах исследований научных лабораторий и ведущих в своих направлениях специалистов оправдало себя целиком и полностью. Несомненно и то, что многие исследовательские подходы и даже целые исследовательские направления, имея подобный императив, получили признание и поддержку; способствовали активизации исследований, перспективам научного роста. Для значительного числа научно-творческих групп психологов возник своеобразный феномен спонтанной активизации исследований. Полученные в них результаты продуктивны для более глубокого осмысления и прикладного использования социально-психологических механизмов происходящих процессов.

В настоящее время отчетливо прослеживается и то, что многие проблемы современной социальной психологии тоже начали научно и системно

осмысливаться именно авторами рассматриваемой книги. Безусловно, сказанное относится и к такому популярному и продуктивному направлению в современной отечественной социальной психологии, как метакогнитивизм. Так, отечественные изыскания в области метакогнитивизма именно с выходом «Основ социально-психологической теории» получили большой импульс. Во всяком случае, вряд ли случайно совпало, что период с 1995 года по настоящее время отмечен крупными успехами и достижениями целого ряда ученых. При этом значительный вклад в разработку, обоснование, развитие и углубление данной социально-психологической теории принадлежит ученым и практикам Ярославской психологической школы, авторитетной и известной далеко за пределами данного региона, да и не только в нашей стране.

Между тем метакогнитивизм как самостоятельное направление исследований в сфере психологии возник в последней трети XX века (в качестве одной из отраслей когнитивной психологии). Основоположителем метакогнитивизма как отдельной области психологии является Д. Флейвелл – специалист в области психологии развития и когнитивной психологии [6]. Во всяком случае, он считается пионером в области метакогнитивных исследований, поскольку его труды определили начало развития метакогнитивного направления в современной научной психологии. В настоящее время в рамках данного подхода ученые уделяют внимание исследованиям, направленным на решение прикладных вопросов и практикоориентированных задач в большем объеме, чем в предыдущие годы.

Метапознание определяется Дж. Флейвеллом как психическая деятельность человека, в процессе которой осуществляются изучение, контроль и управление собственными познавательными процессами [7]. Основной идеей концепции метапознания является определение «мышления относительно собственного мышления» [8]. Это может касаться того, что, прежде всего, находится в области знания субъектом, того, какую деятельность он осуществляет и каково его текущее когнитивное и эмоциональное состояние.

Исследователи отмечают, что в любых когнитивных взаимодействиях между людьми (или между человеком и средой) участвует множество процессов переработки информации. Метапознание в таком контексте обозначает «процессы активного мониторинга, регуляции и согласования когнитивных операций с внешней средой» [9]. Уже с периода взросления ребенок учится выборочно обновлять в памяти и использовать всю информацию, связанную с решением текущих задач. На дальнейшем этапе ребенок начинает систематизировать информацию не только о текущих, но и о прогнозируемых задачах [10].

Согласно результатам исследований, в подростковом возрасте наблюдаются более тесные связи между метакогнитивными способностями и эффективностью деятельности, чем у взрослых, у которых связи между метапроцессами и соответствующими аналитическими «первичными» когнитивными процессами становятся более опосредованными, множественными и образу-

ют единую структуру, определяющую эффективность как когнитивных, так и познавательных процессов [9].

Разработчиками направления признано обобщенное определение термина «метакогнитивный опыт» как сложного комплекса, совмещающего в себе когнитивный и эмоциональный компоненты, который позволяет индивиду участвовать в различных видах деятельности [8]. Он обеспечивает общую метакогнитивную оценку предпринятых действий: понимание или непонимание информации, субъективную легкость или сложность обновления материала, успех или неудачи в деятельности, направленной на достижение цели [9].

В это же обобщающее понятие включаются метакогнитивные знания человека о себе, своих задачах и стратегиях их реализации, а также структурирования прошлого опыта и отслеживания событий на основе непосредственно доступных данных. Для согласования процессов существует метакогнитивная регуляция деятельности, основной целью которой является поиск ресурсов, соответствующих поставленной цели [7].

Метакогнитивные процессы являются деятельностным отражением метакогнитивного опыта, что выражается в способности сознательно контролировать и регулировать свои собственные знания, мыслительные процессы, мотивационные и эмоциональные состояния [11].

1971 год ознаменовался первым случаем употребления термина «метапамять», обозначающего способность субъекта к отслеживанию и управлению процессами запоминания, хранению и описанию информации [12]. Помимо метапамяти Дж. Флейвелл и другие психологи сосредоточили внимание на таких процессах, как метамышление, метавнимание, метакогнитивный мониторинг и др. Они определяли их как совокупность человеческих знаний об особенностях когнитивной сферы и способах ее контроля [13].

Особое внимание среди всех метапознавательных процессов уделяется процессу рефлексии как состоянию презентированности психики самой себе, т. е. способности психики представлять себя [12]. А. В. Карпов внес большой вклад в развитие психологического понимания рефлексии в рамках метакогнитивной психологии, определив ее как процесс осознания и анализа собственных когнитивных процессов [9]. Рефлексия включает в себя восприятие собственных мыслей, чувств и поведения, а также способность оценивать эффективность своей деятельности и вносить изменения в свое мышление и действия [14]. Рефлексия в данном контексте помогает распознавать и анализировать метакогнитивные состояния и процессы, их содержание, структуру и способы выражения [12]. Это позволяет отличать метакогнитивные процессы от когнитивных, определять роль метакогнитивных процессов в коммуникации и познании, выявлять асимметрию метакогнитивных состояний и изучать их взаимосвязь с психологическими, эмоциональными и коммуникативными аспектами. «Познание представляет собой стадийный процесс, и, когда познающий делает паузу, чтобы подумать о том, что он знает, он использует рефлексия. При этом метапознание представляет со-

бой осознаваемую, отслеживаемую и регулируемую паузу, задача которой – определить, как именно познающий думает о своем познании и в правильном ли направлении он движется к цели» [9]. Метакогнитивные процессы опосредуются наличием у человека и уровнем развития метакогнитивных качеств личности [9].

В 2002 году психологи С. Тобиас и Д. Эверсон выделили 4 основных метакогнитивных свойства (качества) личности: 1) метакогнитивная включенность в деятельность, 2) использование стратегий (прогнозирование психологической активности), 3) планирование действий, 4) самоконтроль [13]. В ситуациях активных трансформаций социума метакогнитивная (психологическая) включенность субъекта в деятельность подразумевает его склонность наблюдать за ходом своих мыслей и осознавать, что и какую среди значимых мыслей и стратегий человек использует при решении жизненных задач. Использование стратегий – это склонность личности извлекать важное из ситуаций, анализировать и сравнивать знания с навыками, уже имеющимися у человека, прежде чем приступить непосредственно к решению проблемы, и использовать различные подходы для понимания ситуации [15]. Планирование действий заключается в определении будущего результата своей деятельности, направленной на решение проблемы [16]. Самоконтроль проявляется в склонности индивида к повторному пересмотру своей работы по решению проблемы и возвращению к пройденным этапам деятельности для их оценки [9].

В отечественной психологии предтечей изучения метапознавательной сферы стала разработка С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым и др. различных аспектов проблемы саморегуляции мышления [7]. В соответствии с деятельностным подходом психика человека формируется и проявляется в его практической деятельности, как следствие, подлежит исследованию именно в процессе деятельности – внутренней или внешней [17]. Сущность метакогнитивной психологии была обозначена в культурно-историческом подходе Л. С. Выготского. Согласно ему, высшие психические функции представляют собой «процесс овладения нашими собственными реакциями» [18], и характеристики этих психических функций могут быть отнесены к описанию явления метапознания. Работы ряда авторов раскрыли важнейшие черты человеческой деятельности: осознанность, внимательность, целенаправленность, предметность, орудийность [19]. Все эти характеристики также относятся к когнитивной деятельности, включая метакогнитивную деятельность по своей природе [20]. Именно наличие особых метакогнитивных процессов делает возможной саморегуляцию познания, которая превращает хаотичную познавательную активность в сознательную и организованную деятельность [13]. В российской науке и сегодня (в работах М. А. Холодной, А. В. Карпова и др.) направление исследований метапознания, связанное с вопросами саморегуляции способностей, отчетливо выделяется как перспективное для теоретико-прикладных изысканий. При этом для Ярославской школы психологов остается характерным сочетание направлений теорети-

ко-фундаментальных и перспективных прикладных исследований. Выделяется следующая тематика текущего периода их изысканий в области метакогнитивизма: «Теория и практика оптимизации образовательного процесса в вузе и школе»; «Психология принятия решения в управленческой деятельности»; «Методологические основы психологического анализа информационной деятельности»; «Метакогнитивная регуляция информационной деятельности»; «Метасистемная организация индивидуальных качеств личности»; «Теория и практика образовательного процесса» и др. [21–25].

Отечественные психологи, в том числе и представители Ярославской школы, выделяют составляющие метапознания, обеспечивающие произвольный интеллектуальный контроль: способность планировать цели и подцели собственной интеллектуальной деятельности [26], определять средства ее осуществления и последовательность действий, способность предвидеть последствия принятых решений и возможные изменения ситуации; оценивать качество отдельных этапов интеллектуальной деятельности, а также собственные знания; способность останавливать или замедлять собственную интеллектуальную деятельность, когда это необходимо [20]; способность выбирать и изменять стратегии собственного обучения [27].

Таким образом, метапознание объясняется как процесс использования рефлексии для сознательного рассмотрения собственного мышления, осознания стратегий мыслительной деятельности. Исследования метакогнитивизма как отдельной области психологии нашли свое отражение как в трудах зарубежных ученых, так и в отечественной психологической науке. Как нам представляется, одним из первых примеров постановки и осмысления проблем данного направления стали «Основы социально-психологической теории». Вопросы, затрагиваемые метакогнитивной психологией, остаются актуальными сегодня и требуют продолжения исследований.

Ссылки

1. Основы социально-психологической теории: учебное пособие / под ред. А. А. Бодалева, А. Н. Сухова. Рязань: Ин-т права и экономики МВД РФ, 1995. 294 с.
2. Макропсихология современного российского общества / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. 352 с.
3. Журавлев А. Л., Соснин В. А., Красников М. А. Социальная психология. М.: Форум: ИНФА-М, 2006. 416 с.
4. Журавлев А. Л. Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. 560 с.
5. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 480 с.
6. Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Просвещение, 1976. 620 с.
7. Перикова Е. И., Ловягина А. Е., Бызова В. М. Психология метапознания. СПб.: Скифия-принт, 2020. 150 с.

8. Литвинов А. В., Иволина Т. В. Метакогниция: Понятие, структура, связь с интеллектуальными и когнитивными способностями // Современная зарубежная психология. 2013. № 3. С. 59–70.
9. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М.: Ин-т психологии РАН, 2005. 352 с.
10. Карпов А. В. Метакогнитивные способности личности // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2008. №7. С. 24–29. EDN KVQWJL.
11. Карпов А. А. Метакогнитивные процессы и качества как детерминанты общеуправленческих стилей // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. Т. 15, №4. С. 582–591. DOI 10.18255/1996-5648-2021-4-582-591.
12. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 5. С. 45–58.
13. Чернокова Т. Е. Метакогнитивная психология: проблема предмета исследования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 153–158.
14. Ожиганова Г. В. Рефлексия, рефлексивность и высшие рефлексивные способности: подходы к исследованию // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2018. № 4. С. 56–60.
15. Карпов А. В. О понятии метакогнитивных способностей личности // Психология интеллекта и творчества / под ред. А. Л. Журавлева, М. А. Холодной [и др.]. М., 2010. С. 35–46.
16. Карпов А. В. О содержании понятия метакогнитивных способностей личности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2013. № 4. С. 12-19. EDN SEDKVN.
17. Рубинштейн С. Я. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.
18. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 1. 487 с.
19. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М: Политиздат, 1975. 126 с.
20. Шадриков В. Д. Мысль, мышление и сознание // Мир психологии. 2014. № 1. С. 17–32.
21. Карпов А. А. Структура метакогнитивной регуляции деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 784 с.
22. Карпов А. В. Метасистемная организация индивидуальных качеств личности. Ярославль: ЯрГУ, 2018. 744 с.
23. Карпов А. В. Методологические основы психологического анализа информационной деятельности. Ярославль: Филигрань, 2021. 616 с.
24. Теория и практика оптимизации образовательного процесса в вузе и школе : кол. моногр.: в 2 т. Т. 1 / О. А. Беляева, А. А. Карпов, Е. В. Карпова [и др.]; науч. ред. Е. В. Карпова ; ФГБОУ ВО «Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского». Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. 182 с.
25. Теория и практика оптимизации образовательного процесса в вузе и школе : кол. моногр.: в 2 т. Т. 2. / А. С. Афанасьева [и др.]; науч. ред. Е. В. Карпова ; ФГБОУ ВО «Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского». Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. 295 с.
26. Шадриков В. Д. Познавательные процессы и способности в обучении. М.: Просвещение, 1990. 100 с.
27. Холодная М. А. Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. М.: ПЕР СЭ, 2002. 304 с.